

Аспекты описания русского языка: диахрония и синхрония

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Филологический факультет

К 270-летию Московского университета

О. Н. Григорьева, В. В. Каверина, А. Б. Коконова, Е. И. Литневская,
И. В. Мухачёва, Н. В. Николенкова, В. С. Савельев, Г. А. Филатова,
В. Ю. Шатин, М. В. Шульга

АСПЕКТЫ ОПИСАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА: ДИАХРОНИЯ И СИНХРОНИЯ

Коллективная монография

Ответственные редакторы М. Л. Ремнёва, В. С. Савельев

Издательство Московского университета
2024

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2
А90

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:

Евтушенко О. В. — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и теории словесности Московского государственного лингвистического университета

Галактионова И. В. — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Составитель И. В. Мухачёва

Аспекты описания русского языка: диахрония и синхрония : коллективная монография / О. Н. Григорьева, В. В. Каверина, А. Б. Коконова, Е. И. Литневская, И. В. Мухачёва, Н. В. Николенкова, В. С. Савельев, Г. А. Филатова, В. Ю. Шатин, М. В. Шульга ; отв. ред.: М. Л. Ремнёва, В. С. Савельев; сост. И. В. Мухачёва. — Москва : Издательство Московского университета, 2024. — 157, [1] с. — Электронное издание сетевого распространения.

ISBN 978-5-19-012060-8 (e-book)

В коллективной монографии, демонстрирующей многоаспектность современных методов изучения русского языка, исследуются разнообразные языковые факты в рамках диахронического и синхронического подходов. В главе I, посвященной истории русского языка, на широком, в том числе диалектном, материале затрагивается графико-орфографическая, фонетическая, лексическая и синтаксическая проблематика. Глава II посвящена современному русскому языку и содержит работы об актуальных проблемах морфологии, лексикологии и фразеологии, а также синтаксиса и теории перевода. Коллективная монография отражает эффективное взаимодействие научных школ, в русле которых ведутся исследования на кафедре русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Ключевые слова: русский язык, история русского языка, историческая диалектология, современный русский язык.

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2

ISBN 978-5-19-012060-8 (e-book)

© Коллектив авторов, 2024

© Мухачёва И. В., составление, 2024

© Филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2024

© Издательство Московского университета, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. История русского языка, диалектология	4
<i>Савельев В.С.</i> Коммуникативная структура древнерусского высказывания. Лексические средства введения темы	4
<i>Николенкова Н.В.</i> Авторские неологизмы в переводе «Атласа Блау» как признак ученого регистра церковнославянского языка	27
<i>Каверина В.В.</i> Буква ять в истории русского письма.....	37
<i>Шатин В.Ю.</i> Ударный вокализм костромских говоров начала XVII в.	71
<i>Коконова А.Б.</i> Семантика общерусских глаголов с корнем <i>мер/мир</i> в архангельских говорах.....	81
Часть II. Современный русский язык	94
<i>Шульга М.В.</i> Между существительным и числительным: <i>сто</i> и названия сотен	94
<i>Литневская Е.И., Ян Нань.</i> К особенностям и тенденциям употребления общего и переходного к общему рода в современном русском языке.....	112
<i>Григорьева О.Н.</i> Символика словосочетаний с прилагательным <i>зеленый</i> в русском языке	127
<i>Филатова Г.А.</i> Игра слов как способ коммуникативного взаимодействия и ее интерпретация при переводе	138
<i>Мухачёва И.В.</i> Симметрия и асимметрия при выражении симметричных валентностей у антонимов типа <i>соединить – разъединить</i>	149

ЧАСТЬ I. ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА, ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

В.С. Савельев

Коммуникативная структура древнерусского высказывания.

Лексические средства введения темы

Одной из основных задач анализа высказывания в современной лингвистике является определение его актуального членения (далее – АЧ)¹. АЧ подразумевает такую сегментацию высказывания, при которой выделяются его фрагменты – **коммуникативные составляющие** (далее – *к-составляющие*), имеющие бóльшую или меньшую коммуникативную значимость. *К-составляющая*, содержащая актуальную в коммуникативном плане информацию – то, ради чего произносится данное высказывание, – называется **ремой** (далее – Р); *к-составляющая*, содержащая информацию, актуально не значимую, служащая «отправной точкой» для введения ремы и чаще всего соотносимая с какой-либо частью сказанного (написанного) ранее, называется **темой** (далее – Т). В речевых произведениях (устных и письменных), образуемых более чем одним высказыванием, темы и ремы разных высказываний связаны друг с другом². При этом АЧ высказывания не всегда имеет бинарный характер: с одной стороны, выделяются нерасчлененные высказывания³, с другой – высказывания, в коммуникативной структуре (далее – *к-структура*) которых обнаруживается несколько тем⁴ или несколько рем⁵.

Обозначение *к-составляющих* терминами *тема* и *рема* является общеизвестным, но не общепринятым. Так, наряду с использованием первого из них исследователи употребляют термины **исходный пункт**, **начало**, **топик**⁶, при этом, будучи в значительной степени содержательно похожими друг на друга, эти термины не являются абсолютно тождественными. Тем показательнее, что вне зависимости от своих терминологических предпочтений исследователи признают, что описание темы требует многоаспектного изучения данного объекта: *к-структура* высказывания не может быть установлена и объяснена корректно, если при этом не описывается его **информационная структура**. В связи с этим актуальным является соотнесение темы

¹ Возникновение учения об АЧ связано с именем В. Матезиуса: «Первые его работы в этой области относятся еще к 1907–1908 гг., окончательная формулировка основных положений теории к 1930-м гг.» [Лаптева, 1972].

Подробные обзоры истории учения об АЧ см. [Лаптева, 1972], [Николаева, 1972], [Ковтунова, 1976] (далее ссылки на работу [Ковтунова, 1976] даются по стереотипному изданию [Ковтунова, 2002]), [Селиверстова, Прозорова, 1992], [Николаева, 1997].

² В частности, типология тем, разработанная в рамках научного направления «коммуникативная грамматика», опирается на описание способов, которыми тема последующего высказывания соотносится с темой или ремой предшествующего (см. [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998: 386]).

³ См. [Ковтунова, 2002], [Янко, 2001: 179–226], [Циммерлинг, 2016].

⁴ См. [Мельчук, 1995: 296], [Падучева, 2016: 34, 53, 54].

⁵ См. [Мельчук, 1995: 296], [Стародумова, 2002: 184, 185], [Падучева, 2016: 34].

⁶ См. обзор терминов в [Тестелец, 2001: 446, 447], [Падучева, 2016: 28, 29].

и таких единиц информационной структуры, как **данное**⁷ и **известное**⁸. В частности, описание структуры высказывания через систему оппозиций *тема / рема, данное / новое, известное / неизвестное* позволяет установить следующие особенности передачи информации высказываниями русской речи: наиболее часто тема передает информацию, *известную* собеседнику и при этом *данную (активированную)*, однако встречаются и такие высказывания, в которых *тема* передает информацию *неизвестную и/или новую (активируемую)*⁹, в частности *тема* может содержать информацию *известную, но новую* (темы интродуктивных высказываний¹⁰) или *неизвестную, но данную* (темы предложений идентификации¹¹).

Необходимо заметить, что именно *тема* высказывания играет особую роль в организации информационной структуры текста (диалога) как единого целого: в то время как *рема* в большинстве случаев служит актуализации новой (активируемой) информации, *тема* является той частью высказывания, в которой наиболее регулярно используются различные средства **когезии**¹² – как грамматические, так и лексические¹³. Когезия текста (диалога) «основана в значительной мере на повторении в смежных фразах одинаковых семантических элементов» [Падучева, 1965: 174]. Таким образом, вполне закономерно, что тема, будучи «компонентом сообщения в отношении к тому, о чем говорится в сообщении, и тому, что имело место непосредственно в предшествующем ходе дискурса [Halliday, 1967: 199]» [Скнар, 2014: 29], во-пер-

⁷ «Одно время термины **данное** и **новое** <...> использовались как синонимы соответственно “темы” и “ремы”, но приблизительно с 1970-х гг. их принято строго разграничивать. По определению И.И. Ковтуновой, “‘данным’ является нечто, известное из конситуации, названное в предыдущем контексте или же предопределяемое конситуацией” [1976: 42]; под “конситуацией” имеется в виду та ситуация речи, в которую помещено предложение. “Новым” называется остальная часть предложения – то, что не является данным.

<...> Определение данного как “известного из конситуации” нуждается в уточнении. <...> Признак активации знания <...> лежит в основе современных определений данного. <...> Данным / новым называется коммуникативная категория, которая включает два статуса: **данное** соответствует некоторому знанию, предположительно активизированному в сознании адресата в момент речи, а **новое** – не активизированному знанию» [Тестелец, 2001: 454, 455].

⁸ «Противопоставление *данное / новое* нельзя отождествлять с противопоставлением *известное / неизвестное*. Так, в предложении *Я нашел твой паспорт* ИГ (именная группа. – В.С.) *твой паспорт* несмотря на то, что ее референт наверняка известен адресату данного сообщения, тем не менее может быть новым, так как ее референт не обязан быть активированным в сознании адресата для того, чтобы употребление данного предложения было признано правильным» [Кобозева, 2000: 254].

⁹ См. [Ковтунова, 2002: 47], [Тестелец, 2001: 454], [Янко, 2001: 86], [Падучева, 2016: 55, 56], [Скнар, 2014: 29].

¹⁰ «Необходимо иметь в виду, что темой высказывания может быть и неизвестное, новое для читателя или слушателя. Новым нередко бывает начало повествования, главы, абзаца» [Ковтунова, 2002: 42].

¹¹ «Известное ≠ данное. В предложениях идентификации начало обозначает данное, т. е. то, что находится в общем поле зрения говорящих, а рема – новое, т. е. то, что только вводится в поле зрения; при этом, однако, вновь вводимое должно быть известным из прошлого опыта – иначе никакой идентификации не произойдет, а данное – неизвестным, иначе нет потребности в его идентификации» [Падучева, 2001: 115].

¹² «В основе любого текста лежит когезия (лат. *cohaesus* – связанный, сцепленный) – лексическая и грамматическая связанность предложений-высказываний в цепочку скоррелированных элементов, определяющих развитие основной темы за счет поэтапного ввода новых лексико-грамматических единиц, входящих в линейно-динамическую структуру сверхфразового единства» [Салтанова, 2022: 233].

¹³ «Понятие “когезия” было введено М.А.К. Халлидеем и Р. Хасан в исследовании “Когезия в английском языке” <...>. Средства связывания могут быть дифференцированы на грамматические и лексические. М.А.К. Халлидей и Р. Хасан подчеркивают тот факт, что грамматические и лексические элементы начинают выполнять функцию связующих средств, когда они интерпретируются через свои отношения с какими-либо другими элементами текста <...>. Грамматическая когезия, выражаемая через грамматическую систему, включает референцию, субституцию, эллипсис и связывание посредством союзов. Лексическая когезия – часть лексической системы языка – предполагает отношения повтора, синонимизации и другие отношения семантического характера» [Володина, 2014: 26, 50].

вых, чаще всего связана с *данным*¹⁴ и, во-вторых, тяготеет к началу высказывания¹⁵: ориентированная в большинстве случаев на повтор активированной информации¹⁶, тема представляет собой *к-составляющую*, в которой обнаруживаются разнообразные **средства референции**, и прежде всего – **анафорические элементы**, соотносимые с **антецедентами** предшествующего контекста¹⁷. Установлено, что на возможность выбора анафорического элемента существенное влияние оказывает степень его удаленности от антецедента, что наиболее ярко проявляется в диалоге: вероятность употребления анафорического местоименного слова тем выше, чем ближе данный компонент находится к антецеденту¹⁸.

Данная особенность, свойственная когезии диалога, является далеко не единственным признаком, различающим когезию *диалога* vs. *текста*. Наиболее значимым в этом отношении является то, что реплики диалога связаны не только **семантическими**, но и **прагматическими отношениями**: «Средства связи реплик в диалоге могут быть теми же, что в монологическом тексте, – это разные виды семантических повторов; связи с помощью союзов и других синтаксических показателей; кореферентность, выражающая единство предмета речи <...>. Все это семантические связи, т. е. связи между содержанием реплик. В диалоге, однако, ярко проявляется новый вид текстовой связности, которую естественно назвать прагматической. Прагматические связи – это такие, в которые существенным образом включается речевой акт, с его условиями успешности, его участниками, презумпциями этих участников, с естественными законами сочетаемости речевых актов друг с другом и т. п.» [Падучева, 1982: 512]. Таким образом, выбор темы реактивной реплики, обусловленный ориентированностью на реплику-стимул, отражает стремление участника коммуникации к созданию *интеракции* и, шире, *минимальной диалогической единицы (диалогического единства, микродиалога)*¹⁹ как речевого произведения, обладающего **когерентностью**²⁰.

¹⁴ «“Данным” является нечто, известное из конситуации, названное в предшествующем контексте или же предопределяемое конситуацией. <...> Практически тема высказывания очень часто обозначает данное» [Ковтунова, 2002: 42]. См. также [Падучева, 2001: 113], [Янко, 2001: 86].

¹⁵ «Вынос доминированного имени на первое место во фразе очевидным образом связан с ее актуальным членением; он обусловлен естественностью такого построения фразы, когда известные элементы ее содержания выносятся в начало, а неизвестные – те, на которых сосредоточено логическое ударение, – группируются ближе к концу» [Падучева, 1965: 178].

¹⁶ «Вследствие своей потенциальной ретроспекции на предшествующий контекст употребления высказывания, тема обеспечивает связь между предложениями, референтом которых она является, и последующим контекстом» [Скнар, 2014: 47].

¹⁷ «*Референцией* называется замена в связном отрезке текста наименования, свойства или действия определенными детерминантами, в число которых включаются местоимения (личные, притяжательные, указательные), слова с количественным или качественным значением, определенный артикль *the* и т. п. <...>. И антецедент (семантический источник), и анафорический элемент имеют общий референт действительности – предмет, свойство или действие, обозначаемое в тексте, причем обычно коррелируются однородные элементы, например, имя собственное / нарицательное и личное местоимение» [Сергеева, Самохвалова, 2011: 74].

¹⁸ «Для менее предсказуемой / доступной восприятию адресата / континуально репрезентируемой темы высказывания задействуется больше импликаций для репрезентации этой темы в тексте. <...> По мере увеличения расстояния между дискурсивными референтами, выражающими одну и ту же тему, требуется больше времени и ментальных усилий на идентификацию референта и, следовательно, больше иконически выраженного кодируемого речевого материала» [Скнар, 2014: 128].

¹⁹ См. [Савельев, 2021: 237, 238].

²⁰ «В когерентном тексте мы обнаруживаем когезию, т. е. идентифицируем референты, но когезия не всегда предполагает когерентность, т. е. впечатление, что последовательность диалогических высказываний образует единое тематическое целое. Таким образом, явление когезии дифференцируется от явления когерентности. Т.В. Милевская предлагает следующие основания указанной дифференциации: “Когезия суть свойство элементов текста, а когерентность есть свойство текста в целом” [Милевская, 2001: 61]» [Володина, 2014: 30].

Прагматическая связанность *темы* реактивной реплики с репликой-стимулом определяет выбор средств выражения семантических отношений (по Е.В. Падучевой) или грамматической и лексической когезии (по М.А.К. Халлидею и Р. Хасан). Данные средства выражения могут быть как сегментными, так и суперсегментными и обладать различной степенью универсальности: «В языках существует не менее четырех способов маркирования темы, на которые может опереться воспринимающий речь человек. Это позиционный, грамматический, лексический и фонетический способы. Первый и последний из них, можно думать, являются универсальными, в то время как остальные два представлены в одних языках, но отсутствуют в других» [Касевич, 1988: 276]²¹. В русском языке используются все четыре способа маркирования темы, в том числе и лексический: например, «словами темы» являются частицы *а, же, -то*²², наречия *раньше, вдруг*²³, *теперь, порой, сначала, поначалу, наконец, сейчас*²⁴; показателями «лексической связности» являются «повторы некоторых языковых и речевых единиц; употребление синонима или однокорневой лексемы (*бегемот-гиппопотам*); употребление конституента той же самой лексико-семантической группы (*береза-тополь*)» [Скнар, 2014: 34]; наконец, несмотря на то что местоименные слова (прежде всего *те*, которым свойственна анафорическая функция) могут быть использованы и в реме, основным «местом» их употребления является тема.

То, что в русском языке *тема* (равно как и *рема*) может быть определена и описана на основании анализа целого комплекса средств, в том числе сегментно выделяемых, является крайне важным с точки зрения исследования *к*-структуры древнерусского высказывания.

Возможности изучения древнерусской устной речи существенно ограничены тем фактом, что в качестве материала исследователь может использовать исключительно данные **прямой речи**, изображающей устную речь в письменном речевом произведении. Тем не менее описание *к*-структуры древнерусского высказывания вполне возможно:

1) как показывает сопоставление данных, полученных при изучении современной устной речи – реальной и изображаемой в письменной речи, авторское представление об особенностях устной коммуникации и, в частности, *к*-структуры высказываний в значительной степени соответствует реальным их характеристикам²⁵,

2) феномену АЧ свойствен универсальный характер²⁶,

3) в работах по истории русского языка обращается внимание на типологически устойчивый характер явлений, свойственных *к*-структуре древнего и современного русского высказывания. В частности, исследователи отмечают:

²¹ «Позиционный, естественно, заключается в том, что в типичном случае тема тяготеет к инициальной позиции. Это, можно полагать, действительно для всех или почти всех языков, особенно не обладающих специальными маркерами темы» [Касевич, 1988: 276].

²² См. [Падучева, 2016: 65]; о частицах см. также [Стародумова, 2002: 45–60].

²³ См. [Падучева, 2016: 68].

²⁴ См. [Янко, 2001: 252, 254].

²⁵ См. обзор работ в [Савельев, 2021: 92–99].

²⁶ См. [Халлидей, 1978: 138, 139], [Циммерлинг, 2016: 76].

- «историческую стабильность» признаков, характеризующих устную речь и противопоставляющих ее письменной речи²⁷;
- устойчивый характер особенностей словопорядка в славянских языках «древнего и нового времени»²⁸;
- типологическое сходство (или тождество) систем словопорядка в старославянском языке, древнерусском языке южных памятников, древненовгородском диалекте и современных западно- и южнославянских языках²⁹;
- наличие связи между использованием ритмико-синтаксического барьера и коммуникативной целеустановкой говорящего в древней и современной устной речи³⁰;
- то, что использование форм личных местоимений 1 и 2 лица обусловлено их коммуникативной выделенностью и свойственно разным древним языкам³¹;
- то, что разрыв синтаксических групп, свойственный многим языкам, связан с коммуникативной организацией высказывания³²;
- интонационную выделенность начальной позиции высказывания в устной речи – как древней, так и современной³³.

Признание существования структурного сходства систем, отражающих разные стадии развития языка, вполне закономерно приводит к тому, что в работах, затрагивающих историю русского языка, многие факты получают объяснение в тех случаях, когда авторы обращаются к понятийному аппарату коммуникативистики, ориентируясь при этом на особенности *к*-структуры высказываний современного русского языка³⁴.

Сказанное выше, на наш взгляд, позволяет сделать вывод о **возможности использования методов исследования современной коммуникативистики для описания летописного высказывания**³⁵. В то же время применение этих методов требует от исследователя особой осторожности, связанной прежде всего с отсутствием данных фразовой просодии.

В [Савельев, 2021] нами было проведено исследование *к*-структуры летописного высказывания на материале прямой речи в «Повести временных лет». Удалось установить, что источником сведений о *к*-структуре летописного высказывания являются средства прагматической связи реплик диалога, порядок слов, сегментные маркеры *к*-составляющих, грамматические и лексические показатели *к*-составляющих, а также информация, содержащаяся в рамочных конструкциях диалогических фрагментов. Как оказалось, средства, позволяющие определить *к*-структуру летописного высказывания, используются в нем не изолированно, но как взаимосвязанные элементы единых комплексов. Таким образом, установленные и описан-

²⁷ См. [Лаптева, 1965], [Ковтунова, 1969: 50, 60].

²⁸ См. [Циммерлинг, 2013: 25, 32].

²⁹ См. [Циммерлинг, 2013: 86, 124–126, 306, 309].

³⁰ См. [Зализняк, 2008: 169, 170].

³¹ См. [Буденная, 2017: 41].

³² См. [Циммерлинг, 2013: 37, 38].

³³ См. [Николаева, 1985: 118, 120].

³⁴ См., например, [Зализняк, 2008], [Циммерлинг, 2013], [Буденная, 2017].

³⁵ См. более подробное обоснование в [Савельев, 2021: 92–99, 367–377].

ные закономерности использования различных средств АЧ верифицируются посредством соотнесения данных об употреблении средств разного типа³⁶.

Особое место в к-структуре летописного высказывания занимают **лексические средства введения темы**. Какие именно лексемы используются при оформлении темы в летописном высказывании? Каковы закономерности их использования? Связаны ли они с особенностями информационной структуры высказывания? Именно этот круг вопросов представляется наиболее актуальным в связи с исследованием данного объекта.

В ходе анализа летописных интеракций и реплик, состоящих более чем из одного высказывания, были установлены типы лексических средств введения темы, значения и функции которых в большинстве случаев аналогичны выделяемым исследователями современного русского языка³⁷. Вначале речь пойдет о тех из них, частеречная принадлежность которых связана с номинативной функцией языка (пп. 1–10), затем будут рассмотрены местоименные слова, которым свойственны анафорическая, кванторная и дейктическая функции (пп. 11–14):

1. Тавтологии

Тавтологичным может быть употребление а) лексем – различных частей речи, в том числе собственных и нарицательных существительных, при этом может использоваться как тождественная словоформа (=), так и отличная от исходной (~) (см. <1>, <2>); б) словосочетаний (= и ~) (см. <3>, <4>), в) предложений (~) (см. <5>):

<1> **Посла Улегъ к радимичѣмъ, рка:** (1) «Кому дань даете?» **Уни же рѣша:** (2) «Козаромъ (P)». **И рѣе имъ Улегъ:** (3) «(3.1) Не даванте (P) козаромъ (T), (3.2) но мнѣ (P) даванте (T)» (6393 / 885)³⁸ – козаромъ = козаромъ, (не) даванте = даванте;

<2> **Унъ же рѣе дъщери своен:** (1) «Хощеши ли (P) за Володимира (T)?» **Уна же рѣе:** (2) «Не хощю розутти (P) Володимера (T)³⁹ <...>» (6488 / 980) – за Володимира ~ Володимера;

<3> **И рѣе Улгъ къ Асколодови и Дирови:** (1) «(1.1) В (T) неста княза (P), (1.2) ни роду кжа (P), (1.3) но азъ есмь (P) роду кжа (T)» (6390 / 882) – роду кжа = роду кжа;

<4> **И по крѣщении призва ю цѣрь и рѣе еи:** (1) «Хощю тѣ понати женѣ». **Уна же рѣе:** (2) «Како ма (P) хощеши понати (T) <...>?» (6463 / 955) – хощю понати ~ хощеши понати;

<5> **И рѣе има Гднь:** (1) «Што вамъ молвѣть (P) бѣзи ваши (T)?» **Уна же рекоста сице:** (2) «(2.1) Намъ бѣзи молвѣть: (2.2) не быти нама живымъ ѿ тебе». **И рече има Гднь:** (3) «То вамъ (T...) право (P) молвѣть бѣзи ваши (T...)» (6579 / 1071) – в (3) актуализируется оценоч-

³⁶ См. подробнее в [Савельев, 2021: 367–518].

³⁷ «При параллельном развитии межфразовых связей тема предыдущего предложения вступает с темой последующего в отношения местоименно-заместительные, синонимические, однородные, родо-видовые, посессивные, партитивные (части и целого); при последовательном – те же отношения наблюдаем между ремой предыдущего и темой последующего предложения» [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998: 386].

³⁸ В качестве материала исследования использовался текст «Повести временных лет» по Ипатьевскому списку Ипатьевской летописи, воспроизведенной в издании [ПСРЛ, 1908]. При разбивке текста на предложения и расстановке пунктуационных знаков, отсутствующих в летописи, использовались данные академического издания [Повесть временных лет, 1950], подготовленного Д.С. Лихачевым, а также изданий [Бугославский, 2006] и [Повесть временных лет, 2000]. В скобках после примера указывается год, под которым помещен цитируемый фрагмент (по принятому в летописи византийскому летосчислению и летосчислению от Рождества Христова).

³⁹ Вариант: «(2) Не хощю (P) розутти Володимера (T)»; см. подробнее [Савельев, 2021: 484].

ный компонент **право**, свидетельствующий о «согласии» Яня Вышатича со словами «богов», при этом высказывание в целом представляет собой повтор высказывания (1) (опускается вопросительный компонент **што**).

Достаточно часто тавтология сопровождается использованием в одном из высказываний отрицания **не** (например, в <1>, <2>) в тех случаях, когда пропозиции двух высказываний необходимо противопоставить.

Следует также обратить внимание на своеобразную тавтологию при использовании омоформ:

<6> **Іанъ же рѣе**: (1) «(1.1) **Поистинѣ** лжете: (1.2) **с**творилъ **бо** **есть** **Бѣ** члѣка ѿ **земла** <...> (1.3) **и нѣ** в **немь** (P) **ничтоже** (T)⁴⁰ (1.4) **и не вѣсть** (P) **ничтоже** (T) , (1.5) **только Бѣ единъ** (P) **вѣсть** (T)» (6579 / 1071) – (не) **вѣсть** = **вѣсть**, (Им) «=» **ничтоже** (Вин).

2. Однокоренные слова

Чаще всего соотносятся глагольные и субстантивные дериваты, реже встречаются однокоренные существительные:

<7> **Вни же ркоша**: (1) «**Что сѣть** (P) **вдалѣ** (T)?» (2) **Вни же** **показаша мечь**. **И рѣша** **старцѣ козарстии**: (3) «(3.1) **Не добра** (P) **дань** (T), (Обращение) **кнаже!** <...>» – **вдалѣ** – **дань**;

<8> **И ркоша** **деревлани**: (1) «(1.1) **Посла ны** **Деревьскѣа** **земла**, (1.2) **ркѣщи** **сице** (P): «<...> **Да иди** **за нашъ князь** **за Малъ!**» <...> **Рѣе** **же** **имъ** **Влга**: (2) «**Люба ми** **есть** (P) **рѣчь** **ваша** (T) <...>» (6453 / 945) – **ркѣщи** – **рѣчь**;

<9> **Рѣе** **Володимѣрь**: (1) «**Кака** **есть** (P) **вѣра** **ваша** (T)?» **Вни же** **рѣша**: (2) «(2.1) **Вѣрѣмъ** (T) **Бѣ** (P). (2.2) **А** **Бохъмитъ** **ны** **оучить** <...>» (6494 / 986) – **вѣра** – **вѣрѣмъ**;

<10> **Ркоша же** **кианѣ**: (1) «(1.1) **Намъ** **невола**: (1.2) **кназь** **наш** (T) **оубитъ** (P), (1.3) **а** **кнагини** **наша** (T) **хоцеть** **за** **вашъ** **кназь** (P)» (6453 / 945) – **кназь** – **кнагини**.

3. Синонимы

Использование синонимов как средства введения темы является крайне редким:

<11> **Вни же** **рѣша**: (1) «(1.1) **Разъгнѣвалъса** **Бѣ** **на** **вѣци** **на** (1.2) **и** **расточи** **ны** **по** **страна** **грѣхъ** **ра** **нашихъ** (P), (1.3) **и** **предана** **бы** **земла** **наша** **хрѣтыаномъ**». **Володимиръ** **же** **рѣе**: (2) «<...> (2.1) **Аще** **бы** **Бѣ** **любилъ** **васъ**, (2.2) **то** **не** **бысте** (P) **расточени** **по** **чюжимъ** **земламъ** (T) <...>» (6494 / 986) – (расточи) **по** **страна** = (расточени) **по** **чюжимъ** **земламъ**.

4. Контекстуальные синонимы

Использование контекстуальных синонимов также не является частым:

<12> **И ркоша** **емѣ** **вогаре**: (1) «(1.1) **Посли** **к** **немѣ** **дары** (P), (1.2) **искѣсимъ** **и**, (1.3) **любезнивъ** **ли** **есть** (P) **златѣ** **или** **паволока** (T)» (6479 / 971) – **дары** = **златѣ** **или** **паволока**;

⁴⁰ Вариант: «(1.3) **и нѣ** **в** **немь** **ничтоже** (P)» или «(1.3) **и нѣ** (P...) **в** **немь** (T) **ничтоже** (P...)».

<13> **Н**аоутрига же вывшю, присла **С**тополкъ, река: (1) «**Не ходи** (P) **ѿ именинъ моихъ** (T)». **В**аслако же штопрѣса, река: (2) «(2.1) **Не могу** (P) **ждати** (T). (2.2) **Ѣ**да бѹдетъ рать дома» (6605 / 1097) – не ходи = ждати.

5. Антонимы

При введении темы используются антонимы-существительные, лексическое значение которых может содержать оценочный компонент (например, <14>, <17>), а также антонимичные местоименные показатели таксисных временных отношений (см. <16>):

<14> **И** поучи ю патриархъ **ѡ** вѣрѣ и рѣе еи: (1) «(1.1) **Блгѣвна** ты еси в рѹськыхъ князехъ, (1.2) **яко възлюбилъ свѣтъ** (P), (1.3) **а тмѹ** (T) **ѡстави** (P) <...>» (6463 / 955) – свѣтъ / тмѹ;

<15> **И** рѣе варягъ: (1) «(1.1) **Не сѹт** то бѣи, (1.2) **но древо**. (1.3) **Днѣ** (T) **естъ** (P), (1.4) **а оутро** (T) **изъгнало естъ** (P) <...>» (6491 / 983) – днѣ // оутро;

<16> **Ѱ**ни же рѣша, яко: (1) «<...> (1.1) **Всакъ** бо члвкъ, (1.2) **аще преже** (T) **вкусить сладка** (P), (1.3) **послѣди же** (T) **не можетъ горести приати** (P) <...>» (6495 / 987) – преже // послѣди же.

Примечательно, что противопоставленность антонимов в темах может сочетаться с тем, что и в ремах высказываний обнаруживаются антонимы:

<17> **Ѱ**ни же рѣша емѹ: (1) «(1.1) **Ты поставленъ еси ѿ Ба** на казнъ (P) **злымъ** (T)⁴¹ (1.2) **а на милование** (P) **добрымъ** (T) <...>» (6504 / 996) – T: злымъ // добрымъ, P: на казнъ // на милование.

6. Контекстуальные антонимы

Контекстуальные антонимы встречаются в высказываниях в тех случаях, когда говорящий стремится противопоставить две пропозиции:

<18> **И** рѣша словенѣ: (1) «(1.1) **Имемъса** своимъ толъстинамъ (P): (1.2) **не даны сѹтъ** словѣно^м (P) **пре кропинныа** (T)» (6415 / 907) – толъстинамъ // пре кропинныа;

<19> **И** рѣша богаре: (1) «(1.1) **Лютъ** сѣи мѹжь хощетъ быти, (1.2) **яко имѣниа** (T) **не врѣже** (P), (1.3) **а врѹжье** (T) **кметъ** (P) <...>» (6479 / 971) – имѣниа // врѹжье;

<20> **И** се слышавъ, **В**олодимиръ повелѣ исковати лжици сребраны гаси дрѹжинѣ, рекъ сице, яко: «(1.1) **Сребромъ** и **златомъ** (T) **не имамъ** **налѣсти дрѹжины** (P), (1.2) **а дрѹжиною** (T) **налѣзѹ** **сребро и злато** (P) <...>» (6504 / 996) – сребромъ и златомъ // дрѹжиною.

7. Слова, называющие однородные объекты

Используются существительные, входящие в определенные лексико-семантические группы:

⁴¹ Вариант: «(1.1) **Ты** (T) **поставленъ еси ѿ Ба** (P) (1.2) **на казнъ** (P) **злымъ** (T), (1.3) **а на милование** (P) **добрымъ** (T)»; см. подробнее [Савельев, 2021: 484].

<21> Рче Гтославъ къ мтръ свои и къ богаро^м своимъ: (1) «<...> (1.1) Глго тѹ вса благаа сходатъ: (1.2) Ѡ грѣкъ (Т) – паволокы, золото, вино и швоци различьнии (Р), (1.3) и и щеховъ и изъ оугоръ (Т) – серебро и комони (Р), (1.4) изъ Руси же (Т) – скора, и воскъ, и медъ, и челады (Р)» (6477 / 969) – Ѡ грѣкъ – и и щеховъ и изъ оугоръ – изъ Руси же;

<22> «<...> (1.4) а свинины (Т) не ѣсти (Р), (1.5) а вина (Т) не пити (Р) <...>» (6494 / 986) – свинины – вина.

В некоторых случаях слова, называющие однородные объекты, используются как контекстуальные антонимы (см. <18>).

Значительную часть слов, называющих однородные объекты, составляют существительные-реляторы (см. п. 8).

8. Реляторы

В летописных высказываниях обнаруживаются агентивные существительные, характеризующие называемые лица по занимаемому ими месту в светской (*князь, княгиня, боярин, дружина, (княжий) муж, отрок* и под.) или церковной (*патриарх, епископ, игумен, брат (черноризец)* и под.) иерархии, а также в семье (*муж, жена, дед, бабка, отец, мать, сын, дочь* и под):

<23> (= <10>) Ркоша же киганѣ: (1) «(1.1) Намъ (Т) невола (Р): (1.2) кназь наш (Т) оубитъ (Р), (1.3) а княгини наша (Т) хощеть за вашъ князь (Р)» (6453 / 945) – намъ – кназь наш – княгини наша;

<24> Ī рѣша емѹ мужи смысленѣи: (1) «(1.1) Не кѹшанса (Р) противѹ имъ (Т), (1.2) яко мало (Р) имаши вон (Т)». Вн же рче имъ: (2) «(2.1) Имѣю штрокъ своихъ (Т) .и. сотъ (Р) <...>» (6579 / 1071) – вон – штрокъ своихъ;

<25> И рѣша братья къ Антонию: (1) «(Обращение) вче! (Р) (1.1) Братья (Т) оумножаетьса (Р), (1.2) а хотѣлѣ выхомъ поставити монастырь» (6559 / 1051) – вче – братья;

<26> Ркоша же деревланѣ: (1) «(1.1) Се княза рѣкаго (Т) оубихомъ (Р). (1.2) Поимемъ (Р...) женѹ его Шлгѹ (Т) за князь свои Малъ (Р...) <...>» (6453 / 945) – княза рѣкаго – женѹ его (Шлгѹ);

<27> И посла Гдрославъ къ Глѣвѹ, глѣ: (1) «(1.1) Не ходи! (1.2) вѣтъ ти (Т) оумрѣлъ (Р), (1.3) а братъ ти (Т) оубитъ Ѡ Гтопока (Р)» (6523 / 1015) – не ходи (глагольная форма 2 лица ед. числа = *ты*) – вѣтъ ти – братъ ти.

Обращает на себя внимание то, что в подавляющем большинстве случаев реляторы используются в сочетаниях с показателями посессивных отношений.

9. Не-местоименные показатели посессивных отношений⁴²

В качестве показателей посессивных отношений – достаточно редко – могут выступать формы родительного падежа существительных (см. <28>) и прилагательные, образованные от существительных (см. <29> и <30>):

⁴² Местоименные показатели посессивных отношений рассмотрены в п. 14.

<28> И посла **Влегъ** послы своа къ **Изяславу**, **г̃ла**: (1) «(1.1) **Иди оу** волость **ѡца** своего **Ростову**, (1.2) **а то есть** (Т) **волость ѡца моего** (Р). (1.3) **Да хочю**, (1.4) **тү сѣсѣдла**, (1.3) **порадъ** положити сѣ **ѡцемъ** твоимъ. (1.5) **Се во ма выгналъ** (Р) **из города ѡца моего** (Т) <...>» (6604 / 1096) – волость ѡца моего – из города ѡца моего (ѡца моего, будучи показателем посессивных отношений, одновременно тавтологично части ремы (1.2);

<29> **Възе** же и дары многы и **възврати** в **Переяславѣць** с похвалою великою. <...> **Стѡславъ** же приа дары и поч^а думати сѣ **дружиною** своею, река сице: (1) «(1.1) **Аще** не ствѣримъ мира сѣ **цѣрмъ** <...> (1.2) **встѣпа** ны (Р) **в городѣ** (Т). (1.3) **А Рѣката земля** (Т) **далече** есть (Р), (1.4) **а печенѣзи** с нами ратни <...>» (6479 / 971) – в городѣ – Рѣката земля;

<30> **Вни** же рѣша, тако: (1) «<...> (1.1) **И** приходом же въ **грѣкы**, (1.2) и **ведоша** ны, (1.3) **идеже** слѣжати **Бѣ** своему <...> **Всакъ** во члѣвкѣ, **аще** преже **вкуситъ** сладка, **послѣди** же не можетъ горести приати. **Тако** и мы не **имамъ** сде жити». **Вѣщавъша** же **вогарѣ** и рѣша: (2) «(2.1) **Аще** лихъ **бы** (Р) **законъ** **грѣчкин** (Т), (2.2) **то** не **бы** баба твоя **Влга** пригала **крѣщенна** <...>» (6495 / 987) – описание православной службы у греков в (1) – законъ грѣчкин.

10. Синсемантическая лексика

Синсемантическими являются лексемы, связь между которыми определяется за счет их принадлежности одному понятийному полю. В числе прочих к ним относятся слова, образующие пары, члены которых связаны определенными типовыми словообразовательными и/или семантическими отношениями (рассмотренные в пп. 2–9 однокоренные слова, синонимы, антонимы, слова, называющие однородные объекты, реляторы и показатели посессивных отношений). Однако синсемантическими являются также и такие слова, между которыми подобные отношения не обнаруживаются, и именно о них и пойдет речь в данном разделе. Подобным словам свойственно то, что они используются в тех случаях, когда высказывание входит в диалогический фрагмент, в котором раскрываются различные аспекты одной микротемы: лексическое и/или грамматическое значение слова (словоформы) соотносится с лексическими и/или грамматическими значениями слов (словоформ), образующих «синсемантическое окружение»⁴³:

<31> И **заоутра**, **въставъ**, **рече** к сѣщимъ с нимъ оученикомъ: (1) «(1.1) **Видите** горы **сна?** (1.2) **Иако** на **сихъ горахъ** (Т) **въсинаетъ** **бл҃гѣть** **Бж҃иа** (Р). (1.3) **Имать** (Т) **и городъ великъ** **быти** (Р) <...>» – **въсинаетъ** – **имать быти** – глагольные формы сообщают о возникновении в будущем некоего нового положения дел;

<32> И **еще** живѣ сѣщю **емѣ**, **наради** **сны** своа, **реки** имъ: (1) «<...> (1.1) **Аще** ли **будете** **ненавистно** живѣще <...> (1.2) **то** и **сами** (Р) **погибнете** (Т), (1.3) **и** **землю ѡцѣ** **своихъ** и **дѣдѣ** (Р) **погубите** (Т)⁴⁴ <...>» (6562 / 1054) – глагольные формы сообщают о событиях в будущем, которые приведут к исчезновению субъекта (1.2) и объекта (1.3);

⁴³ См. [Бюлер, 1993: 132–143].

⁴⁴ Обоснование именно такого АЧ см. в [Савельев, 2022: 26, 27].

<33> **И послаша к нѣмѹ, гл҃ше:** (1) «(1.1) По что (P) идѣши шплатъ (T)? (1.2) Понималъ еси (P) всю дань (T)» (6453 / 945) – по что – всю дань – катафорическое местоимение и словосочетание называют объекты – новый (по что) и старый (всю дань), – на которые претендует кн. Игорь; рема (1.2) констатирует завершенность ситуации⁴⁵;

<34> **Ркоша р҃сь чюдѹ, словенѣ, кривичи и всѣ:** (1) «(1.1) Земля наша (T) велика и шбила (P), (1.2) а наряда въ ней (T) нѣтъ (P) <...>» (6370 / 862) – земля – наряда – земля мыслится как объект, который должен быть (об)устроен, т.е. иметь наряд;

<35> **И ркоша емы:** (1) «(1.1) **Реклъ ти папежь:** “(1.2) Земля твоя (T) яко земля на” (P), (1.3) а вѣра ваша (T) не акы вѣра наша (P) <...>”». **Володимиръ же р҃че:** (2) «Кака е (P) заповѣдь ваша (T)?» (6494 / 986) – земля – вѣра – земля мыслится как объект, (об)устройство которого требует наличия правильной веры; вѣра – заповѣдь – вера мыслится как объект, требующий от верующего соблюдения определенных правил (устава), т.е. заповеди;

<36> **Володимѣръ же <...> възрѣвъ на нѣбо и рече:** (1) «<...> (1.1) Мнѣ помози (P), (Обращение) Г҃и, (1.1) на супротивнаго врага (T), (1.2) да надѣюся на тѣ и на твою державу, (1.3) повѣжаю (P) козни его (T)» (6496 / 988) – на супротивнаго врага – козни его – врагом является тот, чьи замыслы являются вредоносными, т.е. представляют собой козни;

<37> **И се рекъ, посла едино ш братья къ Изяславѹ князю, река тако:** (1) «(Обращение) **Кнаже мои!** (1.1) Се бѣ оумножаетъ братью (P), (1.2) а мѣсце (T) мало (P) <...>» (6559 / 1051) – оумножаетъ – мѣсце – объекты, количество которых умножается, нуждаются в большем пространстве, т.е. в большем месте.

***

Таким образом, в качестве средств введения темы в летописных диалогических фрагментах регулярно используются слова в номинативной функции, выражающие типовые отношения между темой и предшествующим контекстом и являющиеся средством когезии диалога.

Не менее часто в качестве средств введения темы используются местоименные слова.

11. Местоименные слова в анафорической функции

Наряду с тавтологиями наиболее часто употребляемым средством введения темы в летописных высказываниях являются местоименные слова в анафорической функции. Используются лексемы **сь, тѣ, онѣ же, и(же), самѣ, иде(же), тѹ(то), тѹда, ѿтѹдѹ, ѿтѹдѣ, тогда, тако,** замещающие сегменты предтекста, различающиеся а) объемом (от члена предложения до группы высказываний) и б) синтаксическими характеристиками (разные члены предложения):

<38> **И р҃че има:** (1) «**Что ради погубисте толико чл҃вкъ?**» **Внима же рекшима, тако:** (2) «**Си** (T) держатъ гобинѹ (P) <...>» (6579 / 1071) – чл҃вкъ = си;

<39> «<...> (1.1) **По створи**” миръ сѣ ц҃рмѣ, (1.2) **се бо ны сѣ по дань галѣ,** (1.3) **и то** (T) бѹди довольно намѣ (P) <...>» (6479 / 971) – се бо ны сѣ по дань галѣ = то;

⁴⁵ С другой стороны, возможна иная трактовка АЧ (1.2): «**Понималъ еси** (T) всю дань (P)» – говорящий напоминает собеседнику об окончательной «исполненности» действия (взято все, что полагалось взять: на большее кн. Игорь претендовать не имеет права).

<40> Р^че же Володимиръ: (1) «(1.1) Придоша къ мнѣ жидове, (1.2) глѹще, тако: “(1.3) Нѣмци и грѣци вѣрѹтъ, (1.4) егоже мы расплхо^м”. Философъ же р^че: (2) «(2.1) Воистинѹ в того вѣрѹемъ, (2.2) тѣхъ во прѣрци прорѣкоша <...> (2.3) Вни же ты прѣрѣки (Т) и избивахѹ (Р), (2.4) а дрѹгнѹ претирахѹ <...>» (6494 / 986) – жидове = вни же;

<41> И посла Володимиръ къ цѣрви Василию и Костантинѹ, глѹ сице: (1) «<...> (1.1) Слышу же се, (1.2) тако сестроѹ имае^те дѣвою. (1.3) Да аще кѹ (Т) не вдасте за ма (Р), (1.4) то створю гра^а вашему, (1.5) тако и семѹ створи^хъ» (6496 / 988) – сестроѹ = кѹ;

<42> И призва старѣшинѹ конюхомъ, рѣ: (1) «(1.1) Кдѣ есть (Р) конь мон (Т), (1.2) его же (Т) вѣхъ поставилъ кормити (Р)⁴⁶ <...>?» (6420 / 912) – конь = его же;

<43> И се рекъ имъ, р^че имъ: (1) «(1.1) Живете всовѣ, (1.2) поставлю вы игѹмена, (1.3) и самъ (Т) хощю въ инѹ горѹ сѣсти одинъ (Р) <...>» (6559 / 1051) – поставлю (глагольная форма 1 лица ед. числа) = самъ, вы ≠ самъ;

<44> И посла къ деревлян^м, рѣ сице: (1) «<...> (1.1) Да пристроите ме^ды многы оѹ города, (1.2) идеже (Т) оубисте мѹжа моего (Р) <...>» (6453 / 945) – оѹ города = идеже;

<45> Увогда же ли паки в нощи прихожахѹ к нему, и страхъ емѹ творяще шво въ мечтѣ, тако се многъ народъ с мотыками и с лыскари, глѹще: (1) «(1.1) Раскопаемы пещерѹ сию (1.2) и се здѣ (Т) загревемъ (Р)» (6582 / 1074) – пещерѹ сию = здѣ;

<46> Р^че Стославъ къ мѣрѹ своен и къ богар^м своимъ: (1) «(1.1) Не любо ми есть в Киевѣ жити, (1.2) хочю ж^ти в Переяславци в Дѹнаи, (1.3) тако то есть (Т) среда земли моен (Р), (1.4) тако тѹ (Т) вса благаа сходатъ^с (Р) <...>» (6477 / 969) – в Переяславци в Дѹнаи = то и тѹ;

<47> И рѣкоша вои: (1) «(1.1) Идеже глав^а твоя лажеть, (1.2) тѹ (Т) и главы наша сложи^м (Р)⁴⁷» (6479 / 971) – идеже глав^а твоя лажеть = тѹ;

<48> И вдаста емѹ миръ, рекѹще сице: (1) «(1.1) Иди къ братѹ своему Дѣдѣви, (1.2) и придита къ Кыевѹ <...> (1.3) и тѹто (Т) достойтъ снѣтисѹ (Р) <...>» (6604 / 1096) – къ Кыевѹ = тѹто;

<49> Сказа ми Гѹрлата Роговичъ, новгородецъ, глѹ сице, тако: (1) «<...> (1.1) И есть в горѣ тѹи просѣчено вконце мало, (1.1) и тѹда (Т) молватъ (Р) <...>» (6604 / 1096) – вконце мало = тѹда;

<50> И р^че имъ Володимѣ^{рѣ}: (1) «(1.1) Идете паки в нѣмцѣ (1.2) и сгладанте тако же, (1.3) и ѿтѹдѹ (Т) идете въ грѣкы (Р)» (6495 / 987) – в нѣмцѣ = ѿтѹдѹ;

<51> Сказа ми Гѹрлата Роговичъ, новгородецъ, глѹ сице, тако: (1) «<...> (1.1) И пришедшю ѿтрокѹ моему к нимъ, (1.2) и ѿтѹдѣ (Т) иде въ Оѹгрѹ (Р) <...>» (6604 / 1096) – к нимъ = ѿтѹдѣ;

<52> И пристави Володимеръ, рекъ: (1) «(1.1) Аще кде пристанеть, (1.2) вы то ѿрѣванте его ѿ берега, (1.3) дондеже пороги прондетъ. (1.4) Тогда (Т) ухавитесѹ его (Р)» (6496 / 988) – дондеже пороги прондетъ = тогда;

⁴⁶ Вариант: «(1.2) его же вѣхъ (Т) поставилъ кормити (Р)».

⁴⁷ Вариант: «(1.2) тѹ и главы (Т...) наша (Р) сложи^м (Т...)».

<53> **И рѣе** имъ: (1) «<...> (1.1) **Видѣхъ** банѣ древаны, (1.2) и пережыгуть га велми, (1.3) и съвлекутса, (1.4) и бѹдуть нази, (1.5) и шобольютса мытелью, (1.6) и возмуть вѣники, (1.7) и начнуть хвостати^ѣ, (1.8) и того собѣ добыю^ѣ, (1.9) шдва вылѣзуть ле живы, (1.10) и обольютса водою студеною, (1.11) и тако шживу^ѣ. (1.12) **И тако творатъ** (Т) **по вса дни** (Р) <...>» – высказывания (1.2)–(1.11) = тако (творатъ).

Как мы видим, местоименные слова в анафорической функции занимают в темах высказываний позиции подлежащего, дополнения, определения (согласованного и несогласованного⁴⁸), обстоятельства места, времени и образа действия.

12. Местоименные слова в кванторной функции

Местоименные слова в кванторной функции выступают в качестве актуализаторов денотативного статуса и входят в состав (или образуют) именные группы разных типов:

1) референтные именные группы:

а) определенные именные группы со значением множественности:

<54> **И рѣе Добърына Володимиру**: (1) «(1.1) **Съгладахъ** колодникъ (Р), (1.2) **и сѹтъ** (Р...) **вси** (Т) **в сапозѣхъ** (Р...) <...>» (6493 / 985) – колодникъ = вси;

б) слабоопределенные именные группы:

<55> (= <40>) **Философъ же рѣе**: (1) «(1.1) **Воистину** в того вѣрѹемъ, (1.2) **тѣхъ** во прѣрци прорькоша <...> (1.3) **Вни же ты прѣрцы** (Т) **и извиваху** (Р), (1.4) **а другиа** (Т) **претираху** (Р) <...>» (6494 / 986) – ты прѣрцы ≠ другиа;

<56> (= <101>) **И рѣе Гднь** к повозникомъ: (1) «**Ци кому** васъ родинъ оубьенъ ѿ сею?» **Вни же рѣша**: (2) «(2.1) **Мнѣ** (Т) **мѣти** (Р), (2.2) **а другому** (Т) **сестра** (Р), (2.3) **иному** (Т) **родичь** (Р)» (6579 / 1071) – мнѣ ≠ другому ≠ иному;

2) нереперентные именные группы:

а) экзистенциальные именные группы (в примере <57> – неконкретная именная группа):

<57> **И створиша вѣче** въ гра^а и рѣша: (1) «<...> (1.1) **Вдадимса** печенѣгомъ, (1.2) **да кого ли** (Т) **шжива^ѣ** (Р), (1.2) **кого ли** (Т) **оумртватъ** (Р) <...>» (6505 / 997) – кого ≠ кого;

б) универсальные именные группы:

<58> (= <16>) **Вни же рѣша**, **яко**: (1) «<...> (1.1) **Всакъ** во члвкъ (Т), (1.2) **аше** **преже** (Т) **вкуситъ** **сладка** (Р), (1.3) **послѣди же** (Т) **не можетъ** **горести** **принати** (Р) <...>» (6495 / 987) – всакъ члвкъ;

<59> <...> **Шлегъ же** посмѣтаса и оукори кудесника, **рка**: (2) «(2.1) **То** **тъ** (Т) **не право** **молватъ** **волъсвѣ** (Р), (2.2) **но все** **то** (Т) **лѣжа** **естъ** (Р) <...>» (6420 / 912) – то = все (то).

13. Местоименные слова в дейктической функции

Анализ материала показывает, что местоименные слова в дейктической функции не являются специализированным средством введения темы: не менее часто они обнаруживаются и

⁴⁸ См. <26>.

в рамках высказываний. Однако их использованию в темах свойственны определенные особенности, о которых имеет смысл упомянуть.

13.1. Личные дейктики

Личные дейктики в темах высказываний могут соотноситься с существительными и местоимениями, называя новые ($\neq$) или упомянутые ранее⁴⁹ (=) референты:

<60> **Кнѧзь печенѣжскыи** <...> **рѣе**: (1) «**Кто се приде?**» **И рѣе емү**: (2) «**Люае многа страны**». **И рѣе кнѧзь печенѣжскыи**: (3) «**А ты (Т) кнѧзь ли еси (Р)?**» **Внѣ жѣ рѣе**: (4) «**Азъ есмъ (Т) мужъ еѣ (Р) <...>**» (6476 / 968) – ты = азъ;

<61> **И бывшү молчаню, и рече Володимеръ**: (1) «(Обращение) **Брате!** (1.1) **Ты еси (Т) старѣи (Р)**, (1.2) **почни глѧти <...>**» (6619 / 1111) – брате = ты;

<62> **Влегъ же посмѣвасѧ и оүкори кудесника, рка**: (1) «(1.1) **То тѣ не право молвѧтъ волъсвѣ**, (1.2) **но все то лъжа естъ**: (1.3) **конь (Т) оүмерлъ (Р)**, (1.4) **а га (Т) живъ (Р)**» (6420 / 912) – конь $\neq$ га;

<63> **Рѣе же имъ Влга**: (1) «<...> (1.1) **Азъ (Т) оүтро пошлю по вы (Р)**⁵⁰, (1.2) **вы же (Т) рѣете (Р)**: «<...>», <...>» (6453 / 945) – азъ $\neq$ вы.

Обращают на себя внимание следующие особенности использования личных дейктиков:

1) *к*-составляющая с личным дейктиком является ремой, если:

а) во второй *к*-составляющей обнаруживаются средства введения темы, соотносимые с компонентами в предшествующих *к*-составляющих, например тавтология (см. <1>) или местоименное слово в анафорической функции:

<64> **Ідрославъ <...> понде на Ѣтополка, нарекъ Бѣга, рекъ**: (1) «<...> (1.1) **зане без вины прольѧ кровь Борисовү и Глѣбовү праведною**. (1.2) **Ѣда и мнѣ (Р) си же створить (Т)? <...>**» (6523 / 1015) – в теме (1.2) обнаруживается анафорическое **си**; рема (1.2) включает проклитико-энклитический комплекс **Ѣда и** и дейктик **мнѣ**, который является носителем актуальной информации: «новый» объект **мнѣ** соотносится с упомянутым в (1.1),

б) рема с личным дейктиком противопоставлена другой реме, входя в состав конструкции «не ..., а (но) ...»:

<65> **Володимеръ же посла къ Блүдү, воеводѣ Ідрополчю, с лѣвстю глѧ**: (1) «<...> (1.1) **Не га во (Р) почаль браю бити (Т)**, (1.2) **но внѣ (Р) <...>**» (6488 / 980),

<66> **И рече Ѣтополкъ**: (1) «<...> (1.1) **А невола ми главы своета блюсти**. (1.2) **И не азъ (Р) его слѣпилъ (Т)**, (1.3) **но Дѣдъ (Р)**, (1.4) **ї велъ и к собѣ**» (6605 / 1097),

<67> **Ідрославъ <...> нарекъ Бѣга, рекъ**: (1) «(1.1) **Не азъ (Р) почахъ избивать братю (Т)**, (1.2) **но внѣ (Р) <...>**» (6523 / 1015);

2) в остальных случаях *к*-составляющая с личным дейктиком является темой.

⁴⁹ Чаще всего это происходит при изменении субъекта речи; см. <60>.

⁵⁰ Вариант: «(1.1) **Азъ оүтро (Т) пошлю по вы (Р)**».

13.2. Пространственные дейктики

Употребление пространственных дейктиков в летописных высказываниях существенно отличается от современного.

В дейктической функции используются только те лексемы, которые называют пространственную характеристику, имеющую отношение к местоположению говорящего:

А. Дейктик **здѣ** (**сдѣ**, **сдѣ**), называющий местоположение говорящего, в большинстве случаев обнаруживается в ремах (см., например, (1.6) в <76>, (1.1) в <77>, (1.1) в <78>). Определение *к*-составляющей с дейктиком **здѣ** (**сдѣ**, **сдѣ**) в качестве темы во всех случаях проблематично, поскольку он используется преимущественно в не-инициальных частях высказываний, при этом данным высказываниям в той же реплике **не** предшествуют какие-либо другие высказывания – они занимают позицию первого (и в некоторых случаях единственного) речевого шага диалога:

<68> **И рѣѣ Стѣславъ воѣмъ своимъ:** (1) «(1.1) **Оуже на^м здѣ пасти.** (1.2) **Потягнемъ мѹжьскы, (Обращение) бра^те и дружино!**» (6479 / 971) – возможна вариативная оценка АЧ (1.1): **Оуже на^м (Т) здѣ пасти (Р)** vs. **Оуже на^м здѣ (Т) пасти (Р)**;

<69> **Кнѹзи же наши, възложише надежю свою на Бѣ, и рекоша:** (1) «(1.1) **Оубо смѣрть намъ здѣ,** (1.2) **да станемъ крѣпко!**» (6619 / 1111) – возможна вариативная оценка АЧ (1.1): **Оубо смѣрть намъ (Р) здѣ (Т)** vs. **Оубо смѣрть намъ (Т) здѣ (Р)** – говорящий мог иметь в качестве коммуникативной цели как сообщение о *неминуемости скорой гибели*, так и о том, что она ожидает коммуникантов *в том месте, где они находятся*.

Отметим также то, что дейктик **здѣ** (**сдѣ**, **сдѣ**) регулярно используется в анафорической функции (см., например, <45>), причем в ряде случаев речь идет о месте, в котором говорящий **не** находится:

<70> **И посла Улегъ послы своя къ Изяславу, глѣ:** (1) «<...> (1.1) **Се бо ма выгналъ из города вѣца моего.** (1.2) **Или ты ми здѣ (Т) не хощеши хлѣба своего же вдати (Р)?**» (6604 / 1096) – *из города вѣца моего = здѣ* – говорится о месте, из которого говорящего *выгнали*.

Б. Дейктики **сѣмо** (**семо**), **всюду**, называющие направление по отношению к местоположению говорящего, регулярно используются в дейктической функции как компоненты темы:

<71> **И рѣѣ имъ Ульга:** (1) «(1.1) **Да глѣте (Р), (1.2) что ра^а (Р) приидостѣ сѣмо (Т)?**» (6453 / 945);

<72> **И посла пре^а ними послы, глѣ сице цѣревѣ:** (1) «(1.1) **Се идуть к тебѣ варази.** <...> (1.2) **По расточи га раздно (Р), (1.3) а семо (Т) не пущан ни едино^ѣ (Р)**» (6488 / 980);

<73> **И баше видити радость велика на нѣси и на земли, толико дѣшь спѣаемыѣ, а дѣаволъ стѣнаше, глѣ:** (1) «(1.1) **Оувы мнѣ,** (1.2) **такѣ всюду (Т) прогонимъ есмь (Р)! <...>**» (6496 / 988).

В ряде случаев дейктик **сѣмо** (**семо**) используется в прескриптивных высказываниях в качестве компонента ремы, занимая постпозитивное положение по отношению к императиву; в *к*-структуре некоторых из них (<75>, <76>) обнаруживается разрывная рема, первая часть ко-

торой включает императив, выражающий иллюкутивную функцию высказывания («прескрипция»), а вторая – дейктик (информация о направлении является актуальной для собеседника: существенно, куда именно он должен «направить» объект):

<74> И такъ придоша грѣци с покноно^м, рѣе: (1) «Въведете га сѣмо (P)» (6479 / 971);

<75> Іанъ же <...> рѣе имъ: (1) «(1.1) Выданте (P...) волъхва та (T) сѣмо (P...), (1.2) іако смерда еста моего князѣ» (6579 / 1071);

<76> И тогда посла послы своѣ к Володаревнн и к Василкови: (1) «(1.1) Поимнн брата своего Василка к совѣ <...> (1.2) Да аче ва^м любо, (1.3) да сѣдѣта, (1.4) аще ли – (1.5) да пущти (P...) Василка (T) сѣмо (P...), (1.6) атѣ и кормимъ здѣ <...>» (6607 / 1099).

Что касается употребления слов тѣ(то) («там»), тѣда, ѿтѣдѣ, ѿтѣдѣ, то они используются исключительно в анафорической функции (см. п. 11). Лексема **тамо** чаще используется в качестве компонента ремы в дейктической (только при наличии оппозиции **здѣ** vs. **тамо**: <77>, <78>) или анафорической функции (<79>), но встречается и ее употребление в анафорической функции в теме (<80>):

<77> Вни же рѣша: (1) «<...> (1.1) Аще ли бѣтъ естъ (T) здѣ (P), (1.2) то и тамо (P)» (6494 / 986);

<78> И рѣе има Іанъ: (1) «(1.1) А вама же (T) зде мѣка приати ѿ мене (P)⁵¹, (1.2) а по смрти (T) – тамо (P)» (6579 / 1071);

<79> Внъ же рѣе: (1) «То где естъ (P) земла ваша (T)?» Вни же рѣша: (2) «Въ Иерлѣмѣ (P)» Внъ же рѣе: (3) «То тамо ли (P) естъ (T)?» (6494 / 986);

<80> И философъ же, ѿвѣщавъ, рѣе ему, іако: (1) «(1.1) Оуже преже събыса все, (1.2) егда бѣ въплоти <...> (1.3) Предасть га на расхыщение въ пленъ (1.4) и ведени быша въ Асирію грѣхъ ради ихъ, (1.5) и работаша тамо (T) лѣтѣ ѿ. (P) <...>» (6494 / 986).

13.3. Временные дейктики

Единственным временным дейктиком, регулярно используемым в качестве компонента темы, является наречие **нынѣ**. Он встречается во множестве высказываний, общим для которых является то, что *к*-составляющая с **нынѣ** вводит в реплику высказывание, в котором сообщается о событии, одновременном моменту речи, противопоставляя его событию в каком-либо другом «времени»:

<81> Давидъ же <...> нача молвити на Василка, гла сице: (1) «(1.1) Кто естъ оубилъ брата твоего Іарополка, (1.2) а нынѣ (T) мыслить на тѣ и на ма (P)⁵² <...>? <...>» (6605 / 1097) – естъ оубилъ (о том, что событие произошло в прошлом, сообщается грамматически) vs. **нынѣ**;

<82> Рѣе Іарославъ: (1) «(Обращение) О любимата дружино, (1.1) юже (T) извихъ вчера (P), (1.2) а нынѣ (T) быша надобѣ (P)» (6523 / 1015) – вчера vs. **нынѣ**;

⁵¹ Вариант: «зде (T) мѣка приати ѿ мене (P)»; см. подробнее [Савельев, 2021: 484].

⁵² Вариант: «(1.2) а нынѣ мыслить (T) на тѣ и на ма (P)».

<83> Глашеть бо к нимъ: (1) «(1.1) Аще бо ма вѣсте первое прельстилъ (P) <...> (1.2) Нынѣ же (T) имамъ Г҃а Г҃са Х҃а, Б҃а нашего (P) <...>» (6582 / 1074) – первое vs. нынѣ;

<84> И рѣша ему мужѣ смыслѣни: (1) «<...> (1.1) Послѣдѣ сѧ смирита (P)⁵³, (1.2) а нынѣ (T) пониита противу имъ (P) <...>» (6601 / 1093) – послѣдѣ vs. нынѣ.

Как мы видим, высказывания с **нынѣ** постпозитивны по отношению к сообщениям о событиях в других «временах»: оппозитивный временной показатель может быть выражен как грамматически (<81>), так и лексически, причем речь может идти как о прошлом (<82>: **вчера**; <83>: **первое**), так и о будущем (<84>: **послѣдѣ**).

Характерно, что в реме **нынѣ** обнаруживается только в одном высказывании – когда речь идет не о «новом» действии, а об изменении времени совершения «старого» («данного»):

<85> И послуша его Б҃гополкъ и посла по Василка, г҃ла: (1) «(1.1) Да аще не хочещи (P) ждати до иманинъ монахъ (T), (1.2) и прииди нынѣ (P) <...>» (6605 / 1097).

***

Значимым для определения *к*-структуры летописного высказывания оказывается употребление слов **оуже** и **еще** – лексем, значение которых определяется через «понятие времени говорящего» [Апресян, 1995: 638]. В их использовании обнаруживаются существенные различия.

Чаще всего слово **оуже** находится в первой тактовой группе в абсолютном начале высказывания или после проклитики **се**, **да** или **а**, и во всех подобных случаях оно входит в состав темы:

<86> Рѣ же имъ Вльга, тако: (1) «(1.1) Азъ оуже мьстила есмь мужа свѣ своеѣ <...> (1.2) А оуже (T) не хощю ѿмщениа твориѣ (P), (1.3) но хощю (T) дань имати по малу (P) <...>» (6454 / 946);

<87> И пославъ к новьгородьцемъ и рѣ: (1) «Оуже мнѣ сихъ (T) не крѣсити (P)» (6523 / 1015);

<88> И видивъ Б҃гославъ множество ихъ и рѣ дружинѣ свои: (1) «(1.1) Потагнемь, (1.2) оуже намъ (T) нѣльзѣ камо сѧ дѣти (P)» (6576 / 1068) (см. также (1.1) в <68>).

Обнаруживается следующая закономерность использования **оуже**:

а) если **оуже** находится в абсолютном начале высказывания, помимо **оуже** в тему входит также какой-либо член предложения, и в большинстве случаев им оказывается дополнение со значением субъекта, а само высказывание представляет собой безличную конструкцию с инфинитивом или модальным предикативом со значением долженствования; см. (1.1) в <68>, <87>, <88>, а также <89>:

<89> И рѣ Б҃гославъ: (1) «Оуже намъ (T) нѣкѧмо сѧ дѣти (P) <...>» (6479 / 971);

б) если **оуже** используется в сочетании с проклитикой (**а** или **се**), как правило, другие компоненты в тему не входят; см. (1.2) в <86>, а также <90>, <91>:

⁵³ Вариант: «(1.1) Послѣдѣ сѧ (T) смирита (P)» или «(1.1) Послѣдѣ сѧ (P) смирита (T)».

<90> **И посла къ деревляно^а, ркүщи сице:** (1) «(1.1) Се оуже (Т) иду к вамъ (Р), (1.2) да пристронте меды многы оу города <...>» (6453 / 945);

<91> **Исакии же рече:** «(1.1) Се оуже (Т) прельстилъ ма еси (Р), (Обращение) дыаволе, (1.2) сѣдѣща на единомъ мѣстѣ, (1.3) а оуже (Т) не имамъ затворитисѣ в пещерѣ (Р) <...>» (6582 / 1074).

Исключение представляет собой <92>, в котором **оуже** сочетается с двумя энклитиками:

<92> **Вльга же рѣ имъ:** (1) «(1.1) Се оуже са есте (Т) покорилъ мнѣ и моему дѣтати (Р), (1.2) а идете в городъ, (1.3) а гзъ заоутра ѿступлю ѿ города (1.3) и поиду в городъ свои» (6454 / 946).

Обращает на себя внимание частое использование в качестве темы сочетания **се оуже**: во всех 6 случаях речь идет о ситуации, а) имеющей место в момент речи, б) тесно связанной с определенным событием в прошлом, в) участником которой является говорящий. Произнесение высказывания с **се оуже** во всех случаях служит «отправной точкой» для сообщения о действиях, которые в связи со сложившейся ситуацией говорящий планирует предпринять или считает необходимыми для совершения со стороны собеседника. Регулярность употребления данной модели высказывания в однотипных коммуникативных ситуациях позволяет предположить, что модель «**Се оуже ...**» представляет собой средство реализации определенной рече-поведенческой тактики, характерной для древнерусского дискурса.

Встречаются также немногочисленные примеры использования **оуже** не в первой тактовой группе, и между ними также обнаруживается сходство: а) **оуже** находится в позиции последнего слова в высказывании, б) **оуже** входит в состав ремы, в) высказывание произносится в тот момент, когда говорящему необходимо констатировать, что только что произошло изменение ситуации – возникло новое положение дел:

<93> <...> **Онъ же не разумѣ бѣсовскаго дѣинства, ни памяти прекрѣтитисѣ. Выступѣ, поклонисѣ, акы Х҃у, бѣсовскому дѣинству. Бѣси же кликнуша и рекоша:** (1) «(1.1) Нашъ еси оуже (Р), (Обращение) Исакье!» (6582 / 1074);

<94> **І ѿному глѹщю ко мнѣ:** (1) «Оудариша Ѹ било», **мнѣ же рекшо:** (2) «Прокопахъ оуже (Р)» (6599 / 1091);

<95> **И рѣ Володимеръ:** (1) «<...> (1.1) То лошади его жалѹешь, (1.2) а самого чему не жалѹешь?» **И не могоша противу ему ѿвѣщати дружина Стѹполча, и рече Стѹполкъ:** (2) «(Обращение) Брате, (1.1) се азъ (Т) готовъ оуже (Р)» (6611 / 1103).

Что касается употребления **еще**, то в отношении данной лексемы определить закономерности ее использования, связанные с АЧ, оказывается затруднительным: во-первых, это слово используется намного реже, а во-вторых, в имеющихся примерах не обнаруживаются какие-либо «устойчивые признаки» его употребления, связанные с особенностями к-структуры; в частности, **еще** может находиться в любых частях высказываний разной структуры:

<96> **И людье кыевьстни** <...> **рѣша, пославшесѣ ко князю:** (1) «(1.1) Се половци росоулисѣ по земли. (1.2) Да вди, (Обращение) княже, (1.2) врѹжыѣ и кони, (1.3) и еще (Р) вьемсѣ с ними (Т)» (6576 / 1068);

<97> Онъ же рече: (1) «(1.1) Аще хоцещи шдесноюю стати, (1.2) то крѣтиса (P)». Вълшмеръ же положи на срѣци свое^м, рекъ: (2) «Пождоу еще мало (P)» (6494 / 986);

<98> Гарославу же привѣгшю к Новугороду, хоташе вѣжати за моморе, и посадникъ Костантинъ, снъ Добрынъ, с новугородци расѣкоша лодыа Гарославѣ, рекоуще: (1) «Можемь са еще (P) вити с Болеславомъ и съ Стѣполкомъ (T)»⁵⁴ (6526 / 1018).

14. Местоименные показатели посессивных отношений

Намного чаще, чем слова, которым свойственна номинативная функция (см. п. 9), в качестве показателей посессивных отношений используются местоимения. Так, они встречаются в <5>, <8>, <9>, <10> (дважды), <13>, <23> (дважды), <24>, <26>, <27> (дважды), <34>, <35> (трижды), <36>, причем в качестве показателей посессивных отношений употребляются местоимения с разными функциями. В частности, в <23>, <24>, <26>, <27> представлены словосочетания, включающие реляторы и а) согласованные притяжательные местоимения – дейктик нашъ в <23> и анафорическое свои в <24>, б) личное местоимение в форме родительного падежа – дейктик ти в <27>, в) местоимение 3-го лица в форме родительного падежа – анафорическое его в <26>. Таким образом, в качестве показателей посессивных отношений в летописной прямой речи используются местоимения, которым свойственны дейктическая и анафорическая функции, при этом используются как управляемые, так и согласуемые формы.

Особо примечательным выглядит употребление местоимения свои в конструкциях с эллипсисом (свои занимает позицию дополнения):

а) свои используется как антоним по отношению к лексемам, в паре с которыми свои оформляет концепт «свой» vs. «чужой»:

<99> И послаша киянѣ къ Стѣславу, глѹще: (1) «(1.1) Ты (T), (Обращение) кнаже, (1.1) чюжен земли ищещь и блюдещь (P)⁵⁵, (1.2) а своета са (T) лишивъ (P) <...>» (6476 / 968) – чюжен – своета; основой противопоставления (1.1) и (1.2) является соотнесение показателей посессивных отношений, которые одновременно являются антонимами;

<100> Стъзва Вълшмеръ бояры свои и старци грацкыя и рече имъ: (1) «<...> (1.1) Сихъ же послѣа прихѹша и греци, (1.2) хоулаще (P) всѣ законы (T), (1.3) свои же (T) хвалаще (P) <...>» (6495 / 987) – всѣ законы – свои; свои противопоставлено кванторному местоимению всѣ, объединяющему *все не свое*;

а) свои используется одновременно в анафорической и кванторной функции:

<101> И рече Гань к повозникомъ: (1) «Ци кому васъ родинъ оубьенъ ѿ сею?» Вни же рѣша: (2) «(2.1) Мнѣ (T) мѣти (P), (2.2) а другому (T) сестра (P), (2.3) иному (T) родичь (P)». Внѣ же рече имъ: (3) «Мьстите (P) своихъ (T)» (6579 / 1071) – мѣти + сестра + родичь = своихъ; своихъ объединяет всех тех, кто был назван ранее.

⁵⁴ Вариант: «Можемь са (P) еще вिति с Болеславомъ и съ Стѣполкомъ (T)».

⁵⁵ Вариант: «(1.1) чюжен земли (T) ищещь и блюдещь (P)»; см. подробнее [Савельев, 2021: 483].

15. Средства введения темы. Комплексы

Анализ приведенных выше (пп. 1–14) фрагментов показал, что тема высказывания часто представляет собой комплекс средств, регулярно используемых при ее введении:

- 1) однокоренное слово + местоименный показатель посессивности: <8>, <10>;
- 2) тавтология + синоним: <11>;
- 3) тавтология + релятор + местоименный показатель посессивности: <24>;
- 4) тавтология + местоименное слово в анафорической функции: <40>;
- 5) синсемантическая лексема + тавтология + именной показатель посессивности: (1.5) в <28>;
- 6) синсемантическая лексема + именной показатель посессивности: (1.3) в <29>, (2.1) в <30>;
- 7) синсемантическая лексема + местоименный показатель посессивности: (2) в <35>, (1.3) в <36>;
- 8) синсемантическая лексема + местоименное слово в анафорической функции: (1.2) в <34>, (1.5) в <80>;
- 9) релятор + местоименный показатель посессивности: <10>, (1.2) в <26>, <27>;
- 10) местоименное слово в анафорической функции + местоименное слово в кванторной функции: (2.2) в <59>;
- 11) местоименное слово в дейктической функции + местоименное слово в анафорической функции: (2.1) в <59>.

Введение темы в реплику не обязательно подразумевает ее контактное местоположение по отношению к высказыванию, с которым она соотносится. Возможно такое строение диалога, при котором:

- 1) тема А соотносится с высказыванием, входящим в ту же реплику, что и тема А, но отделенным от высказывания с темой А рядом других высказываний: (1.3) в <12>, (1.5) в <28>, (1.3) в <36>, (1.3) в <50>;
- 2) тема А соотносится с высказыванием, входящим в предыдущую реплику того же говорящего (= отделенную от высказывания с темой А репликой собеседника): (3) в <5>;
- 3) тема А соотносится с высказыванием, входящим в реплику собеседника и отделенным от высказывания с темой А рядом высказываний говорящего и/или собеседника: (2.2) в <11>, (2) в <35>, (2.3) в <40>.

В ряде случаев тема соотносится не с одним высказыванием (или его частью), а с несколькими высказываниями, находящимися в реплике говорящего (см. (1.12) в <53>) или собеседника (см. (2.1) в <30>, (3) в <101>, а также (2) в <102>):

<102> **Внѣ же рѣе:** (1) «(1.1) **То каци сѣть (Р) бѣи ваши (Т)**, (1.2) **кде живѣть (Р)?**»⁵⁶ **Внѣ же рѣе:** (2) «**Бѣи наши живѣть (Т) въ безднѣхъ (Р) <...>**» (6579 / 1071) – **бѣи ваши – бѣи наши, живѣть – живѣть.**

⁵⁶ Фрагмент **Внѣ же рѣе:** «**То каци сѣть бѣи ваши, кде живѣть?**» отсутствует в Ипатьевской редакции, но обнаруживается в Лаврентьевской.

Часто – и это вполне ожидаемо – темы входят в состав «цепочек» *k*-составляющих, в которых обнаруживается связь между всеми этими темами (см. (1.2), (1.3) и (1.4) в <21>). В связи с этим некоторые темы, соотносимые одновременно с несколькими *k*-составляющими, образуют соотношения разных типов:

<103> **И оумножишася разбоевъ, и рѣ епѣть Володимеру:** (1) «(1.1) **Се оумножишася разбойници.** (1.2) **Почто не казниши?»** **Он же рче:** (2) «**Богася грѣха.**» **Он же рѣша емѣ:** (3) «(3.1) **Ты поставленъ еси ѿ Бѣ на казнь злымъ <...>** (3.2) **Достонть ти (P) казнити разбойника (T)**⁵⁷ <...>» (6504 / 996) – **казниши** (1.2) ~ **казнити** (3.2) (тавтология с изменением словоформы), **казнь** (3.1) – **казнити** (3.2) (однокоренные слова), **разбойници** (1.1) ~ **разбойника** (3.2) (тавтология с изменением словоформы), **злымъ** (3.1) – **разбойника** (3.2) (контекстуальные синонимы).

Наконец, темы обнаруживаются и в инициальных высказываниях диалога: в этом случае они не соотносятся со сказанным ранее в данном диалоге, но говорящий апеллирует к когнитивной базе собеседника (см. (1) в <2>, (1) в <13>, (1.1) в <25>, (1.1) в <26>, (1.1) в <33>, (1.1) в <34>, (1.1) в <42>) и/или конситуации общения (см. (1.1) в <3>, (1.1) в <68>, (1) в <89>, (1.1) в <90>, (1.1) в <91>, (1.1) в <99>).

***

Таким образом, наше исследование показало, что в подавляющем большинстве случаев использование лексических средств введения темы летописных высказываний связано с передачей активированной информации (= данного), в связи с чем они могут быть оценены как средство когезии диалога: эти слова соединены различными семантическими отношениями с *k*-составляющими предшествующих высказываний, в частности они используются для передачи референциальных отношений с антецедентами, называющими тот же референт. При этом лексическим средствам введения темы свойственны одновременно стандартность и разнообразие: ограниченность выбора в тех случаях, когда необходимо назвать тот же референт (тавтологии, синонимы, показатели посессивных отношений, местоименные слова в анафорической функции), связанная с реализацией закона экономии речевых усилий, сочетается с возможностью выбора разнообразных показателей синсемантических отношений (в т. ч. антонимов, реляторов и др.) в тех случаях, когда связь должна быть уточнена. При этом среди лексических показателей можно выделить «слова темы», используемые достаточно регулярно при необходимости передать некоторое стандартное логическое отношение (**нынѣ** и, при соблюдении определенных контекстуальных условий, **оуже**). И, наконец, следует заметить, что, несмотря на то что в ряде случаев использование лексических средств введения темы летописных высказываний существенно отличается от современного (в частности, это касается пространственных дейктиков), в большинстве случаев оно тождественно современному как типологически, так и по составу используемых средств. Таким образом, можно утверждать, что использование лексических средств введения темы в современном русском языке имеет традиционный характер.

⁵⁷ Толкование (3.2) как «**Достонть ти (T) казнити разбойника (P)**», на наш взгляд, маловероятно. Обоснование см. в [Савельев, 2021: 438].

Список литературы

- Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995.
- Бугославский С.А.* Текстология Древней Руси. Повесть временных лет. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Буденная Е.В.* Экспансия местоимений в истории русского языка: именные клаузы // *Rhema*. Рема. 2017. № 3. С. 40–64.
- Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993.
- Володина М.С.* Средства формальной и смысловой связности в диалогическом тексте: Дисс. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2014.
- Зализняк А.А.* Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Институт русского языка РАН имени В.В. Виноградова, 1998.
- Касевич В.Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Наука, 1988.
- Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Ковтунова И.И.* Порядок слов в русском литературном языке XVIII – первой трети XIX в. Пути становления современной нормы. М.: Наука, 1969.
- Ковтунова И.И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения: Учебное пособие. 2-е изд., стереотип. М.: УРСС, 2002.
- Лаптева О.А.* О структурных компонентах разговорной речи // *Русский язык в нац. школе*. 1965. № 5. С. 12–18.
- Лаптева О.А.* Нерешенные вопросы теории актуального членения // *Вопросы языкознания*. 1972. № 2. С. 35–47.
- Мельчук И.А.* Русский язык в модели «Смысл-Текст». М.; Вена: Школа «Языки русской культуры», 1995.
- Николаева Т.М.* Актуальное членение – категория грамматики текста // *Вопросы языкознания*. 1972. № 2. С. 48–54.
- Николаева Т.М.* Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: Наука, 1985.
- Николаева Т.М.* Актуальное членение // *Русский язык: Энциклопедия* / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997. С. 21–22.
- Падучева Е.В.* О структуре абзаца (1965) // *Падучева Е.В. Статьи разных лет*. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 173–180.
- Падучева Е.В.* Прагматические аспекты связности диалога (1982) // *Падучева Е.В. Статьи разных лет*. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 511–521.
- Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений. 2-е изд. М.: УРСС, 2001.

- Падучева Е.В. Коммуникативная структура и линейно-акцентные преобразования предложения (на материале русского языка) // Архитектура клаузы в параметрических моделях. Синтаксис, информационная структура, порядок слов / Отв. ред. А.В. Циммерлинг, Е.А. Лютикова. М.: Издательский Дом «ЯСК», 2016.
- Повесть временных лет. Ч. 1: Текст и перевод / Подготовка текста Д.С. Лихачева; перевод Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950.
- Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. Т. I: XI – XII века. СПб.: Наука, 2000. С. 62–315.
- Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908.
- Савельев В.С. Изображение устной коммуникации в «Повести временных лет»: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2021.
- Савельев В.С. Слово САМЪ в высказываниях героев «Повести временных лет» // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 1. С. 21–32.
- Салтанова Н.Ю. Актуальное членение предложения как средство текстовой организации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 2(90). С. 231–238.
- Селиверстова О.Н., Прозорова Л.А. Коммуникативная перспектива высказывания // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб.: Наука, 1992. С. 189–231.
- Сергеева Ю.М., Самохвалова Е.В. К вопросу о проспективной референции в тексте и дискурсе // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2011. № 4. С. 73–77.
- Скнар Г.Д. Тема как конституирующий компонент художественного текста: прагматический и когнитивный аспекты: Дисс. ... докт. филол. наук. Ростов н/Д., 2014.
- Стародумова Е.А. Частицы русского языка. Разноаспектное описание. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2002.
- Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
- Хэллидей М.А.К. Место «функциональной перспективы предложения» (ФПП) в системе лингвистического описания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 138–148.
- Циммерлинг А.В. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Циммерлинг А.В. Линейно-акцентная грамматика и коммуникативно нерасчлененные предложения в русском языке // Архитектура клаузы в параметрических моделях. Синтаксис, информационная структура, порядок слов / Отв. ред. А.В. Циммерлинг, Е.А. Лютикова. М.: Издательский Дом «ЯСК», 2016.
- Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Halliday M.A.K. Some Aspects of the Thematic Organization of the English Clause. Santa Monica: The RAND Corporation, 1967.

Авторские неологизмы в переводе «Атласа Блау» как признак ученого регистра церковнославянского языка

В начале XX в., анализируя язык переводов XVII в., сделанных с латинского языка, А.И. Соболевский использует для ряда из них определение – ученый церковнославянский [Соболевский, 1903: 61–62]. К числу текстов, по отношению к которым дается такая характеристика, относится церковнославянский перевод латинского географического сочинения «Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus», составленный голландскими картографами и издателями Вильгельмом и Иоанном Блау (отцом и сыном) в Амстердаме в период с 1631 по 1665 г. В Москву попало латинское издание 1645 г., его церковнославянское название – **По̀зо̀рище всѣа вселеннаѣ или атлас новыи в немже начертаниѣ и описаниѣ всех стран издана сѣтъ**. Работа была проведена Епифанием Славинецким (I том, большая часть Европы), Арсением Сатановским (II том, фрагменты Европы и отдельные части Азии и Америки) и Исайей Чудовским (остальные части – описание Италии и Англии)¹.

А.И. Соболевский дает лишь один признак «ученого» церковнославянского языка – пишет о намеренной грецизации текста [там же]. В.М. Живов в своей монографии «История языка русской письменности» обосновывает появление во второй половине XVII в. нового регистра церковнославянского языка – ученого [Живов, 2017: 874–887]. Полноценным регистром, по мнению Живова, он так и не становится – выходит из употребления, еще находясь в процессе формирования [там же: 887]. Однако определенные его признаки выявить все же можно: во-первых, это грамматический подход к тексту, когда правильность требует опоры на издание московской грамматики 1648 г.; во-вторых, текст все больше нуждается в ученой филологической обработке, доводящей его до той эталонной сложности, которая задана классическими языками (в первую очередь греческим) [там же: 880–881]. Церковнославянский язык начинает восприниматься как объект ученого моделирования [там же: 883], проникнутые новым культурным сознанием книжники позволяют себе усовершенствование прежних текстов (в том числе Св. Писания и богослужебных книг).

Говоря о появлении ученого регистра церковнославянского языка, В.М. Живов не называет произведений, кроме «ученых трактатов Симеона Полоцкого или Епифания Славинецкого» [там же: 887]. Мы полагаем, что переводы, сделанные книжным кругом Славинецкого, в том числе Атлас Блау, по многим параметрам представляют собой данный ученый регистр церковнославянского языка. Так, морфологическая система перевода опирается на Граматику 1648 года (ГМ), орфографические черты беловых экземпляров Син. 19 и Син. 112 также связаны с выполнением канонів московского издания грамматики.

Особым интересом отличается лексическая структура перевода Атласа, в которой сочетается грецизация и намеренная архаизация с использованием лексики югозападнорусского и польского происхождения [Николенкова, 2017]. Одной из черт перевода будет также использо-

¹ Языку сочинения посвящены ряд статей Н.В. Николенковой: <https://istina.msu.ru/home/>

вание большого числа новых слов: это и термины, многие из которых опережают первую фиксацию их в словарях на полвека [Николенкова, 2015], и авторские неологизмы, не зафиксированные более ни в одном памятнике. К числу последних относятся композиты, большое количество которых в переводе является традиционной чертой русского книжно-письменного языка.

Создание композитов рассматривается как одна из черт языка Епифания Славинецкого и его сподвижников, приехавших из Киева. В.В. Виноградов, а следом за ним и многие другие говорят об излишней «высоте, извитии словес», употреблении «торжественных, нередко искусственно составленных слов» [Виноградов, 1982: 17; Камчатнов, 2005: 257], в качестве примеров приводятся не прижившиеся в языке *разнопестровидный, адоплетенный, рукоуходжествовать*. Значительное число сложных слов – калек с греческого языка – фиксируется в переведенном Славинецким «Богословии» Иоанна Дамаскина: *вредословие, мздовоздатель, любоплотное* [Николаева, Кузьмин, 2015: 114]. Кальки-словосложения и сращения являются одним из любимых приемов Епифания Славинецкого и книжников его круга, причем часто переводчики сомневаются в первоначальном своем выборе и предлагают варианты: так, в «Богословии» один из них расположен в основном тексте, другой в виде глоссы [там же: 115]. Такой подход демонстрирует внутреннюю логику сомнений переводчика – точно передать структуру греческого эквивалента или ярче выразить смысл средствами церковнославянского языка.

Филологическая интуиция Славинецкого проявляется и в переводе Атласа Блау. Понимая, что жанр переводимого произведения существенно отличается от богословских сочинений, Славинецкий и вслед за ним Сатановский выбирают иные лексические средства. При этом нами зафиксированы многочисленные случаи замены первоначального варианта на другой, возникший в процессе работы. Показательный пример – поиск точного эквивалента для передачи «scriptor» (*писарь* → *писатель*) [Николенкова, 2018].

Есть одно важное отличие церковнославянского текста Атласа от других сочинений Славинецкого: в нем отсутствует глоссирование, которое часто называют главной чертой книжного круга этого книжника [Николаева, Кузьмин 2015: 105; Пентковская, 2016]. Переводчики и писцы беловых рукописей не используют глоссы, так как стараются придерживаться структуры латинского оригинала, где на поля вынесены названия отдельных разделов глав (например, в главе *Сєрвіа, Валахіа, Българіа и Романіа* выделены разделы *Місін раздѣленіє, Вышшаа Місіа, Сєрвіа* и т. д.). Поэтому смена одного лексического варианта на другой происходит по ходу повествования.

Мы рассмотрим несколько сложных слов – авторских неологизмов, использованных и Епифанием Славинецким, и Арсением Сатановским. Выбранные лексемы отсутствуют в исторических словарях и пока не отмечены в других сочинениях второй половины XVII в.

1. *Верхоградіє*

Основная задача Атласа – описание территорий различных стран. При характеристике городов регулярно встречается лексема *верхоградіє*. К примеру, в главе «Ливонія» читаем:

Имать прѣмѣмъ верхоградіе Москѡвское Івановъ гѡродъ (Син. 19, 40 об.) в соответствии с латинским «Habet ex adverso arcem Moschorum Ivanowgorod» (16с)². Композит **верхоградіе** соответствует латинскому «arx, -cis» – многозначному слову со значениями ‘укрепленный замок, крепость, цитадель, акрополь, кремль; высота, вершина, *тж.* гора или холм; местопребывание, резиденция, центр, средоточие; высшая точка, верх, вершина’ [БЛРС].

С латинской лексемой «arx, -cis» впервые встретились новгородские книжники, работающие над текстом Геннадиевской Библии 1499 г. В переводе I Мак 6: 32 в попытке найти аналог слову, выбрана транслитерация **ѡ арсе** с глоссой **ѡ твердыни** [ИРЛЯ: 85]. В ветхозаветной книге актуализировано значение ‘крепость’, что отражается в Синодальном переводе: «Иуда отступил от крепости».

В латинском тексте Атласа Блау употребление «arx, -cis» в первую очередь встречается в контекстах, когда речь целиком идет либо о небольшом городе-крепости³, либо о центральной части европейского города, где находилось крепостное сооружение или замок. В главе «Норвегия» Славинецкий использует латинское «iique praecipue quator, secundum numerum quatuor arcium sive castellorum»⁴ (8b) фактически для объяснения того, в каком значении употребляется далее авторский неологизм: **нси изрѣднѣе чѣтыри, почислѣ чѣтырѣхъ верхоградіи, нліи Градѡвъ** (Син. 19, 27). Таким образом, переводчик демонстрирует, что употребляет лексемы как синонимичные. Этот выбор можно объяснить также опорой киевского книжника на польский язык, где у латинских «arx, -cis» и «castellum, -i» есть одинаковые польские соответствия «twierdza, zamek», синонимичные «miejsce obronne» и «obronny mur», Но «arx, -cis» имеет также значение «wzgórze» [Sondel, 1997: 82, 134], что, вероятно, и нашло отражение в созданном киевскими переводчиками композите.

Приведем ряд примеров из перевода Атласа Блау с использованием лексемы **верхоградіе**:

Рагѣсія, нарѡднѣ Рагѣси, Тѣркѡ Побровіха, градъ малъ; съ верхоградіемъ твердѣншимъ (Син. 19, 72)	Ragusium, vulgo Ragusi, Turcis Pobrovicha, urbs exigua cum arce munitissima (Descriptio Sclavoniae 34b)
Верхоградіе населѣетъ Цѣрскимъ именемъ Бѣргравіи, нліи Топарха (Син. 19, 83 об.)	Arcem incolit regio nomine Burggravius sive toparcha (Bohæmia 6d)
Въ Брисѡцѣ естъ верхоградіе нѣкое дрѣвнее (Син. 19, 176)	In Drisaco est arx quædam vetusta (Brisgovia 60d)
Прибрегѣ сін лежатъ гради: Оноръ <...> идѣже верхоградіа сѣтъ (Син. 112, 184) ⁵	Ad littus hæ jacent civitates: Onor <...> ubi arces sunt (India 2c)
Градъ самъ стѣнами, верхоградіи, и пѣшками ратными сѣлаѡ оутвержденъ (Син. 112, 217)	Urbs ipsa mœnibus, arcibus, fc tormentis bellicis adeo munita (Africs 1c)

² В черновике, писанном рукой Славинецкого, топоним написан слитно в соответствии с латинским – **Іванвгородъ** (Син. 779, 43).

³ История Ивангорода, например, начинается в 1492 г., когда, по данным летописных источников, Иван Васильевич заложил город-крепость, а после разрушения ее шведами крепость была перестроена по регулярному плану.

⁴ Поскольку в данной работе мы не затрагиваем грамматические черты перевода, то позволим себе не останавливаться на соотношении форм латинского и церковнославянского текста и не будем комментировать ошибки и опечатки латинского оригинала.

⁵ Рукопись Син. 112 является беловиком рукописи Син. 780 – автографа Сатановского.

Некоторые примеры можно сопоставить с историческими источниками XVI–XVII вв. К примеру, латинское «Porro ad ostium Dunæ, mari proximum, est arx inextrugnabilis *Dunemunda*, duobus à Riga miliaribus» (16d) переведено так: **Оубо привхóдищи ДѸны, морю ближáишемъ, есть верхоградíе непоборíмое ДѸнемѸнда, двою ѿ Рíги поприщѸ** (Син. 19, 41). О замке (крепости) Дунемунда упоминает в своих «Записках о Московии» Генрих фон Штаден⁶, располагая ее как раз в двух милях от Риги. В главе «Норвегия» читаем: **вторóе верхоградíе есть АггерѸсиа, бли³ Анслои, нарóднѣ Опсло** (Син. 19, 27 об.) в соответствии с латинским «secunda arx est Aggerhusia, prope Ansloiam, vulgo Opslo» (8b). Речь, без сомнения, идет об Осло, где в Средние века было две крепости.

В примере из главы «Индия» перечислены такие топонимы: **Оноръ, Варсалоръ, Мангалоръ, Кананор, Кранганоръ, Кохинъ, и Кавлámъ** (Син. 112, 184). Как минимум про город Кохинъ (современное – Кочин) можно сказать, что крепость (форт) в городе действительно имелась. Опознать некоторые другие города можно при сличении карты из Атласа Блау и современных карт Индии.

Неологизм «верхоградие» сформирован Славинецким и Сатановским именно в процессе работы над переводом Атласа; ранее, при работе над лексиконами, ими предлагался перевод «кра(й)⁷, гра(д), горо(д)» [Німчук, 1973: 93]. Мы неоднократно замечали уже в своих работах, что изменение первоначального перевода латинской лексемы при работе над Атласом Блау очень характерно для этой пары книжников. Ярким примером такого подхода является перевод лексемы «geographia»: в лексиконах переводчики предлагают поморфемный перевод и вариант «зе(м)леписание» [Німчук, 1973: 208], однако при работе над Атласом Блау им становится ясно, что данный вариант неудобен в переводе связного текста, где употребляется не только существительное «geographia», но и производные от него слова. Результатом становится решение о транслитерации – так в русский литературный язык вводятся слова «география», «географ», «географический» [Николенкова, 2015: 6]; при этом ввод в лингвистический оборот перевода Атласа позволяет изменить словарную информацию и сдвинуть первое употребление слова «география» в русском языке с конца XVII в. на вторую половину XVII в. – как минимум на 40 лет вперед. В случае передачи латинского «arx, -cis» была применена та же стратегия.

Сплошной анализ перевода Атласа позволяет сделать еще один вывод: лексема «верхоградие» составлена Славинецким с ориентацией на церковнославянизм «вертоград». Основание для предположения дает следующий пример из главы «Готия»: «Ejus civitates sunt, Vadstenum, arce, сœnobioque divæ Brigittæ celebre» (13d) → **Ѹа гради сѸть, Вадстѣнъ, вертоградíемъ, и Кíновíею сватѸа Брíгíтти слáвенъ** (37)⁸. Далее в тексте Атласа «вертоград» употребляется только в основном своем значении, которое ранее было дано в лексиконах: «Вертоградъ. Hortus» [Німчук, 1973: 432].

⁶ https://archive.org/stream/1_20210522/

⁷ Вариант «край» мог быть выбран по аналогии с чтением I Мак 6: 32 в Острожской Библии: **ИѸнде юѸда Ѹкраа**; тот же вариант сохраняется в Московской Библии 1663 г.

⁸ Нельзя не отметить грецизированную передачу сœnobia как Кíновíа.

2. Самоначалие

Кроме описаний территорий, в Атласе Блау много места уделяется общественной организации описываемых стран. На сложность перевода европейской общественной терминологии в космографиях впервые обращает внимание С.М. Глушкина, изучавшая переложение Атласа Герарда Меркатора – Космографии 1637 г. [Глушкина, 1954].

Авторским неологизмом является перевод латинского слова греческого происхождения «monarchia». Русский книжно-письменный язык XVII в. уже знаком с лексемами «монархъ/а, монархий, монархия, монаршеский / монарший» [СлРЯ XI–XVII, 9: 257–258], однако сфера их употребления – Вести-Куранты и дипломатические письма [там же]. В середине XVII в. такое определение характера правления было известно московским властям, однако не всегда передавалась точно. К примеру, в грамоте Карла II Алексею Михайловичу сообщается, что мятежники стремятся «свергнуть саму монархию». В русском переводе это звучало так: «Те изменники в Аглинской земле в волнованье пребывают и своими злыми вымыслами ищут... всю б монархию разорить». Если в грамоте английского короля-эмигранта было написано о ликвидации монархии как формы правления, то в Москве это было скорее воспринято по аналогии с государством, т. е. разорение территории, подвластной монарху» [Киселев, 2013: 24]. М.А. Киселевым перечислены разнообразные лексемы, использующиеся в текстах XVII в. как аналоги «монархии»: «самовладство», «единоначалие», «единовластие», «единовладство» [там же: 36, 39, 42, 43]; указал автор и вариант «монархия» в сочинении Николая Спафария «Хрисмологион» [там же: 39]. Однако варианта, предложенного Славинецким в переводе Атласа Блау, в этой работе не отмечено.

В латино-славянском лексиконе «monarchia» передается как «единоначалие», а «monarcha» как «мона(р)ха, единонача(л)никъ» [Німчук, 1973: 272]. Оба варианта в Атласе Блау заменены на «самоначалие»:

ѢЦарства, нсамоначѣліѣ обрѣ ^з привести (Син. 19, 26 об)	in regni & monarchiæ formam redegisisse (Norwegia 8a)
Тѣмже ѿнагѣ врѣмене, егѣже, самоначѣліе ѢЦарство Ѣведское Ѣведеса, обѣи народѣ, Ѣвѣкѣне сирѣчь, и Гѣѣѣне (Син. 19, 36)	Hæc ille, unde ab illo tempore, quo monarchia in regnum Sueciæ introducta est, utraq; gens, Sueci videlicet & Gothi (Gothia 13c)
Постѣвлена здѣ самоначѣліѣ, и повелѣтел- ства (Син. 112, 180 об)	constitutæ hic Monatchiæ & imperia; (Asia 8a)

Рассматриваемая лексема не относится к частотным – латинский оригинал редко использует слово «monarchia» для характеристики типа государственного устройства. Гораздо более частотными являются термины «regnum» (царство в тексте Атласа) и «imperium», которое Славинецкий и Сатановский передают вариантом **повелительство**, что точнее соответствует одному из значений латинской лексемы [БЛРС].

Есть лишь один случай, когда использовано слово «самодержец» – в переводе титула московского царя: **Велікомѣ Гѣдрю Цѣрю, и Велікомѣ Кнѣзю Михаилѣ Ѣеодоровичю, Всѣм Рѣс-сін Самодержцѣ (!)** (Син. 779, 45 об). Глава «Москва, или Белая Русь» имеет особую историю:

мы полагаем, что перевод ее был сделан раньше, чем началась работа над остальным текстом Атласа Блау, и показан заказчикам – патриарху Никону и царю Алексею Михайловичу. Однако содержание этой главы содержало нелестную информацию о Московском государстве и не было включено в итоге в беловой вариант I тома, сохранившись лишь в черновике. В латинском варианте титула московского царя использовано Autocrator (Moscovia 17b).

3. *Благородец, благородцы*

Разбирая общественную терминологию переложения Космографии Меркатора, Глускина отмечает, что одно из сложных для поиска русско-церковнославянского аналога слово – латинское «nobilitas, nobilis» [там же: 212–216]. Привилегированное сословие (Глускина рассматривает главу «Англия»), напоминающее русское дворянство в более поздний период, не имело полной аналогии в Русском государстве XVII в. В Юго-Западной Руси аналогом была «шляхта», что для московских читателей однозначно указывало на связь с Польшей. Nobilis,-is в латинско-польских словарях имеет одним из переводов именно «szlachcic» [Sondel, 1997: 658].

В латинско-славянском лексиконе предлагаются следующие варианты: «nobilis, бл̄горо(д)ни(й), славни(й), изящни(й), че(с)тни(й); nobilitas, бл̄горо(д)ство [Німчук, 1973: 281]. Рассмотрим варианты перевода в Атласе Блау.

В первую очередь обратимся к главе «Полония», где мы можем ожидать появление юго-западнорусизмов и полонизмов⁹. Однако рассматриваемая нами латинская лексема в тексте не встречается.

Но в главе «Литвания» латинское «propter iniquitatem cum nobilibus juncta» (24b) переведено как *оужичествомъ съ бл̄городцы спр̄ажненнымъ* (Син. 19, 52). Существительное «благородецъ» в словарях не представлено. Это авторское образование Славинецкого, связанное с желанием разделить прилагательное и существительное.

Царѣ имѣтъ Данане боліе из велмвжъ избрѣніа, нѣж изнаслѣдіа рождѣствѣ. Вторый бл̄городцевъ естъ (Син. 19, 29 об.)	Regem habent Dani magis ex Procerum electione, quam ex nativitatis successione. Secundus Nodilium est (Dania 10a)
Бл̄городци на Квм̄ити, Барѣни, Ёквиѣи зл̄ати, и общее бл̄городство раздѣлѣетсѣ (Син. 19, 32 об)	Nobilitas in Comites, Barones, Equites auratos, xommunemque nobilitatem dividitur (Svecia 12a)
градѣ обаче внѣи свѣси, такъ Царстѣи, такъ бл̄городцевъ многшии сѣтъ (Син. 19, 58)	Nulla castro munito insignis est, civitates tamen in ea, cum pagis tam Regiæ quam nobilium, compluris sunt (Samogitia 27a)
кѣпнѣ бл̄городецъ обитѣли премногими (Син. 19, 26)	Una cum nobelium habitationibus plurimus (Islandia 8d)
таже обобоудѣ прѣтыкаютъ здѣніа бл̄городецъ, иземледѣлецъ (Син. 19, 80 об.)	quas utrinque præterunt ædificia nobelium & agricjlarum (Austria 4c)

Отметим, что в некоторых случаях Славинецкий пользуется уже вполне устоявшейся терминологией: ex Procerum = *из велмвжъ* (этот же вариант использовался переводчиками космогра-

⁹ Один случай мы отмечаем для перевода «regni comitis» как Царства *Сеймами* (Син. 19, 65).

фии Меркатора [Глускина, 1954: 243]), в других случаях используется транслитерированный вариант (**Кѡмѣти, Барѡни, Ёкѡѣти**).

Для слова «благородец» обращает на себя внимание использование переводчиками суффикса -ец(ь). Этот же суффикс используется киевскими переводчиками и в других случаях, когда необходимо образовать от употребляемого в церковнославянском языке прилагательного новое существительное. К примеру, в грамматиках как терминологическое употребляется прилагательное «винословный» (один из разрядов союзов в грамматиках Смотрицкого издания 1619 и 1648 гг.). В Атласе Блау мы находим существительное «винословец»: **Ханъ самъ, съсовѣтники расъждаѣтъ вънѣже изложенїи винословецъ нетреѡютъ** (Син. 19, 50; латинское «Chanus ipse cum Consiliariis discernit. In quibus exponendis, causidicis non egent; 23b). Механизмы образования в данном случае совпадают.

4. Благоговение

Кроме рассмотрения общественного устройства описываемых стран, Атлас Блау содержит регулярные упоминания о религии, которую исповедуют насельники каждой территории. Латинское «religio» передается авторским неологизмом «благоговение». Глава «Европа» содержит фрагмент, озаглавленный в латинском варианте Status religionis (6с), переведенный Славинецким как **Оустроеніе блгоговѣніа**. Далее в латинском перечисляются те вероисповедания, которые на середину XVII в. распространены в Европе: **Каѡлолическомѹ блгоговѣнію прилѣпляютса всѣ Италийстїи князи; въображенномѹ, еже наричѡтъ, блгоговѣнію прилѣплетъ Агглойскїи, Ёкотскїи, и Гївернійскїи Царь; прѡчѣм блгоговѣніа... Лѹѡеранское, Калвинское, Арианское, Самосатѣнское, Иудейское»** и т. д. (Син. 19, л. 22).

«Благоговение» появляется как авторский неологизм еще в лексиконах: для *religio*, *religiositas* выбраны две лексемы: *блгочестіе*, *блгоговѣніе*; *religios(us)* переведено как *блгоче(с)тивь*, *блгоговѣнень* и только для слова «religiose» выбран один вариант – *блгоче(с)тивь* [Німчук, 1973: 349]. Отчетливой тенденции к выбору одного из двух композитов составители славяно-латинского лексикона не отмечают – в переводе на латинский лексем «благоговение» и «благочестие» используются практически одни и те же латинские слова и обороты: «Благоговѣніе. Religio. Pietas in deum. <...> Благочестіе. Pietas. In deum religio. Благочестивый. Pius. Religios(us)» [там же: 426, 428].

Приведем другие примеры из перевода Епифания Славинецкого. В главе «Ливония» латинский текст сообщает: «in Livoniam adducto, latius religio Christi propagata» (16а), в переводе «**в Ливонію приведенны(м), широчѣе блгоговѣніе оумноженно**» (Син. 19, л. 40); в главе «Унгария» рассказывается: ««Religionem Christianam amplexa est Hungaria tempore Regis Stephani»» (31b), то есть «**блгоговѣніе Хртіанское прїятъ Оунгарія ввремя царя Стефана**» (Син. 19, л. 66 об).

Тот же вариант перевода вслед за старшим товарищем выбирает Арсений Сатановский; в части, где речь идет не о христианстве, а о других религиях, например в главе о Монгольском царстве, раздел носит название: «Incolarem divisio & religio», т. е. «**Населникѡ(в) разделеніе и блгоговѣніе**» (Син. 112, л. 189) [Николенкова, 2023].

Есть лишь один пример, когда «religio» переведено как **вѣра** – и этот пример также находится в главе о Москве: **в вѣре всачески Греческимъ чыномъ последуютъ** (Син. 779, 46 об.) в соответствии с «in religion fere Græcorum ritus sequuntur» (Moscovia 17b).

5. Птице- и рыболовение

Кроме рассказа о стране, ее границах, главных городах, власти и религии, в каждой главе Атласа мы читаем рассказ о том, какие занятия являются важными для насельников. В главе «Готия» читаем: **разлічныхъ звѣрь лѡви, птицеловеніа, и рыболовеніа** (Син. 19, 37). Словарь XI–XVII в. фиксирует лишь одно сложное слово с корнем *птиц-* («птицевражбитство» как ‘гадание’ по сделанному Сильвестром Медведевым переводу конца XVII в. [СлРЯ XI–XVII, 21: 38]), для лексем с корнем *рыб-* таких образований больше, среди них отмечается «рыболовство» и «рыболовье» – в текстах соответственно XVI и начала XVII в. [СлРЯ XI–XVII, 22: 272]. Вторая часть слов – «ловление» в значении ‘охота’ – фиксируется в [СлРЯ XI–XVII, 8: 268] наряду с лексемой «ловля» в том же значении. Там же фиксируются словосочетания «рыбное ловление» (в Житии Антония Сийского) и «рыбная ловля» (Акты исторические конца XVII в.).

Латинский оригинал главы «Готия» содержит следующий текст: «variarum ferarum venationes, aucupia, piscaturæque» (13d¹⁰). Славинецкий делает абсолютно точный перевод: *aucupium* – это ‘ловля птиц, охота на птиц’, а *piscatus* – ‘рыболовство’ [ЛРС]. Оба латинских слова не являются двукорневыми образованиями, но их значение еще в лексиконе авторы передавали композитами «птицоловение» и «рыболовение»¹¹ [Німчук, 1973: 97, 317].

Епифаний Славинецкий создает оба композита, опираясь на значение, а не на форму латинских лексем. Удачный выбор сложного слова для перевода повторяется в тексте Атласа Блау еще несколько раз, к примеру:

Десятини селѡ рыболовеніа Царю мздаѣтъ (Син. 19, 27)	Decimas hujus piscaturæ regi solvent (Norwegia 8b)
рыболовеніемъ ктомъ богата (Син. 19, 39)	piscatione quod, dives (Uplandia 15b)
птицеловеніи, и рыболовеніи (Син. 19, 80 об.)	aucupiorum, & piscationum (Avstria 4c)

Важно отметить, что Славинецкий воспринимает элемент «-ловление» только в качестве второго компонента сложного слова. В других случаях использованы только **ловля** и **лов** (к примеру: **рѣки лѡсосіи лѡвомъ знаменіты**, 36 об.; **рыболовеніемъ, и лѡвомъ тѣземцы оублажаѣтъ**, 73).

В главе Karstia, Carniola нами отмечен еще один авторский композит – «рыбопиталище»: **Сумнітелно, едѡ ѿ вѡдѣ езеро, или ѿ рыбѣ рыбопиталище, или ѿ лѡва, нѡва нарицѡтиса имать** (Син. 19, 73 об.), в латинском оригинале «Dubium an ab aquis lacus, au à piscibus vivarium,

¹⁰ Ссылки на страницы и столбцы латинского издания Атласа Блау необходимо оговорить особо. Во-первых, в латинском тексте часто происходят сбои в фолиации, некоторые номера встречаются по 2 и 3 раза. Есть листы, где фолиация отсутствует. Мы даем номер листа и столбец, указываем главу. Так найти необходимый пример в латинском оригинале проще.

¹¹ В данном написании отражается украинское происхождение переводчиков; в черновиках Атласа Блау подобные написания встречаются, однако в беловых экземплярах устранились московскими писцами.

an à venatione arvum appellari debeat» (35b). В этом случае Славинецкий непосредственно в тексте конкретизирует значение латинского «vivarium», ранее в лексиконе переведенное как «зверское жилище, питате(л)ница» [Німчук, 1973: 415], создавая композит. Вторая составляющая композита (-питалище) отсутствует в структуре книжного языка.

Индивидуально-авторское начало всех описанных лексем и их связь именно с работой над Атласом Блау подчеркивается отсутствием всех рассмотренных нами слов в Словенско-латинском лексиконе, составленном Славинецким и Сатановским по результату работы над латинско-словенским. Это свидетельствует также в пользу версии о более раннем создании обоих лексиконов – до начала 50-х гг. XVII в.

Индивидуальное начало в переводческой деятельности Епифания Славинецкого и книжников, входящих в чудовскую книжную школу, подчеркивается всеми исследователями творчества этих авторов. В большинстве работ рассматриваются неологизмы, созданные при работе с греческими источниками. Как мы видим, при переложении латинского материала это творческое начало также проявляется в полной мере.

Источники

Рукописные источники

Атлас Блау, беловик (копия автографа Епифания Славинецкого) – рукопись ГИМ, Син. 19.

Атлас Блау, беловик (копия автографа Арсения Сатановского) – ГИМ, Син. 112.

Атлас Блау, черновик (автограф Епифания Славинецкого) – ГИМ, Син. 779.

Старопечатные издания

Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum. Editae a Guiljele et Ioanne Blaeu. Amsterdami. Anno 1645.

Словари

Большой латинско-русский словарь (БЛРС). Электронный ресурс: <http://linguaeterna.com/vocabula/index.php>

Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975 – .

Литература

Sondel J. Słjwnik łacinsko-polsski dla prawników i histotyków. Kraków, 1997.

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.

Глускина С.М. Общественная терминология в Космографии 1637 г. // Ученые записки Псковского педагогического института. Вып. II: Сб. статей. Псков, 1954. С. 186–243.

Живов В.М. История языка русской письменности. М., 2017.

Камчатнов А.М. История русского литературного языка. М., 2005.

- Киселев М.А.* Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII в. // Исторический вестник. 2013. Т. 6(153). С. 18–53.
- Кузьминова Е.А., Николенкова Н.В., Пентковская Т.В., Ремнева М.Л.* История русского литературного языка XI – сер. XVIII вв.: Лингвотекстологический практикум. М., 2016.
- Николаева Н.Г., Кузьмин С.И.* «Богословие» Иоанна Дамаскина в церковнославянской традиции и рецепции XVI–XVII вв. Казань, 2015.
- Николенкова Н.В.* О слове «география» и его первом употреблении в истории русской письменности // Мир русского слова. 2015. № 1. С. 14–18.
- Николенкова Н.В.* Лексическая структура перевода Атласа Блау как образец ученого церковнославянского языка XVII в. // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 4(65). С. 308–314.
- Николенкова Н.В.* «Писатель» как «творец» в ученом регистре церковнославянского языка XVII в.: дополнения к историческому словарю // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы: тр. и матер.: В 2 т. / Под общ. ред. Е.А. Горобец, О.Ф. Жолобова, М.О. Новак. Т. 2. Казань, 2018. С. 136–139.
- Николенкова Н.В.* Об индивидуально-авторском значении лексемы «благоговение» в русском литературном языке XVII века: дополнение к историческому словарю // Stephanos. 2023. № 3(59). С. 37–46.
- Німчук В.В.* «Лексіконъ латинский» Є. Славинецького. «Лексикон словено-латинський» Є. Славинецького та А. Корецького. Сатановського. Київ, 1973. 490 с.
- Пентковская Т.В.* Адаптирующие глоссы в поздних церковнославянских переводах с греческого // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2016. № 1. С. 26–45.
- Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903.

Буква *ѣ* в истории русского письма

1. Введение

Проблема употребления буквы *ѣ* в диахронии представляет интерес в первую очередь для исследования старинных текстов. Кроме того, анализ узуальной нормы правописания *ѣ* в сопоставлении с данными грамматических сочинений позволяет выявить динамику развития нормы под влиянием различных факторов и установить роль узуса и кодификации в данном процессе.

Фонетической природе звука, обозначаемого буквой *ѣ*, и его судьбе в различных говорах и литературном языке посвящено множество работ ведущих языковедов [Васильев, 1905; Васеко, 1973; Виноградов, 1923; Галинская, 2002; Горшкова, 1959; Горшкова, 1972; Панов, 2002; Филин, 2006; Шахматов, 1911–1912; Шахматов, 1915]. Однако с самого начала русской письменности использование буквы «ять» определялось не только книжной традицией и влиянием живого произношения, но и некоторыми особыми закономерностями, которые также были основательно исследованы на обширном материале как книжных, так и некнижных текстов [Гальченко, 2001; Живов, 1999; Живов, 2006; Зализняк, 1995; Осипов, 1979; Успенский, 1997; Успенский, 2002; Черных, 1953].

Специфику употребления *ѣ* в церковнославянской традиции связывают прежде всего с влиянием «книжного произношения», приводившим к смешению *ѣ* и *е* [Живов, 2006: 64–65; Успенский, 2002: 163–173]. Другая особенность восточнославянских текстов касается орфографии префикса <прѣ->, который под влиянием церковнославянской традиции вошел в русскую письменность наряду с исконно русским <пере-> и употреблялся в ряде слов, особенно церковнославянского происхождения, с произношением [пре-], что способствовало постепенному закреплению в русском языке написания данной приставки *пре-* [Дурново, 1933: 65; Успенский, 1997: 226]. Вообще, в древнерусских рукописях в соответствии с *ѣ* неполногласного сочетания после *р* регулярно употребляется *е* [Живов, 1987: 46–64], хотя, по мнению М.Г. Гальченко, не все писцы «последовательно писали в этом случае букву *е*, особенно если они ориентировались... на древний оригинал» [Гальченко, 1994: 30]. Кроме того, *ѣ* сохраняется в неполногласных сочетаниях с *лѣ*, поскольку написание таких сочетаний не могло быть проверено разговорным произношением, в отличие от сочетаний, восходящих к праславянскому *er [Живов, 1999: 786–788]. Систематическое использование буквы *ѣ* во всех неполногласных сочетаниях связывают со вторым южнославянским влиянием [Гальченко, 1994: 31–32], однако такие написания, в том числе и «специфически книжной» [Гальченко, 1989: 135] морфемы <прѣ->, не получают распространения даже в книжных текстах.

Стабильность правописания *ѣ* в письменной практике некоторых образованных людей XVIII столетия исследователи объясняют существованием особого «типа речи, в котором раз-

личались фонетические сущности, обозначаемые буквой *Ѣ* и буквой *е*» [Панов, 2002: 345] (см. также: [Ганиев, 2009: 46]). В доказательство нередко приводят «приверженность Петра I к *Ѣ*» [Панов, 2002: 339] (см. также: [Горшкова, 1959]), свидетельствующую о том, что «для этого высокого информанта *Ѣ* и *е* фонетически были не одно и то же» [Панов, 2002: 339]. В такой ситуации орфография фиксировала не факт диалектной системы, «а особенность произношения, характерного для Москвы как нового политического и культурного центра, где в определенных условиях различие <ê> и <e>, не поддержанное местной диалектной системой, могло сохраняться в силу традиции на положении произносительной нормы» [Горшкова, Хабургаев, 1997: 100]. Данная особенность противопоставляла литературное произношение XVIII в. старомосковскому просторечию, в фонологической системе которого «не было условий для функционирования особой фонемы <ê>, противопоставленной <e>» [Горшкова, Хабургаев, 1997: 99–100].

Именно спецификой старомосковского просторечия определялась не книжная орфографическая система деловой и бытовой письменности, по-своему нормировавшая употребление буквы *Ѣ*. Начиная с XV в. в московских грамотах отмечается замена *Ѣ* буквой *е* при обозначении безударного гласного в корневых, аффиксальных, флективных морфемах, что, по мнению исследователей, становится достаточно последовательной орфографической нормой [Васильев, 1905]. В отличие от книжных текстов, демонстрирующих довольно устойчивую норму употребления *Ѣ* в определенных корнях и грамматических формах, в период XVI–XVIII вв. во многих почерках московских и региональных деловых документов данная буква не обнаруживается или тяготеет к исчезновению [Глинкина, 2003: 45; Копосов, 2000: 163; Котков, 1974: 49; Майоров, 2007: 102; Осипов, Гейгер, Рогожникова, 1993: 39]. В тех же памятниках, где *Ѣ* и употребляется, «тенденция постановки *Ѣ* в позиции под ударением является несомненной» [Тарабасова, 1986: 42] (см. также: [Гаевская, 1960: 96]). Строгое соблюдение правил постановки *Ѣ* под ударением констатирует А.П. Майоров в забайкальских памятниках деловой письменности 10-х гг. XVIII в. [Майоров, 2007: 103]. К такому же выводу приходит в своем исследовании Л.Ф. Копосов [Копосов, 2000: 137–138], который также устанавливает «норму разграничения конечных открытых слогов, относительно редко нарушаемую писцами», в соответствии с которой «замена *Ѣ* буквой *е* в безударной позиции при сохранении его под ударением» осуществляется наиболее последовательно [Копосов, 2000: 132, 136]. Интересно, что подобная закономерность отличает и печатное Уложение 1649 г., где «*Ѣ* сохраняется под ударением, но... заменяется *е* в неударенном положении», что П.Я. Черных относит к «наглядным примерам сознательной “русификации” текста» второго издания Уложенной книги [Черных, 1953: 123–124].

Если «в типографской практике XVIII в. буква *Ѣ* восстанавливается во всех положениях в слове», то «в деловой письменности действует противоположная тенденция – к ограничению и полному устранению *Ѣ* как в ударном, так и в безударном положении» [Копосов, 2000: 192]. Орфографическое правило употребления *Ѣ* в скорописи формируется лишь к середине XIX столетия [Глинкина, 2003: 55; Сивкова, 1999: 153, 159].

2. Грамматические сочинения XVII–XVIII вв. о правописании буквы Ъ

Рекомендации ранних грамматиков относительно употребления Ъ носят самый общий характер.

Лаврентий Зизаний (1596) относит «ять» к «долгим» гласным, ставя в один ряд не только с «и» и «омегой», но и с «юсом малым». В разделе «Канонъ ѡ Ъ» Зизаний сетует на то, что многие люди смешивают «ять» и «е»: «Се Ъ у нѣкихъ въ мѣсто е приемлется, егда тѣлесны глаголють въ мѣсто телесны, и о христе въ мѣсто ѡ христѣ, и о господе, спасѣ, и прчая. нелѣпо же есть ихъ употребленіе» [Грамматики Лаврентия Зизанія и Мелетія Смотрицкаго 2000: 106]. Наличие такого правила, тем более с ошибкой в первом же примере, где не рекомендуется писать тѣлесны вместо телесны, свидетельствует о том, что во время создания грамматики проблема смешения Ъ и е уже существовала.

В грамматике Мелетия Смотрицкаго (1619) также не много сведений о букве Ъ. В главе «СѢ писмени или о естествѣ писменъ» в разделе «СѢ гласныхъ» Мелетий Смотрицкий характеризует среди прочих «ять» как «самогласную» (в отличие от «припряжногласных» «ер» и «ерь»): «Сице нарицаются, зане сама собою гласъ издають: и ако кромѣ сихъ ни единъ слогъ составитися можетъ» [Грамматики Лаврентия Зизанія и Мелетія Смотрицкаго, 2000: 136]. Кроме того, при делении гласных букв на «долгие», «краткие» и «двоевременные» буква «ять» вместе с «и» и «омегой» попадает в разряд долгих. Приписываемая «ять» долгота, очевидно, говорит о возможной дифтонгической природе звука, обозначаемого этой буквой. Далее Смотрицкий описывает правила употребления букв славянского алфавита, говоря о «ять», что она «во всѣхъ реченія слозехъ употребляется: ако Ъсва, Ъста, снѣдохѣ: и проч.» [Грамматики Лаврентия Зизанія и Мелетія Смотрицкаго, 2000: 142].

В отличие от грамматических сочинений XVII столетия, в лекциях В.Е. Адодурова букве Ъ уделяется достаточно много внимания. Языковед фиксирует ситуацию, когда звуковое значение данного знака «угасает» [Панов, 2002: 359]: «Употребленіе літеры Ѣ дѣлаетъ не токмо чужестраннымъ и нашему языку учится еще начинающимъ но и самимъ природнымъ русскимъ людямъ немалое затрудненіе» [Успенский, 1975: 107]. Отсюда и ошибки на письме: «часто пишутъ сію літ: тутъ гдѣ ея писать весьма не надлежитъ, часто все то заравно принимаютъ хотя бы гдѣ Ъ или е было написано и отъ сего ложнаго мнѣнія многіе оную почитаютъ или за ровную літерѣ е или и весма за излишнюю» [Успенский, 1975: 107]. Тем не менее Адодуров описывает природу звука, обозначаемого буквой «ять», как дифтонга [іе], отличающегося от звука, обозначаемого буквой «е». Совпадение их Адодуров отмечает только в начале слова, в остальных же случаях они «межъ собою весма разнствуютъ», поэтому исследователь выступает против исключения Ъ.

Списка слов, пишущихся с буквой Ъ, и правил ее употребления автор не предлагает, а лишь рассуждает о правописании Ъ в корнях непосредственно в тексте книги. Но дальше утверждения: «чтобъ узнать гдѣ Ъ или е въ срединѣ слова писать надобно, как только что надлежитъ прилѣжно примѣчать какъ которое слово выговаривается» [Успенский, 1975: 108], –

эти размышления не идут. При этом несомненным достоинством работы является мысль о том, что буква «ять» пишется не только в корнях «основных», но и в корнях «производных» слов. Говоря о правописании *е* и Ъ, Адодуров указывает, что в определенных случаях это зависит не от «фонетики» (он настаивает на звуковом различии указанных букв), а от «морфологии»: «*ть* употребляется въ таких токмо случаяхъ, когда предъ словомъ полагается какой нибудь предлогъ или частица... так ежели при словѣ рѣка будутъ находиться частицы *на, при, по, въ*, должно писать *на рекѣ, пре рекѣ, по рекѣ, въ рекѣ*» [Успенский, 1975: 109].

Ранний В.К. Третьяковский, будучи, подобно Адодурову, сторонником письма «по звонам», вместе с тем не разделяет его уверенности в необходимости сохранения буквы Ъ, поскольку, по его мнению, в московском говоре «ять» уже почти неразличима с «е». Стремясь к устранению «лишней» буквы, он вводит знак *е* вместо Ъ в положении не после согласных, мотивируя это фонетическими основаниями. После согласных же реформатор оставляет букву Ъ, хотя неоднократно подчеркивает одинаковое звуковое значение обеих букв [Панов, 2002: 353–354]. Задаваясь вопросом о том, почему бы не писать везде *е*, Третьяковский вдруг с крайней непоследовательностью начинает защищать «ять»: ««...длятого, что гибель учиніт-ся въ премногіхъ словахъ чістому выговору, ежели она выключіт-ся по разуму. Чтожь можетъ быть важнѣ і нужняе чістаго выговора въ ясыке?» [Третьяковский, 1748: 197]. Третьяковский оставляет Ъ «почитай... за нѣкоторый родъ намѣстницы буквы Е» [Третьяковский, 1748: 199], потому как «превеликій і основательный страхъ не допускаетъ вывести изъ Азбуки буквы (Ѣ)» [Третьяковский, 1748: 194].

Противоречивость позиции Третьяковского проявляется не только в рассуждениях, но и в практике письма, которое у него не соответствует ни традиции, ни его собственным теоретическим построениям. В своем же грамматическом сочинении он пишет: «мѣлочъ» (хотя следует писать «мелочь») [Третьяковский, 1748: 187], «целаго» (хотя следует писать «цѣлаго») [Третьяковский, 1748: 189], «вмѣстѣ» (правильно: «вместѣ») [Третьяковский, 1748: 204], «важнѣ і нужняе» [Третьяковский, 1748: 199].

В отличие от В.К. Третьяковского, М.В. Ломоносов не сомневается в необходимости Ъ и в орфографии своих сочинений старается не отклоняться от правил, ориентируясь на существующую орфографическую норму и традиции книжного произношения. Ученый считал, что звук, обозначаемый буквой Ъ, отличается от того, который передает буква *е*, и потому первый нуждается в специальной букве. В «Российской грамматике» он утверждает: «...буквы Е и Ъ въ просторечіи едва имѣють чувствительную разность, которую въ чтеніи весьма явственно слухъ раздѣляетъ, и требуетъ... Е въ дебелисти, Ъ въ тонкости...» [Ломоносов, 1755: 49]. «Дебелость» и «тонкость» у Ломоносова (и у многих последовавших за ним грамматистов) – это характеристики позиционных вариантов одного гласного звука. То есть, по Ломоносову, при чтении книг «е» произносится после твердых, а «ять» после мягких согласных. Данную позицию поддерживают и современные лингвисты [Васильев, 1905: 219; Успенский, 2002: 163]. Б.А. Успенский отмечает, что на великорусской территории книжное произношение «ять» было противопоставлено живому. Различение звуков «ять» и «е» происходило по

твердости-мягкости предшествующего согласного звука и сохранялось в церковном чтении, по крайней мере, до начала XIX века. Указанный принцип различения «ять» и «е» усваивался не только при обучении церковнославянскому языку, но и при обучении русскому языку, которое также осуществлялось путем чтения по складам. Соответственно, книжные слова в русском языке произносились с твердым согласным перед «е» и с мягким перед «ять», в живом же произношении звук [ě] характеризовался как дифтонг [ie] или как «э-закрытое» [ê] [Успенский, 2002: 163] (см. также: [Панов, 2002: 345–346]).

Безоговорочно поддерживая сохранение на письме буквы Ъ, Ломоносов в грамматике не останавливается подробно на ее употреблении, перечисляет лишь «некоторые правила» использования буквы в морфологических позициях, а правописание Ъ в «складахъ, перемѣнамъ неподверженныхъ», вообще исключает из своего поля зрения, поскольку никаких закономерностей в этом случае выявить не может. Чтобы освоить русскую грамоту, Ломоносов советует прилежно учиться и много читать. В противовес тем, кто пытался устранить букву Ъ из азбуки, он приводит следующий довод: «...ежели безъ буквы Ъ начать писать, а особливо печатать, то и тѣмъ, которыя раздѣлять Е отъ Ъ умеютъ не токмо покажется странно, но и въ чтеніи препятствовать станетъ...» [Ломоносов, 1755: 53]

О трудностях в различении звуков, обозначаемых буквами е и Ъ, пишет и В.П. Светов в работе «Опыт нового российского правописания» 1773 г.: «Подобно какъ малороссіяне въ различеніи буквъ Ы отъ И часто и легко ошибаются, такъ великороссіяне великую трудность находятъ въ распознаваніи буквы Ъ отъ Е» [Светов, 1773: 6]. Однако главная ценность данной работы состоит в том, что здесь впервые сформулировано правило правописания буквы Ъ. В семи пунктах правила описаны морфологические закономерности употребления Ъ (позиции в дательном и предложном падежах, в степенях сравнения прилагательных, в глагольных суффиксах), отмечено отсутствие Ъ в начале слов (кроме «ѣмъ», «ѣду» и их производных), а также указано, что буква Ъ содержится во многих словах, правописание которых нельзя объяснить никакими правилами. Списка слов при этом Светов не представляет, замечая, что «сверхъ всего требуется къ различенію буквъ Е и Ъ твердое ученіе граммати и прилѣжное чтеніе исправной печати книгъ. Ибо на языкѣ россійскомъ нѣтъ еще исправнаго и полнаго словаря, гдѣ бь можно было о правописаніи словъ справляться» [Светов, 1773: 8]. Таким образом, автор лишь перечисляет проблемы упорядочения и кодификации письма, которые еще предстоит решить с помощью описания правил орфографии и составления словарей различных типов (прежде всего орфографического).

А.А. Барсов в «Российской грамматике» 1783–1788 гг. фиксирует ситуацию, когда «ять», казалось бы, уже не имеет собственного звукового значения и совпадает с «е», о чем свидетельствует фрагмент предложенной в грамматике азбуки [Барсов, 1981: 40]:

Печать церковная	Прежніе имена	Печать гражданская	Имена введенныя	Знаменованіе
Е е	есть	Е е	Е и э	je и e
Ъ Ъ	ять	Ъ Ъ	ѣ	je

Однако если верить таблице, приведенной для иллюстрации оглушения звонких согласных (в левом столбце написание, в правом – выговор слова), то произношение звуков, обозначаемых буквами *Е* и *Ѣ*, различается [Барсов, 1981: 59]:

<i>дѣвка</i>	дѣвка
...	
<i>легко</i>	лехко
...	
<i>подстѣль</i>	потсѣль

Показательно также, что положение о единообразной передаче корней родственных слов Барсов иллюстрирует на примере корня с буквой *Ѣ*: «Понеже корень *вѣкъ* имѣеть въ себѣ букву *ѣ*: то и всѣ происходящія отъ него слова, т. е. производныя и ихъ сложныя и измѣненныя, оную удерживаютъ, какъ то *вѣковой*, *вѣчный*, *вѣчность*, *превѣчный*, *предвѣчный*, *извѣчный*...» [Барсов, 1981: 83]

В комментариях о произношении звуков отмечено, что в положении начала слова, когда *е* и *Ѣ* обозначают звуки «полуотверстые», они мало различаются, тогда как «въ растворенномъ произношеніи, то есть послѣ согласныхъ, сіи буквы одна отъ другой различествуютъ, особливо въ порядочномъ чтеніи, а у Малороссіянь и въ просторѣчїи, такъ что написанныя сими буквами, сходныя впрочемъ слова, не для глазъ только различаются, но и для слуха выговариваются разнo, на пр. *пеню* и *пѣню*, *пенье* и *пѣнье*, *плень* и *плѣнь* и проч.» [Барсов, 1981: 47]. Вместе с тем в текстологических примечаниях зафиксировано, что в последнем примере «*ѣ* исправлено из *е*» [Барсов, 1981: 245].

У Барсова нет четкого списка правил употребления «ять» во всех грамматических позициях. Лишь при описании употребления гласных в окончаниях существительных он между прочим замечает, что «въ случаѣ сомнѣнїя между *е* и *Ѣ* надлежитъ писать *Ѣ*: 1) Когда можно спросить кому или чему? <...> 2) когда спросить можно *о комъ* и *о чемъ*?» [Барсов, 1981: 89], т. е. указывает всего две грамматические позиции употребления *Ѣ* в окончаниях существительных – в дательном и предложном падежах, не говоря о местоимениях, прилагательных и прочих случаях.

Итак, в грамматических работах XVI–XVIII вв. правила употребления *Ѣ* изложены недостаточно основательно, рассуждения об избыточности буквы непоследовательны. Очевидно, еще сохраняется особое звуковое значение «ять» в книжном произношении («въ порядочномъ чтеніи», по словам Барсова), о чем свидетельствуют не только рассуждения Адодурова, Ломоносова и Барсова о различном произношении «ять» и «е» после согласных, но и предложение Третьяковского не заменять *Ѣ* на *е* в этом положении. Может быть, поэтому ни одна из грамматик того времени не содержит особого списка слов, пишущихся с данной буквой.

3. Употребление буквы *Ѣ* в ведомостях XVIII–XIX вв.

Несмотря на отсутствие подробных правил в кодифицирующих сочинениях того времени, в ведомостях правописание *Ѣ* отличается стабильностью. Очевидно, что ориентированная на книжную норму церковная и даже гражданская печать «Ведомостей», не стремившаяся к

«русификации», не отражала действовавшей в скорописи тенденции к устранению Ъ. В отличие от скорописных деловых памятников и печатного Уложения, в петровских «Ведомостях» буква Ъ пишется очень стабильно в соответствии с церковнославянской нормой в номерах как церковного, так и гражданского шрифта, хотя старшие и современные им грамматические сочинения не предлагают ни так называемого «ятевого» списка, ни перечня правил, регулирующих правописание данной буквы. Данная ситуация лишней раз подтверждает идею М.Л. Ремнёвой о том, что «церковнославянский язык использовался не только в канонической и богослужебно-литургической письменности, но и в светской тоже. С самого начала сфера применения языка была значительно шире, чем обслуживание культовых нужд» [Ремнёва, 2016: 12].

Наиболее устойчиво употребление Ъ в исходе наречий и служебных слов: *вездѣ, внѣ, возлѣ, гдѣ, доколѣ, доселѣ, дотолѣ, кромѣ, нынѣ, подлѣ, развѣ, вдалекѣ, вдвойнѣ, вмѣстѣ*, – и произведенных от них прилагательных: *внѣшній, здѣшній, нынѣшній*, а также сравнительной и превосходной степени: *главнѣйшіе* 1715.2¹, *сілняѣ, наискорѣе*, 1719.2 и под. Кроме того, Ъ регулярно пишется в приставке *нѣ* неопределенных местоимений и наречий: *нѣсколко* 1708.9, *нѣсколькѣ, нѣсколко* 1713.1, *нѣкто, нѣкоторое* 1710.14, *нѣкоторые, нѣкогда* 1713.4 и т. п.

Незначительную вариативность в употреблении Ъ демонстрируют окончания Д. и М. п. ед. ч. существительных в ранних номерах «Ведомостей». Полный перечень случаев написания *е* вместо флективного Ъ: *въ Гонзаге, в' городѣ виннице* 1703.1, *въ авангарде, въ обозе* 1703.2, *въ карабле* 1703.4, *въ далцбурге, въ кремоне, в' польше* 1703.5, *при лотине, к кросне* 1703.6, *въ рекѣ родонделе, на рекѣ родонделе* 1703.2, *въ стразбурхе городѣ* 1703.7, *въ великой польше* 1703.8, 1703.38, *въ мастрихте* 1703.9, *водной миле, нужды въ пице неимѣли, въ сейме* 1703.10, *въ іарославе на рускомѣ рубеже, ппѣвъ тѣлеге* 1703.37, *при Мебрбахе* 1703.38 – иллюстрирует идею Ю.В. Курчевой о том, что такие ошибки встречаются, как правило, в словах иноязычного происхождения [Курчева, 1941: 115], обычно топонимах, что, на наш взгляд, отражает определенный этап освоения заимствований. Номера других годов, в том числе гражданской печати, позволяют множить подобные примеры: *при голстете* 1704.25, *въ манице* 1704.18, *въ париже* 1704.11, *въ гренобле* 1704.35, *при гибралтаре* 1705.7, *въ стразбурхе* 1705.8, *Въ мантие* 1706.14, *въ дундене* 1710.4, *въ квалітете* 1719.3, *прінцессе* 1719.3 и др. Видимо, орфография данных слов определялась живым произношением. О закреплённости таких написаний за иноязычниками свидетельствуют случаи, когда рядом употребляется русское и заимствованное слово в одинаковой форме, но с разными окончаниями – Ъ в русском, а *е* в заимствовании: *въ городѣ виннице* 1703.1, *въ рекѣ родонделе, на рекѣ родонделе* 1703.2, *въ стразбурхе городѣ* 1703.7, *въ гренобле, и в' майландскомѣ гѣздѣ* 1704.35 и под. Неслучайность таких сочетаний подтверждают аналогичные примеры из вестей-курантов: *По рекѣ по Эльве; На рекѣ на Лиме; на рекѣ на Мазе; на рекѣ на Элбе* [Демьянов 2001: 215]. В «Ведомостях» число таких ошибок сокращается от номера к номеру, уже в 1704 г. они единичны, а позднее и вовсе уникальны. Грамматические сочинения Зизания, Смотрицкого и Поликарпова не предполагают вариатив-

¹ Здесь и далее число перед точкой обозначает год, после точки – номер «Ведомостей».

ности Ъ – е в окончаниях Д. и М. п. ед. ч. и не комментируют написания с конечной е [Кузьмина, 2007: 533, 559; Бабаева, 2000: 91–99].

Заметно отличаются «Ведомости» от скорописных вестей-курантов и печатного Уложения также орфографией форм М. п. мн. ч. существительных. В противовес древнерусской норме, в рамках которой флексии *-тъхъ* и *-ехъ* «считали не грамматическими вариантами, а флексиями-алломорфами» [Глинкина, 1998: 37] и вопреки рекомендациям изданий грамматики Смотрицкого 1619 г., кодифицировавшим названные варианты едва ли не как равноправные [Кузьмина, 2007: 533, 570–572], «Ведомости» почти не допускают вариативности данных окончаний, где в основном находим *-Ѣхъ*: *при дворѣхъ* 1704.25, *въ домѣхъ* 1704.27, *во многихъ дѣлѣхъ* 1704.30, *на походѣхъ* 1705.28, *на воротѣхъ* 1706.10, *въ числѣхъ* 1706.24, *во городѣхъ*, *в числѣхъ* 1708.7, *числѣхъ* 1708.8, *числѣхъ* 1708.9, *въ тѣхъ частѣхъ* 1708.10, *въ полкѣхъ* 1709.2, *въ иныхъ мѣстѣхъ*, *во многихъ мѣстѣхъ* 1709.6, *при дворѣхъ*, *въ трехъ частѣхъ*, *во всѣхъ городѣхъ*, *въ воинтерѣхъ*, *о приходѣхъ*, *о дѣлѣхъ*, *въ числѣхъ* (2 раза), *въ уѣздѣхъ*, *при дворѣхъ*, *городѣхъ* 1710.2, *въ генералѣхъ* 1710.4, *въ городѣхъ* 1710.18, *въ всѣхъ числѣхъ* 1711.7, *во всѣхъ дѣлѣхъ* 1713.1, 4, *въ городѣхъ*, *въ числѣхъ* 1714.1, *при дворѣхъ* 1716.2, *о 3 хъ частѣхъ*, *на штапелѣхъ* 1719.14 и др. Отдельные случаи употребления *е* в данной флексии после основ на мягкий согласный: *на обѣихъ краяхъ* 1704.27, *о кораблехъ* (2 раза) 1710.2, *въ конехъ* 1710.5 – опираются скорее на правило, сформулированное Смотрицким в первом издании 1619 г. [Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого 2000: 214–222], чем на измененное в сторону «расширения функционирования флексии *-ѣхъ*» правило издания 1648 г. [Кузьмина, 2007: 571] и мало отличающееся от него правило переиздания Поликарпова 1721 г. [Живов, 2004: 359].

Однако уже в ранних номерах «Ведомостей» начинает проявляться так называемая «а-экспансия в косвенных падежах существительного во мн. числе» [Живов, 2004: 267] в вариативных написаниях типа: *при дворѣхъ* – *на рибежахъ*, *на мѣстахъ*, *въ шквдронахъ* и *баталіонахъ* 1704.25, *въ иныхъ мѣстѣхъ*, *во многихъ мѣстѣхъ* – *въ розныхъ мѣстахъ* 1709.6. Количество новых флексий постепенно возрастает: *на рибежахъ*, *на мѣстахъ*, *въ шквдронахъ* и *баталіонахъ* 1704.25, *на дорогахъ* 1705.28, *на рибежахъ* 1705.33, *въ розныхъ мѣстахъ* 1709.6, *на границахъ* 1710.4, *в человѣкахъ* 1710.5, *на квартажахъ* 1713.4, *въ баталіонахъ* 1716.10, *о дѣйствахъ* 1719.19, *въ языкахъ* 1723.12, *въ тѣхъ мѣстахъ*, *о дѣлахъ*, *въ разныхъ мѣстахъ* 1725.1, *о дѣлахъ* (2 раза), *на фундаментахъ*, *во многіхъ иныхъ мѣстахъ*, *въ разныхъ мѣстахъ* 1725.12 – вслед за бытовыми и деловыми памятниками предшествующего столетия, включающими вести-куранты и печатное Уложение [Живов, 2004: 288–296].

Таким образом, варьирование Ъ и е в составе флексий прекращается уже на этапе «Ведомостей», и позднейшие издания газет оно не затрагивает.

Корневые морфемы в исследуемых текстах также отличаются достаточно стабильной орфографией. Несмотря на отсутствие в грамматиках XVI–XVIII вв. «ятевых» списков, буква Ъ регулярно пишется в корнях следующих слов: *ѣздитъ*, *въдѣтъ*, *въкъ*, *въра*, *вътъ*, *въшиать*, *обѣщать*, *въять*, *вътръ*, *сѣверъ*, *сѣсть*, *сѣку*, *сѣно*, *сѣра*, *сѣтъ*, *сѣтовать*, *посѣтитъ*, *мѣдь*, *мѣна*, *мѣра*, *мѣсто*, *мѣсяць*, *мѣтитъ*, *мѣшиать*, *мѣшкать*, *мѣшокъ*, *рѣдкій*, *рѣзать*, *рѣзвый*,

р҃гьять, р҃гька, обр҃гьту, р҃гьчь, л҃гьвий, л҃гьзу, л҃гьнь, л҃гьнитъ, л҃гьсь, л҃гьто, ц҃гьлый, ц҃гьловать, ц҃гьна, ц҃гьль, т҃гьло, т҃гьнь, т҃гьсный, т҃гьшитъ, зат҃гьять, п҃гьна, п҃гьть, п҃гьший, б҃гьгать, б҃гьда, б҃гьлый, б҃гьсь, д҃гьлатъ, д҃гьти, д҃гьва, д҃гьдъ, д҃гьлитъ, н҃гьмой, н҃гьтъ, з҃гьвь, з҃гьло, з҃гьница, бл҃гьдный, пл҃гьнь, сл҃гьдъ, сл҃гьпой, хл҃гьбъ, гн҃гьвь, гн҃гьдой, гн҃гьтитъ, гн҃гьздо, сн҃гьгъ, сп҃гьхъ, гр҃гьхъ, кр҃гькѣй, зв҃гьрь, св҃гьжѣй, св҃гьтъ, цв҃гьтъ, см҃гьхъ, ст҃гьна, стр҃гьла, жел҃гьзо, кал҃гька, тел҃гьга, ор҃гьхъ, свир҃гьный, нев҃гьста, бес҃гьда, кол҃гьно.

В целом орфография перечисленных слов и однокоренных с ними очень устойчива, а случаи употребления *е* вместо *Ѣ* в корнях единичны: *въ рекѣ* 1703.2, *телегѣ* 1703.3, *тѣлеге*, *пехотѣ* 1703.37, *въ местечкѣ* 1709.5, *перебежчикѣ* 1709.6, *переменился* 1710.2, *мешковѣ* (2 раза) 1710.19, *мешковѣ* 1716.8, 9, *стреляниемъ* 1719.34, *обещалъ* 1719.39, *телеги* 1722.12, *недель* 1724.3 и под. И наоборот, буква *Ѣ* может употребляться на месте *е* или *и* в словах: *сѣдель* 1709.3, *сѣдящій*, *въселѣицы* 1710.2, *немѣдленно* 1717.1, *обнадежѣваютъ* 1719.2, 8, 17, *обнадеженъ* 1719.20, *подъ пѣнею (штрафа)* 1719.8, *мѣлницѣ* 1719.12, 15 (2 раза), 38, *обнадежилѣ* 1719.34, *обнадеживаемъ* 1719.36, *отвѣденной* 1721.1, *цѣркѣи* 1724.3, *лѣжащѣ* 1725.12 и др.

Такие ошибки, как *сѣдель* 1709.3, *сѣдящій* 1710.2, *лѣжащѣ* 1725.12, *обнадеженъ* 1719.20, очевидно, связаны с влиянием чередующихся корней: *сидѣть* – *сѣсть*, *лежати* – *лѣгати*, *надежда* – *надѣяться* и под. На данное чередование, отмеченное еще в старославянских памятниках, обращает особое внимание А.Х. Востоков в примечаниях к своему «ятевому» списку: «одѣвать, одѣну (но *одежда* имѣеть *е*)... надѣяться (но *надежда* имѣеть *е*)» [Востоков, 1835: 356], его объясняет Я.К. Грот в исследовании «Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго до-нынѣ» древним «законом усиления гласной» [Грот, 1876: 310]. Другое объяснение дает А.М. Будрин: «Производныя реченія удерживаютъ *ѣ*, кромѣ двухъ: *одежда* отъ *одѣваю*, *надежда* – отъ *надѣюсь*, на томъ основаніи, что простой народъ говорить – *надѣжа*, *одѣжа*, но это основание не твердо» [Будрин, 1849: 17]. Противопоставление чередующихся корней зафиксировано Словарем Академии Российской 1789–1794 гг., а затем и Академическим словарем 1847 г.: **надежда, надежа, надежность, надежный** [Словарь Академии Российской, 1789–1794, IV: 467–468; Словарь церковнославянского и русского языка, 1847, II: 361], **обнадежить, обнадеживать, обнадеженіе** [Словарь Академии Российской, 1789–1794, IV: 467–469; Словарь церковнославянского и русского языка, 1847, III: 22–23]. Но: **надѣяться, надѣянность, надѣяніе** [Словарь Академии Российской 1789–1794, IV: 467–469; Словарь церковнославянского и русского языка, 1847, II: 367].

Влияние омонимичных или очень далеких по происхождению корней, вероятно, объясняет и нестабильность орфографии слов «мель», «мелкий». В основном корпусе текстов стабильно соблюдается церковнославянская [Фасмер, 1986, II: 596] норма: *мѣлкимъ, мѣлкаго* 1704.27, *мѣлкихъ* 1705.31, 35, *помѣлче* 1705.35, *мѣлкой* 1706.27, *мѣлких* 1710.19, (*сѣль*) *на мѣль* 1714.1, *мѣль* 1710.20, 1714.8, *мѣлкіхъ, мѣлкого* 1715.10, *въ мѣль* 1715.11, *на мѣль* 1716.1, *мѣлкімъ* 1716.10, *мѣлкімъ, мѣль* 1720.8. Однако в поздних номерах «Ведомостей», а затем в «Санктпетербургских ведомостях» появляется небольшая вариативность (*мѣль* – *на*

мель 1725.12; *обмельгаго, обмельгыхъ* 1729.39 – *мель* 1758.3 СПб² и др.), которая разрешается в пользу традиционного написания через Ъ: *мѣлкой, мѣлкаго* 1770.51 СПб, *мѣлочной* 1771.102 СПб, *мѣлкой* 1801.13 СПб, *мѣлоцахъ* 1803.6 СПб, *мѣлкихъ* 1758.52, 1804.49, 1816.50 Мск³, *мѣлкаго, мѣлочныхъ* 1769.2, 1799.3 Мск, *мѣлочныя* 1728.2, *мѣляхъ* 1817.14 Мск и др. Именно в таком виде этот корень входит в «ятевые» списки трех изданий академической грамматики [Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою академиею, 1802: 22; Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою академиею, 1809: 19; Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою академиею, 1819: 14], а вслед за ними и в некоторые учебные пособия первого двадцатилетия XIX в. (напр.: [Снегирев, 1815: 19; Россійская грамматика изданная для легчайшаго обученія юношества, 1820: 159]). Напротив, другое академическое издание – Словарь Академии Россійской 1789–1794 гг. – кодифицирует данные слова с написанием через е: **МЕЛКІЙ** и все однокоренные [Словарь Академии Россійской 1789–1794, IV: 84–86].

Первым из грамматистов обратил внимание на эту зону вариативности А.Х. Востоков: «Мѣлкій (пишуть также мелкій)» [Востоков, 1835: 356], что к тому времени становится уже не актуальным для ведомостей, где к 30-м гг. XIX столетия устанавливается написание данного корня через е: *мелкаго* 1830.82, 84 СПб, *мелкой, мелкаго, мелочная, мелкимъ* 1834.13 СПб, *мелкаго* 1834.26 СПб, *мелкихъ* 1840.73, 1850.147 СПб, *мелкимъ* 1840.48 СПб, *мелкую* 1843.18 СПб, *мелочную, мелочи* 1843.18 СПб, *мелкая* 1843.53 Мск, *мелкіе* 1843.79 и др. (исключения единичны: *мѣлкой* 1843.53 Мск). В практике книгопечатания также стабильно употребляется е: *мелочномъ, мелокъ, мелочныхъ, мелкія* [Россия XVIII столетия, 1990: 20, 115, 207, 380]. И в словаре 1847 г. вопреки книжной традиции закрепляется такое написание: **мель, мелочь** [Словарь церковнославянского и русского языка 1847, III: 297], **мелкій** [Словарь церковнославянского и русского языка 1847, II: 296]. Справедливости ради надо сказать, что в большинстве «ятевых» списков данное слово отсутствовало начиная с 10-х гг. XIX столетия [Орнатовский, 1811; Россійская грамматика 1811; Греч, 1834; Давыдов 1849; Будрин, 1849; Буслаев, 1959], его нет также в «Русском правописании» Я.К. Грота [Грот, 1885: 56]. И это не случайно, ведь основанный на работах Грота «Учебникъ русской грамматики для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній» П.В. Смирновского прямо указывает: «мѣл-ъ (камень, не путать с мелкій, мелочь, мельница)» [Смирновский, 1915: 74], а сам Я.К. Грот в «Спорныхъ вопросах...» кодифицирует написание указанного корня через е: «Мелкій... Мелочь... Мелюзга. Мель, мелѣть» [Грот, 1876: 438] и комментирует это так: «...долго писали: “... мѣлкій, мѣльница...”»; потом стали писать по этимологии: “... мелкій, мельница...”» [Грот, 1876: 245–246]. Интересно рассуждение на сей счет Н.И. Греча: «Буква ѣ не можетъ замѣнить другой буквы въ главномъ корнѣ слова, т. е., вездѣ, гдѣ какая либо гласная буква главнаго корня измѣняется въ е, а не ѣ, напримѣръ: *молоть, мельница; малый, мелкій* и т. д.» [Греч, 1834: 472]. На чередование в корне обращает внимание и И.И. Давыдов в Академической грамматике: «Гласные е и о замѣняютъ

² Здесь и далее СПб обозначает номера «Санктпетербургских ведомостей».

³ Здесь и далее Мск обозначает номера «Московских ведомостей».

одна другую, какъ буквы вспомогалельныя при словопроизводствѣ и словосоставленіи: глаголь *мелю* въ прошед. имѣеть *молоть*, отглагольное имя *молоть*; въ производныхъ пишется тоже *е*: *мелкій, мельница*» [Давыдов, 1849: 249].

Нестабильность демонстрирует орфография слова «лекаръ» и производных, где вопреки церковнославянской норме в большинстве случаев находим *е*: *лекарей* 1704.22, 1709.12, *лекаръ* 1704.14, 1708.5,10,15, 1709.12, *лекарскихъ* 1709.12, *лекарей* 1710.15, *лекаръ* 1712.2,4,8; 1714.8, *лекаревъ, лекаръ* (2 раза), *лекарей* (2 раза), *лекарскихъ* 1713.6, *лекарей* (2 раза) 1713.7, *лечатъ* 1719.2, *лекарство* 1722.8, *лекарственными, лекарства* 1724.9, *лекарство* 1726.3 и др. Через *е* пишется данное слово и в Лексиконе (1704 г.) Ф. Поликарпова [Якубович, 1958: 48]. Такая орфография данного слова, возможно, связана с влиянием соответствующего полонизма [Фасмер, 1986, II: 477], тем более что «с XV в. накатывается новая волна заимствований на *-ар(ь)*... из польского, немецкого» [Демьянов, 2001: 279] (см. также: [Чурмаева, 1964]). Написания через *Ѣ* появляются в «Ведомостях» начиная с 1709 г., причем в № 12 за этот год находим оба варианта: сначала *лекаръ, лекарскихъ*, затем *лѣкарей* и снова *лекаръ*. Впоследствии они полностью вытеснят прежние: *лѣкарей* 1720.1, *лѣкарства* 1921.1, *лѣкари, лѣкарямъ, лѣкарствами* 1726.1, *лѣчился* 1728.105, *лѣкарство* 1732.100, 1830.20 Мск, *лѣкари* 1758.94 СПб, *лѣкарей* 1761.5, 64 СПб, *лѣкарства* 1761.64, 1780.72 СПб, *лѣкаря* 1765.103, 1780.72 СПб, *лѣчатся* 1769.23 СПб, *лѣкаръ* 1770.51, 1771.52 СПб, *лѣкарскіе* 1771.74 СПб, *лѣчебникъ* 1775.4 СПб, *подлѣкарю* 1775.26 СПб, *Штабъ-Лѣкаря, Штабъ-Лѣкарей* 1806.49 Мск, *лѣчебнаго, лѣчебныхъ* 1817.2 СПб и под. Исключения единичны: *лекарство* 1729.6. Причину ошибочных написаний данного слова Я.К. Грот видит в непонимании его этимологии: «Шимкевичъ справедливо замѣтилъ, что произвольная замѣна *ѣ* буквою *е* въ этомъ словѣ произошла отъ неправильнаго толкованія его: по мнѣнію однихъ (Греча) оно происходитъ отъ прилаг. *легкій* (легчить!), а по другим, оно заимствовано у Шведовъ (*läkare*). Корень этого имени встрѣчается и въ другихъ германскихъ языкахъ: гот. *lêkeis* – врачъ и т.д.» [Грот, 1876: 436–437]. Об этом же пишет А.Х. Востоков: «*Лѣчить, лѣкаръ* (пишутъ также *лечить, лекаръ*, производя от *легчить*)» [Востоков, 1835: 356]. Вероятно, именно неверное истолкование данного слова привело к тому, что Н.И. Греч едва ли не единственный из авторитетных создателей грамматик не упомянул данный корень в своем «ятевом» списке [Греч, 1835: 473].

В большинстве же грамматических сочинений глагол «лечить» и его производные включены в перечни слов, пишущихся через *Ѣ*: *Лѣчить, лѣкаръ* [Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою академіею, 1802: 22; Орнатовский, 1811: 295; Россійская грамматика, 1811: 110; Снегирев, 1815: 19; Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою академіею, 1819: 14; Россійская грамматика изданная для легчайшаго обученія юношества, 1820: 159; Востоков, 1835: 356; Будрин, 1849: 17; Буслаев, 1959: 45; Грот, 1885: 57]. С написанием через *Ѣ* кодифицируют данные слова Словарь Академии Россійской 1789–1794 гг.: **ЛѢЧУ** и все однокоренные [Словарь Академии Россійской 1789–1794, III: 1370–1372] и словарь 1847 г.: **лѣкаръ** [Словарь церковнославянскаго и русскаго языка 1847,

II: 271]. И.И. Давыдов в Академической грамматике 1849 г. объясняет это написание так: «*Лѣчь, лѣкаръ* (от *liek*, *злакъ*)» [Давыдов, 1849: 251].

Еще одно неустойчивое написание, возможно, объясняется заимствованием из польского: «**мещанин**, мн. **мещане**, уже у Головина, 1700 г. ... Из польск. *mieszczanin* «горожанин» [Фасмер, 1986, II: 616], хотя в словаре И.И. Срезневского указаны значительно более ранние случаи употребления слова «мѣщанинъ – житель места, города» в жалованной грамоте 1388 г. и других памятниках XIV–XV вв., всегда через *Ѣ* [Срезневский, 1989: 253–254]. В текстах «Ведомостей» наблюдается колебание в орфографии данного слова: *мѣщань* 1704.22, *мещанское* 1705.24, *мещанъ* 1710.15, *мещанямъ*, *мещанство* 1719.2, *мѣщанскихъ* 1719.9 (корректирный и белойой экз.), *мѣщаня* 1713.4, 5, 1719.17, *мѣщанинъ* 1713.4, *мѣщанство* 1719.34. Однако преобладает написание через *Ѣ*, очевидно поддержанное стабильной орфографией слова *мѣсто* в текстах «Ведомостей». В «Санктпетербургских ведомостях» после некоторых колебаний (*мещанскихъ* 1728.104 – *мѣщанскаго* 1730.25) устанавливается узус в соответствии с этимологией: *мѣщане*, *мѣщанами* 1734.68, *мѣщанство* 1734.97, 1748.99, *мѣщанства* 1734.97, 1746.70, 1770.26 СПб, *мѣщанской* 1761.100, 1801.13 СПб, *Мѣщанской* 1765.11, 1769.46, 1770.2, 1775.26 СПб, *мѣщанину* 1780.72, 1801.13 СПб, *мѣщанинъ* 1801.21 СПб и мн. др. «Московские ведомости» колебаний уже не отражают, здесь пишется только *ѣ*: *мѣщане* 1756.69 Мск, *Мѣщанской* 1771.40, 1796.54 Мск, *мѣщанинъ* 1796.104 Мск, *мѣщанина* 1804.20 Мск и др.

Грамматисты не включают данное слово в «ятевые» списки, что, очевидно объясняется восприятием его как производного от «мѣсто». «Мѣщанинъ (отъ *мѣсто*, польск. *miasto* = городъ)» – такое толкование дает слову Я.К. Грот в своем исследовании «Спорные вопросы...» [Грот, 1876: 439]. В Словаре Академии Российской 1789–1794 гг. и Академическом словаре 1847 г. слово **мѣщанинъ** фиксируется в соответствии с узусом, поддержанным этимологией и стабильной орфографией слова «мѣсто» [Словарь Академии Российской, 1789–1794, IV: 418; Словарь церковнославянского и русского языка, 1847, II: 342].

В слове «телега» буквы *e* и *Ѣ* могут быть поменяны местами (*тѣлеге* 1703.37, *тѣлегахъ* 1705.31, *тѣлежь* 1708.10, *тѣлежекъ* 1761.100 СПб, *тѣлеги* 1756.24 Мск): пишущий знал, что здесь есть буква *Ѣ*, но ошибся в ее местоположении. В написаниях *тележь* 1703.3, *телеги* 1722.12 можно усмотреть влияние соседнего слога с *e*. Такое написание кодифицировано Словарем Академии Российской 1789–1794 гг.: **ТЕЛЕГА** и все однокоренные слова [Словарь Академии Российской, 1789–1794, VI: 90]. Возможно, вариативность здесь объясняется, как и в двух предыдущих случаях, иноязычным происхождением слова [Грот, 1876: 455; Фасмер, 1986, IV: 37–38].

Впрочем, в текстах газет его обычно пишут правильно: *телѣжь* 1708.10, 1709.5, *телѣжь* 1712.10, 1716.8, *въ телѣжь* 1713.1, 4, *телѣжныхъ*, *телѣжь* 1713.6, *телѣги* (2 раза) 1720.2, 1761.100 СПб, 1796.54 Мск и др. Большинство грамматик включает данное слово в свои «ятевые» списки [Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою академиею, 1802: 24; Орнатовский, 1810: 297; Снегирев, 1815: 21; Россійская грамматика, 1811: 111; Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою академиею, 1819: 16; Россійская

грамматика изданная для легчайшаго обученія юношества, 1820: 161; Греч, 1834: 478; Давыдов, 1849: 252; Буслаев, 1959: 45; Грот, 1876: 131; Грот, 1885: 58], Академический словарь фиксирует написание **тельга** [Словарь церковнославянского и русского языка 1847, IV: 274].

Особую группу составляют новые заимствования с еще не установившимся правописанием: «апрель», «армия», «галера», «инженер», «канцелярия», «канцлер», «карета», «лакей», «линия», «магазин», «мушкет», «офицер», «папешский», «проект», «пистолет» и нек. др., а также первая часть сложных слов *вице-* (*вицъадмираль* 1719.37), где употреблялась **Ѣ** (*канцлѣри* 1703.6, *апрѣля* 1703.13, *мишкѣтными* 1706.2, *папѣжскими* 1706.12, *инженѣрѣвъ* 1706.22, *магизѣйны* 1708.7, *пистолѣтовѣ* 1710.2, *армѣею* 1711.14, *офицѣровѣ* 1713.6, *до корѣты* 1717.1, *по папѣжскому* 1719.2, *канцлѣра* 1719.3, *съ Галѣрами* 1719.9, *лакѣямѣ* 1719.37, *въ линѣе* 1722.12, *карѣтъ*, *въ корѣтахѣ*, *корѣты* 1724.3, *канцѣлярѣи*, *проѣкты*, *проѣктахѣ* 1725.1, *проѣктѣ* 1725.51), однако впоследствии закрепились не во всех словах. Большинство этих слов было заимствовано в предшествующем столетии с написанием через **Ѣ**, обозначавшим звук, произношение которого в то время было ближе всего к языку-источнику [Демьянов, 1987: 69–79].

В «Ведомостях» написание данных слов сильно варьируется.

Так, слово «армия» пишется сначала через *е*: *армея* 1708.9, *из' армеи* 1709.2, *при армеѣ*, *из' армеи* 1709.5, *армее* 1709.6, *съ армеею*, *армею* 1710.1, *от армеи* 1711.11, *главною армеею*, *обѣ армеи* 1711.14 (Москва), *обѣ армеи*, *къ главнои армее* 1711.14 (СПб), *от армеи*, *съ армеею* 1712.9, *армею* 1713.1, *армеи* 1713.2, *армеи* 1713.2 (последнее находим в двух набранных церковным и гражданским шрифтом номерах, по-видимому, одновременно – 17 июня 1713 г. в Москве). При перепечатке в Санкт-Петербурге московского № 14 за 1711 г. происходит замена написанного через *е* слова *армеею* на *армѣею* через **Ѣ**, однако другое написание данного слова (*обѣ армеи*) переносится в петербургский номер без изменений – *обѣ армеи*.

Однако начиная с 1713 г. наряду с прежними: *армеи* 1713.4, *въ армеяхѣ* 1715.10, *отъ армеи*, *армея* 1715.12, *отъ армеи* 1716.1 – появляются и становятся преобладающими написание через **ѣ**: *армѣя* 1713.7, *армѣею* 1715.8, *отъ Армѣи*, *армѣя*, *въ армѣю* 1715.11, *армѣею* 1715.8, *со всею армѣею* 1716.9, *отъ всея Армѣи*, *Атаманская армѣя* 1717.2, *армѣю* 1718.1, *армѣю*, *съ армѣею* 1719.7, *армѣя*, *изъ армѣи*, *армѣями* 1719.8, *къ армѣе* 1719.37, *армѣю* 1721.1, *армѣи* 1721.2, *армѣею*, *армѣю* 1724.6, *армѣи* 1724.8, *армѣя*, *армѣи* (2 раза) 1725.12 и др. Случаи варьирования уникальны: *арміею* – *изъ армѣи* 1719.5. Анализ номеров, в которых обнаружены различные варианты написаний, не позволяет сделать выводы о предпочтении *е* или **Ѣ** в церковном или гражданском, московском или петербургском наборе, однако четко прослеживается тенденция формирования узуса, предполагавшего употребление **Ѣ** в слове *армѣя*, к 20-м гг. XVIII в.

Думается, что замена *е* на **Ѣ**, а потом на *і* отражает процесс «окниживания» заимствования *армея*, «для русского языка имевшего явно выраженную разговорно-стилистическую окраску» [Демьянов, 2001: 116] (см. также: [Фасмер, 1986, I: 87]). В «Санктпетербургских ведомостях» сначала преобладает **Ѣ** (*армѣю*, *армѣи* 1729.4, *армѣя* 1729.6), затем происходит возврат к употреблению *е* (*армея* 1734.11, 97, *армеѣ*, *армеямѣ*, *армеями* 1735.2, *армеею* 1735.3,

армеѣ, армеи 1734.68, *армеи, армеѣ* 1736.3, *армеи* 1736.4, *армею* 1736.45), и только к 1746 г. формируется норма написания данного слова через *i*: *армія* 1746.70 (2 раза), 71, 102, 1758.94 СПб (4 раза), *армією* 1746.70, 1756.94 СПб, 1758.94 СПб (2 раза) 1758.2 (2 раза) Мск, *армій* 1746.70, *арміи* 1746.70 (2 раза), 1756.53, 94 СПб (5 раз), 1758.3, 94 СПб (3 раза), 1761.5, 64 СПб (3 раза), 1769.23 СПб, 1756.2, 1758.2 Мск (3 раза), *арміями, армією* 1756.69 Мск, *армію* 1756.94, 1761.64 СПб, *арміяхъ* 1780.72 СПб, *Армія* 1801.3 и мн. др.

Некоторые колебания отражаются в орфографии однокоренных образований: *армѣйскихъ* 1761.64 СПб – *армейскіе* 1765.38 СПб (2 раза), *армейскаго* 1756.52 Мск, что, вероятно, связано с влиянием узуса деловой письменности, предполагавшего употребление Ъ под ударением [Тарабасова, 1986: 42]. Однако во второй половине XVIII столетия устанавливается единообразное написание данного прилагательного через *e*: *армейскіе* 1765.38 СПб (2 раза), 1769.2 Мск, *армейскаго* 1780.72 СПб, *армейскихъ* 1834.83 Мск и мн. др. Словарь Академии Российской 1789–1794 гг. и Академический словарь 1847 г. фиксируют следующие написания слова «армия» и однокоренных: **армія, армеецъ, армейски, армейский, армейщина** [Словарь Академии Российской 1789–1794, I: 46; Словарь церковнославянского и русского языка, 1847, I: 12], в результате чего в безударном положении кодифицируется буква *i*, а под ударением – буква *e*.

Аналогичное движение прослеживается в орфографии слова «линия» [Демьянов, 2001: 79] (см. также [Фасмер, 1986, II: 498]), написания которого через *e* незначительны и вскоре исчезают, не поддержанные языками-посредниками (из лат. через польск. *linia* или нем. *Linie*): *линей* 1705.29, *въ линеею* 1705.31, *въ линѣе* 1709.5, *на лінеи* 1712.10, *лінгьями* 1713.7, *лінгѣиными* (Москва), *лінгѣиными* 1714.8 (СПб), *въ лінеи* 1715.4, *по той лінгѣи, лінгѣи* 1719.2, *лінгѣиныхъ* 1715.3, 1719.3, *лінгѣи* 1719.7, *по лінгѣи* 1719.18, *въ линѣе* 1722.12, *лінѣе* 1724.8, *линеи* 1728.105, *линѣе* 1729.5, *лингю* 1730.26, *лінгѣи* 1736.96, *лингѣиныхъ, лингѣи* 1748.3, *лингѣиные* 1751.96, 1756.7 СПб, *лингѣи, лингѣяхъ* 1751.9, 95 и др. Мотивированные же польским или немецким источником написания через *i*, изредка встречавшиеся еще в «Ведомостях» (*линѣи* 1705.27, *линѣи* 1710.13, *лінію* 1710.13, 1719.2), в 50-е гг. XVIII в. становятся единственно возможными: *линѣєю* 1756.8, 1771.52, 74 СПб, *линѣяхъ* 1756.51, 94 СПб, *линѣи* 1758.53 СПб, 1765.10 (2 раза), 103 СПб, 1769.46 СПб, 1771.52 (4 раза), 1775.26 (2 раза) СПб, 1761.103 Мск, *лінію* 1771.52 СПб и далее в каждом номере «Санктпетербургских ведомостей» и «Московских ведомостей». Исключение *линѣи* отмечено в тексте «Прибавления с описанием публичной аудиенции» 1758.53 СПб (2 раза). Однако, несмотря на стабильность узуса, в академических словарях сохраняется вариативность, причем в более раннем Словаре Академии Российской 1789–1794 гг. оба написания представлены в одной словарной статье, где основным признано написание через *i*: **ЛІ́НІ́Я**, ніи, и *Линѣя*, нѣи. с. ж. Лат.» [Словарь Академии Российской 1789–1794, III: 1212].

В словарях 1847 и 1867–1868 гг. данным написаниям посвящены две отдельные словарные статьи: **лі́нія** и **линѣя** [Словарь церковнославянского и русского языка, 1847, II: 254], последняя из которых, очевидно, является факультативной, поскольку отсылает к двум другим:

«**лине́я**, и, с. ж. 1) Тоже, что **ли́нія** в 1 значеніи. 2) Тоже, что **ЛИНЕ́ЙКА** въ 3 значеніи» [Словарь церковнославянского и русского языка 1867–1868, II: 532].

Значительно менее устойчиво правописание однокоренного прилагательного «линейный», которое, как и «армейский», очевидно, испытывает влияние нормы делового письма: *линейныхъ* 1758.94 СПб (3 раза), 1834.83 Мск, *линейные* 1770.26 СПб – *линѣйныхъ* 1761.5 СПб, *линѣйнымъ* 1761.100 СПб. Вариативность в узусе сопровождается несогласованностью рекомендаций нормализаторов. Так, Н.И. Греч предписывает писать в таких образованиях *ть*: «Въ окончаніи именъ собственныхъ (и нѣкоторыхъ нарицательныхъ) буква *и* (*i*) превращается въ *ть*, а не въ *е*; напримѣръ: ... *ли́нія*, *линѣйный*...» [Греч, 1834: 472]. Ему возражает А.Х. Востоков: «Нѣкоторые пишутъ *линѣйный* вмѣсто *линейный*; но послѣднее правильнѣе, ибо согласно съ правописаниемъ другихъ производныхъ отъ существительнаго *ли́нія*, въ коихъ *i* обращается въ *е*, как то *линейка*, *линевать*» [Востоков, 1835: 361]. Впрочем, Академические словари все равно фиксируют как единственно возможный вариант **линейный**, а также **линейка** [Словарь Академии Российской 1789–1794, III: 1213; Словарь церковнославянского и русского языка 1847, II: 254].

Важно, что в двух описанных выше случаях были кодифицированы написания через *е*, несмотря на узус деловой письменности, характеризовавшийся тенденцией постановки **Ѣ** в позиции под ударением.

Указанная тенденция ярко проявляется в орфографии слова «каре́та», заимствованного «через польск. *kareta* или нем. *Karrete* в XVII–XVIII вв. ... из ит. *carretta*» [Фасмер, 1986, II: 198]. Так, в скорописных вестях-курантах это слово очень стабильно пишется через **Ѣ**: *корѣтъ* В-КІ 35.12, *карѣти* В-КІІ 10.5, *карѣты* В-КІІ 28.172, *корѣт* В-КІІ 29.160, *корѣты* В-КІІ 32.287, *карѣт* В-КV 1.49. Исключения незначительны (*карети* В-КІІ 10.7, *кареты* В-КІІ 24.108), и, как правило, *е* чернового текста заменяется в беловом на **Ѣ**: *карете* В-КІІІ П2.472 > *корѣте* В-КІІІ 35.497, *каретою* В-КІІІ П2.473 > *корѣтою* В-КІІІ 35.498, а в одном случае **Ѣ** остается без изменения: *карѣтъ* В-КІІІ П2.472 > *корѣт* В-КІІІ 35.497. Петровские «Ведомости» наследуют данный узус: *в' карѣтъ* 1703.6, *до карѣты* 1717.1, *въ карѣтъ*, *корѣты*, *въ карѣтахъ* 1719.12, *въ карѣтъ*, *корѣты* 1719.14, 17, *въ карѣтъ* 1722.12 и др. Однако в поздних номерах появляется вариативность: *каретою* 1722.12, которая получает дальнейшее развитие в «Санкт-петербургских ведомостях», где наряду с **Ѣ** (*карѣтахъ* 1729.5, *корѣты* 1740.104, 1746.70) все большее распространение получают написания через *е*: *каретахъ* 1734.68, *карета* 1748.99, 1770.51, 1801.13 СПб, *каретъ*, *карету* 1761.5 СПб, *Каретнаго* 1761.100 СПб, *кареты* 1748.99, 1758.53, 1761.100, 1765.10 (2 раза), 1771.52, 1793.27 СПб, *каретника* 1765.10 СПб, *каретныхъ* 1804.55 СПб, *каретныя* 1758.100 Мск, *каретные* 1769.1 Мск, *каретной* 1769.51 и мн. др. Такая орфография зафиксирована и в Академических словарях: **каре́та** [Словарь Академии Российской 1789–1794, III: 446; Словарь церковнославянского и русского языка 1847, II: 163].

В конечном счете не сказывается ударение и на орфографии слова «офице́р», которое сначала пишется через *е*: *офицерскихъ* 1704.22, *офицервъ* 1704.22, 1706.24 (4 раза), 1707.27, *офицерымъ* 1706.9, *офицеры* 1706.21, 1707.25, 27, *офицервъ*, *офицеры*, *офицервъ* 1708.10,

офицерскіе 1708.7, *офицери*, *офицеровъ* 1713.4, *офицеры* 1714.1, *афицеровъ*, *офицеровъ* 1714.8, *офицеровъ* 1716.1 и др. Первоначально здесь отражается очень распространенное в русском языке «изменение *-ир* в *-ер*» [Фасмер, 1986, III: 174], затем же начинает действовать тенденция, отмеченная Гротом: «...*e* пишется тогда, когда эта буква находится уже и въ подлинномъ иностранномъ имени... а *ѣ* когда въ подлинномъ имени *i* или *ai*» [Грот, 1885: 60]. В соответствии с немецким, французским или даже латинским источником [Фасмер, 1986, III: 174] после недолгого периода вариативности (*офицеровъ*, *офицерскихъ* – *офицѣровъ* 1713.6; *оборъ* и *ундеръ офицеровъ* (2 раза), *оборъ офицеровъ*, *ундеръ офицеровъ* – *ундеръ офицѣровъ* (3 раза), *оборъ офицѣровъ* (2 раза) 1719.1) устанавливается написание через *Ѣ*: *офицѣрами* 1719.9 (корректорный и белой экз.), *офицѣры* 1719.11,17,18 *офицѣрами* 1719.15, *офицѣра* 1719.17, *офицѣрскои* 1720.8, *офицѣръ* 1726.1, *офицѣровъ* (2 раза), *офицѣръ*, *офицѣры* (2 раза), *офицѣрамъ*, *офицѣрамъ*, *офицѣра* 1728.105, *офицѣръ* 1729.4, *офицѣровъ* (3 раза) 1729.6, *офицѣрскимъ* 1729.39, *офицѣрамъ* 1730.24, *офицѣры* 1730.34, *офицѣрами*, *офицѣры*, *офицѣровъ* (2 раза) 1730.92, *Офицѣрами* 1732.10, *Офицѣры*, *Офицѣрамъ* 1732.11 и под. Однако уже в конце 20-х гг. XVIII в. вновь возникает вариативность, которая вскоре окончательно разрешается в пользу *e*: *офицеру* 1728.104, *Офицеровъ*, *Офицеры* 1735.2, *Офицеры* 1735.3, *Офицеры*, *Офицерами*, *Офицеръ* (2 раза), *Офицеровъ* 1732.60, *Офицерами* (2 раза), *Офицерамъ* 1732.99, *Офицеровъ* 1732.100, 1734.12, *Офицера* 1734.97, *Офицеровъ* (2 раза), *Офицерами* 1736.96, *Офицерскія* 1740.2, *Офицерами* 1740.51, *Офицерами* 1746.70, *Офицеры* 1746.70, 1758.2 (2 раза), 1780.75 Мск, *Штабъ-офицерами* 1751.96, *Офицеровъ* 1748.100 (2 раза), 1748.3., 1756.52 СПб, 1758.94 СПб, 1761.5, 63, 1801.3 (3 раза) СПб, 1756.24, 1758.2 Мск, *Офицеръ* 1748.3, 1758.94 (4 раза), 1765.39, 1801.3 СПб, 1756.24 Мск (2 раза), *Офицерамъ* 1756.69, 1758.52 Мск, *Офицеръ* 1761.100 СПб, *оберъ-офицерскіе* 1769.23 СПб, *офицерскаго* 1771.102 СПб, *унтеръ-офицеръ* 1799.20 (2 раза) СПб, *офицеры* 1761.102 Мск, 1769.23 СПб, *Обер-Офицерскія* (3 раза), *Оберъ и Унтеръ Офицерскія* 1765.97 Мск и мн. др. Исключения единичны: *офицѣрамъ*, *Офицѣръ* 1740.104. Норма, сложившаяся в узусе, закрепляется через полстолетия в Словаре Академии Российской 1789–1794 гг. и сохраняется в словаре 1847 г.: **офицеръ** [Словарь Академии Российской 1789–1794, IV: 669; Словарь церковнославянского и русского языка 1847, III: 144].

Подобным образом развивается правописание слова «инженер», в котором сначала находим *Ѣ*: *инженѣра* 1704.22, *инженѣрѣвъ* 1706.22, *инженѣры* 1719.8, *Инженѣру* 1719.14, *инженѣрами* 1719.15, *инженѣры* 1728.6, *Инженѣры* 1732.99 и др. Однако к середине XVIII в. формируется очень устойчивая норма правописания данного слова через *e* (*Инженеровъ* 1758.94 СПб, *инженернаго* 1771.52 СПб, *Инженерномъ* 1780.72 СПб, *Инженеръ-Порутчики*, *Инженеръ Кондукторы*, *Инженерной* 1799.20 СПб, *инженеровъ* 1801.3 СПб, *Инженеръ-Генералы* 1801.21 СПб, *Инженеръ-Полковниковъ* 1758.52 Мск, *Инженернаго* 1758.52 Мск и др.), которая впоследствии фиксируется Академическим словарем: **инженеръ** [Словарь Академии Российской 1789–1794, III: 305; Словарь церковнославянского и русского языка 1847, II: 132].

Первоначально буква *Ѣ* может употребляться также в некоторых других заимствованиях: «канцлер» (*канцлѣри* 1703.6, *канцлѣръ* 1715.11, *канцлѣра* 1719.3), «лакей» (*лакѣевъ*

1719.2, *лакъямь* 1719.37, *лакъями* 1729.5), «папезский» (*папъжскими* 1706.12, по *папъжскому* 1719.2, *Папъжскія* 1736.45), «пистолет» (*пистолѣтовъ* 1710.2 *пистоѣтовъ* 1710.5, *пистолѣтныхъ* 1710.19), «проект» и однокоренные (*проѣктовалныхъ* 1719.11, *проѣктованной* 1719.21, *съ проѣктомъ* 1719.32, *проѣкты*, *проѣктахъ* 1725.1). Однако ни в одном из перечисленных слов буква Ъ узусом не закрепляется, независимо от ударения, и впоследствии словари кодифицируют их написание через *e*: **канцлерь** [Словарь Академии Российской 1789–1794, III: 430; Словарь церковнославянского и русского языка, 1847, II: 160], **лакей** [Словарь церковнославянского и русского языка, 1847, II: 243], **папезство**, **папезь** [Словарь церковнославянского и русского языка 1847, III: 158], **пистолеть** [Словарь Академии Российской 1789–1794, IV: 819; Словарь церковнославянского и русского языка, 1847, III: 220], **проектъ** [Словарь церковнославянского и русского языка 1847, III: 527].

В таких заимствованиях, как «галера» и «мушкет», влияние скорописного узуса еще менее заметно, чем в описанных выше.

Очень устойчива орфография слова «галера» (исключение единично – *галъры* 1705.4). Интересно, что в противовес стабильно употребляющемуся в печатных номерах написанию через *e* (*галеры* 1706.12, *галерь* 1711.4, *галерь*, *галеру*, *галеры* 1719.11, *галеры* 1719.15, 1724.9 и мн. др.) вариант с Ъ появляется в № 9 за 1719 г., представленном в двух экземплярах – белом и корректурном, где сначала *e* исправляется на Ъ: *Галерною* (корр.) > *съ Галърами*, но потом происходит обратная замена: *галъры* (корр.) > *Галерами*. Кроме того, в обоих экземплярах обнаружены написания через *e*, не подвергшиеся исправлению: *съ галерами* (2 раза), *отъ галерь*, *изъ* (корр.) > *съ галерь*. Возможно, эта небольшая вариативность в орфографии данного слова связана с началом деятельности Бориса Волкова [Берков, 1952: 49], впоследствии усвоившего его правописание через *e*, рекомендованное, в частности, Лексиконом (1704 г.) Ф. Поликарпова [Якубович, 1958: 42–43] и первым словарем иностранных слов Петровской эпохи «Лексиконъ вокабуламъ новымъ по алфавиту» [Лексиконъ вокабуламъ новымъ по алфавиту 1948: 52]. Такое написание прочно закрепляется в «Санктпетербургских ведомостях» (исключения единичны: *галъры* 1736.45): *галерь*, *галеру*, *галера*, *галеры*, *галерь* 1728.105, *галерами* 1729.6, *галерахъ* 1732.10, *галеры* 1732.60, *галерныхъ* 1734.67, *Галерной* 1740.104, 1761.99, *галеры* 1746.70, 1758.3 СПб, *галернаго* 1748.99, *галерныхъ* 1751.10, *галерной* 1756.6 СПб, *Галернаго* 1756.52, 1765.11, 1769.46 (3 раза) СПб, *галера* 1758.3 СПб, *галерномъ* 1780.72, *Галерномъ* 1751.10, 1801.13 (3 раза) СПб, а столетие спустя кодифицируется Академическими словарями: **галера** [Словарь Академии Российской 1789–1794, II: 17; Словарь церковнославянского и русского языка 1847, I: 254].

Единичное отступление от принятого в «Ведомостях» написания с *e* слова «мушкет» отмечено в №2 за 1706 г. (*мишкѣтными*), в основном же корпусе текстов пишут: *мишкетнвъ*, *мишкетныхъ* (2 раза) 1705.35, *мушкетовъ*, *мушкетныхъ*, *мушкетной*, *мушкетного* 1710.15, *мишкетныхъ* (2 раза), *мишкеты*, *мишкетногъ*, *мишкетного* 1710.19, *мушкетовъ*, *мушкетными* 1713.6, *мушкетерскаго* 1799.20 (2 раза), 1801.3 (3 раза). 1801.21 (4 раза) СПб, *Мушкетерскаго*, *мушкетерской* 1801.3, 33 СПб, 1799.75 Мск и др. Данный вариант впоследствии фик-

сируется словарями: **мушкетъ** [Словарь Академии Российской 1789–1794, IV: 346; Словарь церковнославянского и русского языка 1847, II: 334].

Не сохраняется в узусе и появляющееся sporadически в ведомостях написание *вицъадмираль* 1719.37. Сначала орфография данного слова крайне неустойчива, причем *e* варьируется не только с *Ѣ*, но и с *ь*: *вице адмираль* 1704.12, 1703.4, *вицъ адмираль* 1713.7, *вице адміраль* (3 раза) 1714.1, 1714.8. Однако уже в начале 20-х гг. XVIII столетия окончательно устанавливается написание через *e*: *Вице-Король* 1736.45, *Вице-Адмираломъ* 1756.53 СПб, *Вице-Канцлера* (2 раза), *Вице-Канцлеръ* 1758.53 СПб, *Вице Адмирала* 1729.6, 1769.2 СПб, *Вице-Канцлера* 1771.74 СПб, *Вице Адмираль* 1780.72 СПб, *Вице-Адмиралы* 1756.69, 1793.17 Мск и др. Академический словарь 1847 г. фиксирует сложившуюся в узусе норму орфографии первой части сложных слов *вице-*: **вице-канцлеръ, вице-адмираль, вице-директоръ, вице-король** [Словарь церковнославянского и русского языка 1847, I: 129].

Не получают распространения и написания через *Ѣ* некоторых иноязычных топонимов. Редкие случаи типа *барцълоны* 1705.37, *при барцълонъ* 1706.7 быстро исчезают, остается только *e*: *барцелона* 1705.42, 1706.9, *к' барцелонъ* 1706.5, *барцелону* 1710.13, *при барцелонъ* 1711.2, *барцеллоны* 1732.101 и др. В написаниях *вънецыи* 1708.2, *изъ вънецыи* 1710.2 можно усмотреть влияние топонима «Вѣна» или слова «вѣнецъ», однако распространения они не получили, пишут: *венеціане* 1703.6, *венецыянской* 1705.1, *из' венецыи, венецыанскую* 1707.2, *из' венецыи* 1710.1, *Венециі* 1728.104, 1729.40, *Венецию, Венеціанскіи* 1729.5, *Венеціанскіи* 1729.40, *Венеціанскои* 1734.97, 1770.51 СПб и под.

Исследованный материал показал, что в большинстве заимствований не пишут *Ѣ*, причем узус устанавливает это положение значительно раньше академических словарей. Однако отдельные иноязычия все же закрепляются в правописании через *Ѣ*.

Предельно устойчива орфография давнего заимствования из древнешведского «свѣйскій» [Демьянов, 2001: 373; Фасмер, 1986, III: 571]: *свѣйскій, свѣйскагъ* 1703.6, *свѣйскій* (6 раз) 1704.29, *свѣйскій* 1705.1 и мн. др. (исключения уникальны: *свейскую* 1703.6). В ранних номерах прилагательное «свѣйскій» употребляется наряду с существительным «шведы», например, в № 29 за 1704 г. находим 6 раз *свѣйскій* и 8 раз *шведы*. Заметим, что полонизм «шведы» [Демьянов, 2001: 373] и образованное от него «шведский» пишется только через *e* [Горланова, 1952: 188]. Начиная с 1705 г. прилагательное «свѣйскій» начинает постепенно вытесняться словом «шведский», которое в гражданских номерах уже значительно преобладает. Анализ реляций Петра I свидетельствует о предпочтении им прилагательного «шведский»: на 5 словоупотреблений первого (*швецкіе* 1703.6, *шведскихъ, швецкую* 1704.22, *швецкій, швецкой* 1705.1) приходится лишь одно *свѣйскій* 1705.1. В поздних номерах «Ведомостей» и «Санктпетербургских ведомостей» прилагательное «свѣйскій» уже не употребляется, Академическими словарями не фиксируется.

Исследователи по-разному относятся к написанию заимствований через *Ѣ*. Одни однозначно определяют такие случаи как немотивированные и даже ошибочные, независимо от их широкого распространения: «Не пишется *ѣ* въ иноязычных реченіяхъ, вошедшихъ в русскій

языкъ: потому безъ основания пишутъ ѣ а) въ нарицательныхъ именахъ – апрѣль, грамотѣй, и въ тѣхъ, которыя поставлены между коренными въ скобкахъ; б) въ собственныхъ именахъ, перешедшихъ изъ греческаго языка съ буквою *i*: Алексій – Алексѣй, Матѣй – Матвѣй...» [Будрин, 1849: 19] Менее категоричен Ф.И. Буслаев: «В некоторых собственных именах, заимствованных из чужих языков, принято писать ѣ только потому, что в этих именах иностранное *i* выговариваем как *e*; напр. *апрѣль* вм. *априль*, *Алексѣй* вм. *Алексій*, *Сергѣй* вм. *Сергій*... и др; но *Андрей*, *Тимофей* и др. употребляются с буквой *e*. С бѣльшимъ основанием ставится ѣ в тех собственных именах, в которых эта буква соответствует греческому доегласному звуку *ai*; напр., *Матѣй* или *Матвѣй*, *Елисѣй*» [Буслаев, 1959: 47]. И, наконец, очень уверенно объясняет такие написания Я.К. Грот: «Относительно именъ нарицательныхъ и собственныхъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ, есть правило, что иностранное *e* въ такихъ словахъ и у насъ не измѣняется, а *i* или *ai* обращается въ Ъ; поэтому пишутъ, с одной стороны: *Тимофей*, *Андрей*; съ другой: *Апрѣль*, *Алексѣй*, *Сергѣй*, *Еремѣй*, *Матвѣй*, *Елисѣй*... Переходъ *i* въ Ъ въ подобныхъ случаяхъ основывается повидимому на томъ, что въ малорусскомъ языкѣ является *i* там, гдѣ у Великоруссовъ пишется Ъ» [Грот, 1876: 311].

Едва ли не единственным иноязычным именем нарицательным, где закрепляется Ъ, является слово «апрѣль», которое Я.К. Гротъ объясняет латинским «*aprilis*» [Грот, 1885: 60], а Фасмер, комментируя происхождение данного слова, отсылает к лекциям Соболевскаго относительно судьбы *e* перед *l* [Фасмер, 1986, I: 82]. В «Ведомостяхъ» помимо очень распространеннаго написанія *апрѣля* (1703.13, 1704.14, 1705.13,15, 1706.4,5, 1707.14 и мн. др.) в 1705 г. появляется вариант *априлліа* (5 раз в 1705.14, 7 раз в 1705.15, 6 раз в 1705.16) или *Априлліа* 1705.15, очевидно, под влияніем Лексикона (1704 г.) Ф. Поликарпова, где представлено именно такое написаніе: *Априлліій* [Якубович, 1958: 33]. Однако после № 16 за 1705 г. оно полностью исчезает, и в более поздних номерах «Ведомостей» церковной и гражданской печати, а также позднее в «Санктпетербургскихъ ведомостяхъ» и «Московскихъ ведомостяхъ» употребляется только *апрѣль*. Именно такое написаніе, сложившееся в узусе почти столетіе назад, фиксируют Академические словари: **апрѣль** [Словарь Академіи Россійской 1789–1794, I: 42; Словарь церковнославянскаго и русскаго языка 1847, I: 11].

Большинство пишущихся через Ъ заимствований – имена собственные, такие как «Вѣна», «Алексѣй», «Сергѣй», написаніе которых, впрочем, объясняет Я.К. Гротъ: «...*e* пишется тогда, когда эта буква находится уже и въ подлинномъ иностранномъ имени... а ѣ когда въ подлинномъ имени *i* или *ai*» [Грот, 1885: 60]. Топоним «Вѣна», объясняемый Гротомъ через «*Viden* чеш.» [Грот, 1876: 426], встречается неоднократно в каждом номере и пишется стабильно через Ъ, отмечены лишь единичные отклоненія в «Ведомостяхъ» (*изъ вѣны* 1710.1, *въ Вену* 1719.36), а в «Санктпетербургскихъ ведомостяхъ» и «Московскихъ ведомостяхъ» вариативность отсутствует: *Изъ Вѣны* 1728.104, 105, *въ Вѣну* 1728.105, 1729.40, 1734.11 и др.

С самого начала очень устойчива орфография именъ собственныхъ «Алексѣй», «Елисѣй», «Макѣй», «Матвѣй», «Моисѣй», «Сергѣй» и образований отъ них: *Алекіевны* 1728.104, 105, *Алекѣи* (2 раза), *Алекѣю*, *Сергѣю* 1730.34, *Алекѣй*, *Алекѣя* 1751.9, 10, *Сергѣю* 1770.2 СПб,

Алектья 1770.26 (2 раза), 1771.52 СПб, *Алектьева* 1771.74 СПб, *Алектьи* 1771.74 СПб, *Сергъева* 1775.4 СПб, *Акекстыя Матвъева*, *Акекстыя Макъева*, *Макъевы* 1780.72 СПб, *Моистъева* 1801.13 СПб, *Алекстыи* 1756.2 Мск, *Сергъи* 1756.2 Мск, *Сергъя* 1758.2 Мск, *Алексъевскомъ* 1758.52 Мск, *Матвъи* 1771.74 СПб, 1756.2 (2 раза), 1758.52 Мск, *Елисъевъ* 1756.2 Мск, *Матвъевича* 1769.2 Мск, *Матвъева* 1769.27 (2 раза) Мск, *Матвъевой* 1770.56 Мск, *Матвъя Алексъевича* 1771.40 Мск, *Алексъевкъ*, *Алексъева* 1780.38 Мск и др. Этот факт тем более показателен, что первые попытки кодификации данных наименований относятся к 30-м гг. XIX в., когда А.Х. Востоков без объяснений констатировал факт употребления Ъ, которая здесь «замѣнила» букву *и* или *і* [Востоков, 1835: 361] (см. также: [Греч, 1834: 472]).

Итак, представленный выше обзор употребления Ъ в корнях слов показал существование очень устойчивого узуса, регулирующего их орфографию с самого первого выпуска газеты, за исключением некоторых лексем, в основном иноязычного происхождения, правописание которых упорядочивается к середине XVIII столетия, задолго до появления так называемых «ятевых» списков в грамматиках.

4. Грамматические сочинения XIX в. о правописании буквы Ъ

Грамматические сочинения, призванные регламентировать правописание Ъ, зачастую противоречат друг другу, что никак не отражается на орфографии печатных текстов ведомостей, и выявленный в них узус оказывается более последовательным, чем рекомендации нормализаторов. Для доказательства данного положения проведем сопоставительный анализ сводов правил употребления Ъ, содержащихся в основных грамматических сочинениях XIX столетия.

Издания «Россійской грамматики, сочиненной Императорскою Россійскою академіею» 1802 и 1819 гг. рассматривают проблему Ъ значительно подробнее, чем грамматические сочинения XVIII в. Звук, обозначаемый этой буквой (а также «ю» и «я»), в этой грамматике называется «острозвучным», или «тонким». Начертание самой же буквы Ъ показывает, по мнению авторов, что она состоит из *i*-десятеричного и буквы *e*. Вторая глава содержит рассуждение о произношении «ять», подобное формулировкам грамматик XVIII в.: «Буква Ъ въ началѣ словъ по большей части въ произношеніи соответствуетъ письмени *e* послѣ же буквъ согласныхъ выговаривается тонѣ онаго, на примѣръ: “въра”, “мѣра”, “нѣжность”, “пѣніе” и пр.» [Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою академіею 1802: 8].

Употребление буквы Ъ описывается в десяти пунктах правил, девять из которых – это случаи, определяемые морфологическими характеристиками (в падежных окончаниях существительных, в различных разрядах местоимений, числительном «обѣ», в прилагательных, наречиях, глаголах), а последний, десятый пункт – это список слов, написание Ъ в корнях которых невозможно объяснить какими-либо правилами, – первый «ятевый» список.

В седьмом пункте говорится, что Ъ пишется в глаголах, оканчивающихся на *-тъю*, удерживающих эту букву не только во всех «временныхъ наклоненияхъ», но и в произведенных от них словах, как то: «сѣю», «сѣяль», «сѣять» и пр. При этом список в десятом пункте среди

прочих включает то же самое слово «сѣять», что говорит о невозможности какими-либо средствами объяснить его написание. Это противоречит правилу, приведенному в седьмом пункте, где делается неудачная попытка объяснить употребление Ъ в данном слове.

Список слов с Ъ в этой грамматике состоит из двухсот сорока трех словарных статей. В целом можно сказать, что и правила, и список слов отличаются нелогичностью. Список слов неудобен, потому что словарные статьи не унифицированы: глаголы представлены в разных формах (одни в форме 1 л. ед. ч. настоящего времени – «бѣшуся», «бѣгу», «вѣшу», «заматорѣваю»; другие в неопределенной форме – «затѣвать», «вождедѣти», «вѣять», «мѣрять»); однокоренные, но разные по значению слова, начинающиеся с разных букв, стоят через запятую; много неупотребительной лексики (например: «возгнѣщать», «дѣжу», «годѣ» ‘угодно’, «дѣля» «нѣкаться», «плѣжу», «срѣтать») [Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою академіею 1802: 20–24].

Третье издание грамматики (1819 г.) отличается от рассмотренного выше незначительно: правила не изменились, только каждый разряд местоимений в них рассмотрен отдельно. Таким образом, правил стало не десять, а тринадцать, однако содержание осталось прежним. Сопоставление изданий выявило ряд исправлений, которые были внесены в «ятевый» список 1819 г. [Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою академіею 1819: 13–16] по сравнению с первым изданием:

1. Список дополнен тринадцатью новыми словарными статьями: «апрѣль», «болѣзнь», «бѣльмо», «вѣрь», «вѣтвь», «лѣсница», «невѣстка», «нѣкій», «обѣтъ, обѣщаю», «рѣченіе», «сѣкира», «сѣни».

2. В новом издании слово «заматорѣваю» заменено более понятным «матерѣю».

3. Ошибочное написание «свирель» (1802) исправлено на «свирѣль» (1819).

Вместе с тем в новом издании появились недостатки, которых не было ранее.

1. Были исключены из списка (или забыты?) такие лексемы, как «медвѣдь», «одолѣвать», «рѣшать», «сѣдый».

2. В список вкралась грубая ошибка – лексема «вѣдро» здесь написана через *e*:

Вѣдаю, вѣмъ и проч.

Вѣди, название буквы.

Ведро.

Вѣрь.

Вѣжди, рѣсницы...

Данная опечатка, на наш взгляд, неслучайна, ведь в ведомостях на протяжении двух столетий слово «ведро» пишется только через *e*, что свидетельствует о большой устойчивости данного узуса.

Значительное влияние академической грамматики испытала работа Н.Ф. Кошанского «Начальные правила русской грамматики», выпущенная в 1809 г. и адресованная воспитанникам университетского благородного пансиона. В данном издании правописание буквы «ять» помещено в раздел «Правила для букв и слогов» и включает девять пунктов. В этой работе

материал изложен очень кратко, автор не пускается в рассуждения о происхождении и произношении «ять», а также не приводит списка словарных статей, необходимых для запоминания, вслед за Ломоносовым мотивируя это тем, что «правильному употребленію буквы Ъ должно болѣе учиться из чтенія исправно написанныхъ книгъ» [Кошанский, 1809: 81]. Приводимые правила употребления буквы Ъ, по сути, полностью идентичны правилам, изложенным в грамматиках Императорской Академии наук. Стоит отметить, что местоимение «весь» здесь названо именем прилагательным, как и в академических грамматиках, и к иллюстрации его правописания приведен любопытный пример, как будто символизирующий мучения с правописанием Ъ: «всѣмъ сердцемъ и со всѣмъ умомъ не угодишь всѣмъ людямъ» [Кошанский, 1809: 80].

В отличие от предшествующих сочинений, очень кратко и неполно представлены правила употребления Ъ в работе И. Орнатовского «Новейшіе начертанія правилъ российской грамматики» 1810 г. Они не систематизированы, перечислены вразнобой, их трудно даже не запомнить, а прочесть с пониманием. Кроме всего прочего, ни в правиле о числительных «одинъ» и «два», ни в списке слов не упоминается лексема «обѣ». «Краткій списокъ всѣмъ первообразнымъ словам, имѣющимъ въ срединѣ букву ѣ» [Орнатовский, 1810: 294] состоит из двухсот двенадцати слов. В сравнении со списком слов из грамматики Императорской Академии наук здесь обнаруживаются новые лексемы:

1) активная лексика: «брѣю», «бесѣда», «вѣтла», «дѣверь», «дѣйствую», «клѣвъ», «лѣлѣю», «мнѣніе», «мѣта», «мѣшкать», «сѣра», «сѣрый»;

2) производные от других слов, например: («бѣлый») > «бѣлена», «бѣлка», «бѣлокъ», «бѣлуга», «бѣлокопытникъ», «бѣльцы», «бѣлякъ», «бѣлянка»; («вѣдаю») < «вѣдма», «вѣсть», «совѣсть», «повѣдаю», «заповѣдь»; («лѣлѣю») < «лѣпота»; «вѣленіе», «вѣртеніе», «висѣлица», «зрѣніе», «чародѣй», «сыроѣжка», «уѣздъ»;

3) слова устарелые, ограниченной или диалектной сферы употребления: «брѣдоква», «висѣлка», «вѣжда», «плѣжна», «оцѣпъ», «трупорѣхованный», «тимѣніе».

К недостаткам списка можно отнести то, что в нем отсутствуют такие частотные лексемы, как «вѣтвь», «вѣко», «гдѣ», «горѣ», «лѣнь», «лѣто», «лѣпить», «мѣлькать», «хѣръ», зато есть совсем неупотребительные слова, такие как «трупорѣхованный» и «плѣжна», а также часть наречий, уже описанных отдельным пунктом правил. Здесь два раза напечатано слово «вѣно» (возможно, это опечатка вместо «вѣко»), а также некорректно приведена начальная форма «вѣка» вместо «вѣкъ». Несмотря на указанные недостатки, несомненным плюсом этой грамматики является исключение многих слов старославянской архаической лексики (напр.: «возгнѣщаю», «врѣю», «вѣія», «дѣжу» и под.) и введение новых общеупотребительных слов.

Без сомнения, знакомы с содержанием Академической грамматики также авторы «Российской грамматики» 1811 г., имеющей подзаголовок «Издана от Главного управления училищ для преподаванія в нижнихъ учебныхъ заведеніяхъ». Правила этой грамматики почти полностью повторяют известные пункты, но включают еще один: «Глаголы в неокончательномъ наклоненіи предъ “-ть” требующіе звука буквы е, пишутся черезъ “ѣ”, а не черезъ “е”, напр: “велѣтъ”, “видѣтъ”, “кипѣтъ” и проч. кроме “мереть”, “переть”, “тереть” [Россійская грамматика 1811: 58

108]. Это правило сформулировано некорректно: действительно, приведенные примеры пишутся через букву Ъ в заявленной позиции, однако было бы ошибкой применять данное правило абсолютно ко всем подобным словам, т. е. к глаголам, относящимся к первому спряжению. Два пункта правил этой грамматики, устанавливающие правописание наречий, отражают один и тот же факт, только снабжены разными примерами, поэтому пункты восьмой и одиннадцатый можно было бы объединить.

Количество словарных статей насчитывает сто семьдесят пять единиц. В список входят слова, которые очищены от комментариев, понятны, а значит, составляют основной костяк общеупотребительных слов. Архаизмы исключены, «словопроизводство» не показано. В конце списка даны два примечания, первое из которых утверждает, что ни в начале, ни в середине слов после *г, ж, к, ф, х, ч, ш, щ* буква Ъ не пишется [Российская грамматика 1811: 111]. Этот тезис перекликается с уже рассмотренной работой Василия Светова 1773 г. [Светов, 1773: 7]. Примечание же второе, в котором упоминаются *ы* и *э*, буквы Ъ вообще не касается, и почему оно приведено в этом месте, непонятно.

Принципиально отличаются от других орфографических описаний правила в книге М. Снегирева «Российское правописание с примечаниями из лучших сочинителей», изданной в Москве в 1815 г. Свод разделен на пять глав, каждая из которых посвящена нескольким правилам употребления Ъ в именах, в местоимениях, глаголах, наречиях, причастиях и деепричастиях соответственно. Здесь впервые сформулировано правило правописания имен собственных: «собственные имена происходящія отъ славянскихъ кончащихся на *-ий*, пишутся черезъ Ъ» [Снегирев, 1815: 14]. Отдельным пунктом кодифицируется орфография слов «звѣзда», «сѣдло», «гнѣздо», к нему делается примечание о написании буквы «е» в тех падежных словоформах этих лексем, где слышится звук [о]. Правописание числительных впервые дополняется и уточняется: правило, приводимое в грамматике, распространяется и на сложные числительные типа «двѣнадцать». Правописание имени прилагательного «весь» также уточняется: в сложных словах с этим прилагательным (например, «всемирный» и др.) Ъ никогда не пишется. Также впервые сформулировано правило, в соответствии с которым производные и сложные слова от тех, что даны в списке, также сохраняют Ъ (например, «злѣдѣніе», «рукодѣліе»).

Список слов, пишущихся через Ъ, в этой грамматике состоит из двухсот пятидесяти пяти лексем, причем «славянские неупотребительные» выделены в особую рубрику: «врѣю», «киплю»; «лѣть», «пристойно»; «рѣю», «толкаю»; «твердѣль», «башня»; «тимѣніе», «тина», «грязь». Теперь данные слова маркированы как устаревшие и не включены в основной состав «ятевого» словаря. Список слов с буквой Ъ похож на перечень из «Российской грамматики» 1811 г., которая была рассмотрена выше. Кроме того, добавлены некоторые топонимы и гидронимы («Вѣна», «Индѣйскій», «Днѣпръ», «Днѣстръ», «Нѣва»), лексемы «говѣніе», «имѣніе», «намѣкать», «пѣна», «повѣсть», «свербѣть», «сѣрмяга». Но и этот список все же нельзя назвать образцовым: в словарных статьях на букву «Б» значится слово «бѣшуся», а затем через две лексемы приведен вариант той же словоформа – «бѣшусь». А в слове «сѣкира» была сделана опечатка – его набрали с буквой *е* вместо Ъ:

Сыроѣга.

Стѣдло.

Секира.

Стѣмя.

Стѣни [Снегирев, 1815: 21].

Значительно лаконичнее изложены правила о правописании Ъ в грамматике 1834 г. В.С. Княжева. Букве Ъ посвящено в ней только двенадцать пунктов, ничего не сказано о произношении, не приведен список слов. Первое правило лингвистически неполно: «Буква Ъ пишется въ тѣхъ вообще складахъ первообразныхъ словъ, которыхъ нельзя выговорить какъ ю, и надъ которыми есть удареніе» [Княжев, 1834: 80]. Несмотря на то что автор попытался привлечь сведения из истории языка, ему следовало бы корректнее их использовать, ведь далеко не все слова, подпадающие под это правило, пишутся с буквой Ъ. В одном из пунктов правил неточно названы просто «словами» (без уточнения части речи) местоимения «въсь», «тотъ», «этотъ», а также в одном ряду с «тѣмъ, всѣмъ, о тѣхъ, тѣми, всѣхъ» приведена странная форма «этѣми» [Княжев, 1834: 81]. В грамматике допущено множество других неточностей: неполон список слов-исключений из правил, неудачно приведены примеры (например: буква «ять» пишется «въ предложномъ падежѣ единственнаго числа именъ, склоняющихся по второму склоненію, кромѣ кончащихся на іе; на пр. о столѣ, въ домѣ, при господинѣ, о смиреніи и проч.» [Княжев 1834: 80]). Два из двенадцати правил регулируют употребление буквы «ять» в именах собственных, только в одном случае в примерах приводятся топонимы (пункт 2), а другом – личные имена (пункт 12).

В «Практической русской грамматике» 1834 г. Н.И. Греча глава, посвященная букве Ъ, состоит из «частных» и «общих» правил употребления. Первая часть включает шесть пунктов, содержащих сведения о произношении и основных закономерностях употребления Ъ. Удачно сформулированы здесь правила правописания заимствованных слов, чередующихся корней, а также впервые высказана мысль о том, что «ять» не бывает соединительной гласной в сложных словах типа «путеводитель»). Частные правила правописания Ъ включают всего три пункта, каждый из которых делится на множество мелких подпунктов, где прописаны основные морфологические позиции употребления Ъ, хотя и не совсем четко.

«Ятевый» список Греча состоит из ста тридцати пяти словоформ:

змѣй

зѣвъ

зѣл-о

зѣн-ица

лѣть

ко-лѣ-но

крѣп-кій» [Греч, 1834: 473].

Слова специально разделены Гречем на слоги и морфемы, чтобы легче было определять однокоренные слова, также пишущиеся с Ъ. Ведь установив в общих правилах единообразную

передачу однокоренных слов, автор предельно сократил за их счет «ятевый» список, которому предпослана формулировка: «Буква *ѣ* находится въ *главномъ корнѣ* слѣдующихъ словъ» [Греч, 1834: 473]. Далее следуют правила правописания «придаточныхъ корней».

Новым шагом в нормализации орфографии «ять» можно считать работу А.Х. Востокова «Русская грамматика» 1835 г. В главе «О правописании» Востоков уделяет внимание равнозвучным буквам «разнаго начертанія», а именно: *е – ѣ – э*, *и – і – ѵ*, *ѵ – в*, *ѣ – ѱ* [Востоков, 1835: 354]. Автор грамматики приводит правила правописания букв, но не вносит никаких предложений по усовершенствованию русской орфографии. Говоря об употреблении буквы *ѣ*, Востоков отмечает, что она обозначает тот же звук, что и *е*, а затем приводит также тринадцать пунктов правил ее правописания. Нумерация пунктов правил скорее условная, лишена систематичности. Некоторые правила, стоящие в разных пунктах, перекликаются, много внимания уделено отдельным глаголам и группам глаголов. Кроме того, в исследуемом издании есть некоторые опечатки в нумерации.

«Ятевый» список Востокова включает двести десять словарных статей. Новаторство Востокова проявилось в том, что слова он организовал не по начальной букве, а по той, после которой следует «ять», в соответствии с правилом: «Въ серединѣ же коренныхъ слоговъ буква *ѣ* имеетъ мѣсто послѣ согласныхъ *в, б, л, м, н, ѣ, д, т, з, ц...*» [Востоков, 1835: 355]. Достоинства такого нововведения состоят в значительном упрощении поиска слов (потому, что ищутся не слова, а корневые морфемы) и значительном уменьшении количества словарных статей (за счет того, что исключаются образования с префиксами, что предполагало бы дополнительные единицы словаря). Единственным недостатком нового типа «ятевого» списка является то, что пользователю нужно уметь точно определять корень слова, различать омонимы и, самое главное, находить его в подвергшихся диахроническому опрощению словах, таких как «бѣлье» или «примѣрь».

Среди новых слов, включенных в список, по сравнению с другими грамматиками можно отметить «имена собственные» («Днѣпръ» и «Днѣстръ», «Печенѣгъ»), а также название буквы «зело» («Зѣло»), в остальном же словарный состав почти тот же, что и в предыдущих грамматиках.

Некоторые словарные статьи сопровождаются информацией о существовании альтернативных написаний в узусе, что может ввести в заблуждение читателя:

Мѣлкій (пишутъ также *мелкій*)

Лѣчить, лѣкаръ (пишутъ также *лечить, лекаръ*, производя отъ *легчить*) [Востоков 1835: 356].

Другие словарные статьи содержат важные сведения о чередовании в корнях:

Дѣвать, дѣну, дѣть, одѣвать, одѣну (но *одежда* имѣеть *е*)

Дѣять, дѣло, дѣлать, надѣяться (но *надежда* имѣеть *е*)

Рѣчь, нарѣчіе (но *реку, реченіе* имѣють *е*) [Востоков, 1835: 356].

Последний пункт в данном перечне кодифицирует правописании слова «речение» через *е*, что идет вразрез с рекомендациями существовавших на данный момент грамматик писать

это слово через Ъ [Российская грамматика, сочиненная Императорскою Российскою академиею 1819: 15; Греч, 1834: 473] и продолжает традицию М.В. Ломоносова, писавшего данное слово через е [например: Ломоносов, 1755: 54]. Впоследствии такое правописание поддержал Ф.И. Буслаев [Буслаев, 1953: 47] и объяснил Я.К. Грот, о чем подробнее ниже [Грот, 1885: 59].

Наиболее глубокий и разносторонний анализ исследуемой проблемы содержится в «Исторической грамматике русского языка» Ф.И. Буслаева 1858 г. Важное место здесь уделяется буквам Ъ и е. В отличие от прочих авторов, Буслаев говорит о происхождении Ъ с научно обоснованных позиций: «Буква “ять” первоначально означала долгий звук “е”, что доселе явствует из слова “нѣтъ”, в котором “ять” произошло от долгого “е”, образовавшихся при слиянии двух “е”, разделенных по законам благозвучия, вставкою звука [j]...» [Буслаев, 1959: 43]. Ученый даже высказывает гипотезу о том, как «ять» произносился в древние времена и почему он так назван: по мнению Буслаева, название «ять» связано с тем, что раньше он произносился как звук [ja]. Об отсутствии звукового различия между е и Ъ свидетельствует фраза: «Основываясь только на предании, пишем *смотрѣль*, а не *смотрель*». И еще: «Буква Ъ для нас то же, что и е» [Панов, 2002: 193].

Буслаев поднимает проблему смешения букв е и Ъ и описывает правила употребления последней так же, как и Греч, в форме рассуждения. Он приводит множество доводов за и против какого-либо правила (например, что на букву Ъ всегда падает ударение), но не говорит четко и прямо, где она должна быть. Ученый рассуждает, почему в некоторых словах вместо буквы Ъ стоит буква е, какие фонетические процессы в истории языка повлияли на это, и сравнивает русский язык с церковнославянским для иллюстрации своих выводов. По мнению автора, множество современных ему грамматик при изложении материала «идут по филологическому пути», т. е. ограничиваются только списками обязательных для заучивания различных правил (орфографических, парадигм склонения, спряжения и т. п.), которые трудно усваиваются учащимися и потому быстро забываются, если их постоянно не повторять. Буслаев выступает за аналитический и исторический подход к изучению языка: «Не зная законов языка, практическая грамматика ограничилась правилами. Так, например, в главе о правописании, помещались правила об употреблении буквы “ять”, которой значение определяется только историею славянского языка... грамматика должна строго отличать принятое обычаем от того, что основано на внутренних законах языка» [Буслаев, 1959: 6]. Обвиняя языковедов, по сути, в фиксировании синхронного среза языка, в неспособности и нежелании понять и разобраться в причинах, породивших многообразие грамматических форм, Буслаев осуществляет попытку создать работу по истории русского языка, где в изложении орфографических правил опирается прежде всего на этимологию. Несмотря на то что ученый выступает противником обыкновенного заучивания правил правописания, он все равно представляет в своей работе список основных корневых морфем, состоящий из ста тридцати семи единиц, но включающий двести тридцать одну лексему (к основным словам Буслаев добавляет однокоренные, уже потерявшие смысловую связь друг с другом, например, такие, как «мѣра» и «лицемѣръ»), в которых должно писать букву Ъ вместо е.

Буслаев считает, что звук «ять» появился в древнерусском языке «при помощи количественного изменения гласных» [Буслаев, 1959: 42], т. е. произошел из долгого «е», и объясняет совпадение звука «ять» со звуком «е» исключительно потерей признака долготы / краткости в системе вокализма русского языка. Основное правило, которым предлагает руководствоваться Буслаев при правописании буквы Ъ, – это употребление ее вместо е, когда звук [е] «удлинняется» за счет падающего на него ударения. Другими словами, если в корне слова на букву е падает ударение, то вместо нее следует писать букву Ъ, но если следовать этому правилу, то невозможно объяснить написания слов «Звѣзда», «Зѣло», «Зѣница», «Мѣсить, мѣшать», «Рѣсница», «Рѣшето», «Стрѣла», «Цѣна» и многих других, включенных исследователем в «ятевый» список. Кроме того, данному правилу противоречит следующее, по сути, верное замечание: «...в реченіи “копѣйка” принято писать “ять” безо всякого основания» [Буслаев, 1959: 47]. Общим принципом, положенным Буслаевым в основу различения на письме Ъ и е по долготе / краткости, служит, конечно же, тот факт, что лексемы с корневым ъ, прояснившимся после падения редуцированных в сильных позициях в звуке [е] (что проверяется чередованием, например, «день // дня»), не могли содержать Ъ. Но, как видно из описанных выше правил, одного этого не всегда достаточно. В результате исследователь прибегает к давно известному и отвергнутому им объяснению употребления Ъ «по обычаю». Буслаев, как и Востоков, формирует список слов с Ъ не по алфавиту, а по предшествующей «ятю» букве. Свой список корневых морфем Буслаев искусно дополняет правилами правописания, разъясняющими (а не предписывающими, как в прочих грамматиках) причины появления буквы в различных словах. Например, становится понятным, почему в некоторых именах собственных («Алексѣй», «Сергѣй») и иностранных словах («апрѣль») пишется Ъ, а в других, очень схожих («Тимофей») – е. Буслаев первый основательно объясняет такое правописание исходя из греческих и латинских транскрипций и выявляет общие закономерности. Однако разобраться в этих соответствиях и исключениях из них и тем более применять по аналогии эти правила к прочим словам человеку, не знающему греческого и латинского языков, проблематично – легче выучить правописание нескольких орфограмм с Ъ.

Сопоставляя списки «ятевых» написаний, можно сделать выводы о непоследовательности их нормирования в основных грамматических сочинениях середины XIX в. В грамматике Греча сто тридцать пять словарных статей, Буслаева – сто тридцать семь, тогда как у Востокова их двести пятьдесят. Серьезные расхождения в составе списков отмечает Т.М. Григорьева:

- «обѣдь», «свѣжій» встречаются только у Востокова и Греча;
- «пѣть», «ѣсть», «ѣхать» – только у Буслаева и Греча;
- «чѣловекъ», «нѣ», «возгнѣтитъ», «подгнѣтитъ», «лѣчить», «лѣкаръ», «затѣя», «затѣвать» – только у Востокова и Буслаева;
- «блѣдный», «вѣникъ», «глѣнь», «нѣтъ», «сѣра» – только у Греча;
- «повѣтъ» – только у Востокова;
- «лѣха», «млѣтъ», «Онѣга», «зрѣтъ», «прѣтъ» – только у Буслаева [Григорьева, 2004: 46].

Противоречивость рекомендаций нормализаторов письма приводит к ситуации «узаконившейся орфографической беззаконности» [Григорьева, 2004: 55], которая достигла своего апогея в 70-е гг. XIX в. Миссия упорядочения правописания была возложена на академика Я.К. Грота. Вначале Грот был сторонником реформ в русской орфографии. Идея упрощения правописания путем устранения «лишних» букв была высказана и обоснована ученым в «Спорных вопросах русского правописания от Петра Великого донныне» 1873 г. В частности, Грот признает, что самая большая трудность русского правописания – это буква Ъ, потерявшая звуковое соответствие, почему и предлагает в качестве лучшего выхода из создавшегося орфографического тупика полный отказ от Ъ. Рассуждая на тему соотношения современной ему фонетики (т. е. речевой практики), этимологии (т. е. понимания происхождения слов) и связывающей их орфографии, Грот делает вывод, что «ять», «фита», «ижица» стали бесполезны для языка (а значит, для орфографии), сетует на «несообразность» русской азбуки и заключает, что правописание к концу XIX в. стало зиждиться на множестве противоречащих друг другу правил, которые соблюдаются лишь благодаря «условному соглашению». Спустя более 10 лет с момента выхода «Спорных вопросов...» в своде правил «Русское правописание» 1885 г. Грот отказывается от предложенных им ранее реформ, забывает об отмене «лишних» букв, предлагая теперь опираться на традицию (т. е. следовать этимологии), потому как «изменения могли бы только поколебать существующее соглашение и вызвать новые разноречия в нашем письме» [Грот, 1885: III]. Академик полагает, что лучше писать по традиции, чем переучивать людей писать по-новому, тем самым усугубляя и без того серьезную путаницу в орфографии.

В «Русском правописании» 1885 г. Грот наконец упорядочивает правило правописания Ъ: он четко определяет три позиции в слове, где может находиться эта буква, – в корнях, образовательных окончаниях и грамматических формах и флексиях, – а после этого подробно описывает закономерности употребления «ять» в этих позициях. В «ятевом» списке Грот, как и Буслаев, располагает слова в порядке следования букв, после которых пишется Ъ. Там, где, по мнению Грота, необходимо пояснение, он дописывает однокоренные слова в соответствии с этимологией, поэтому словарные гнезда его «ятевого» списка часто содержат набор лексем, которые на данный момент не воспринимаются как однокоренные, но помогают глубже проникнуть в историю языка и понять закономерности его развития. Еще одно новшество, введенное Гротом, состоит в том, что он расположил слова не только по букве, предшествующей «ятю» в корне, но и по количеству букв перед Ъ и порядковому номеру слога с Ъ в корне. В результате было выделено шесть типов слов, в которых употребляется Ъ:

- 1) корни, начинающиеся с «ять» (всего 2 корня – «ѣсть» и «ѣздить»);
- 2) слова, где «ять» стоит в первом слоге корня за начинающей корень согласной: «вѣ», «сѣ», «мѣ», «рѣ», «лѣ», «цѣ», «тѣ», «пѣ», «бѣ», «дѣ», «нѣ», «зѣ» – итого 87 корней;
- 3) слова, в которых «ять» стоит в первом слоге корня за начинающими корень двумя согласными, вторая из которых плавная, носовая или губная «в»: «блѣдный», «Глѣбъ», «гнѣдой», «грѣхъ», «звѣрь», «свѣтъ», «цвѣтъ», «смѣхъ» и др. – итого 27 корней;

4) слова, где «ять» следует за начинающими корень тремя согласными (всего 2 корня – «стрѣла» и «стрѣха»);

5) слова с «ять» после «л», «р», «в», «н» и «с» во втором слоге корня: «желѣзо», «орѣхъ», «невеѣста», «Онѣга», «бесѣда» и др. – итого 11 корней;

6) слова с «ять» в третьем слоге корня (всего 2 лексемы – «человѣкъ» и «печенѣгъ»).

Таким образом, в «ятевом» списке Грота содержится всего сто двадцать девять корней. В отличие от списка Буслаева, здесь нет таких лексем, как «лѣстница», «желѣза», «лелѣять»: «в словѣ *лелѣять* второго слога нельзя считать кореннымъ» [Грот, 1885: 58]; «змѣй» и «хмѣль»: «въ словѣ *змѣй* (др. – слав. *змій*) букву *ѣ* нельзя считать коренною, равно и въ словѣ *хмѣль*, которое лучше писать *хмель*» [Грот, 1885: 57].

Грот подробно раскрывает причины «двух случаев измѣненія буквы *ѣ* въ *е*» [Грот, 1885: 58]. В написании через *е* слов «блескъ», «время», «дремать», «преніе», «претить», «стрекать» автор видит влияние похожих неполногласных сочетаний, которые давно уже в русском письме вопреки этимологии пишутся через *е*. В данном перечне ошибочно приведено слово «время», которое содержит неполногласие, а не подобно ему. Другая группа слов, в которых закрепилось *е* вместо *ѣ*, – это глаголы с *е* в корне, «которые по закону словообразованія удлиняютъ эту гласную въ *ѣ*, какъ напр. *гнести* и *гнѣтати*, *летѣти* и *лѣтати*, *лежати* и *лѣжати*, *метати* и *мѣтати*, *реку*, *реци*, *реченіе* и *рѣкати*, *рѣкъ*, *рѣчь*. Всѣ эти слова, исключая послѣднее, постоянно пишутся теперь съ *е*» [Грот, 1885: 59]. Кроме того, Грот приводит список слов, которые пишутся вопреки книжной традиции через *е*: «векша», «клей», «колебать», «мезга», «песонокъ», «семья», «темя», а также гиперкорректные написания *ѣ* вместо *е*: «рѣдка», «рѣшето», «рѣшетка», «копѣйка» [Грот, 1885: 59].

Более подробно, чем Буслаев, Грот останавливается на описании правил употребления *ѣ* в грамматических позициях. Он четко фиксирует написания имен собственных и некоторых заимствованных слов, предлагая не ориентироваться на правила определения древнего звука в этих словах (тем более что они из древнегреческого или латинского), потому что иначе возникает путаница между написаниями «этимологическими» и «по привычке», появляются исключения из исключений, примечания к исключениям и проч. В отличие от предыдущих авторов, Грот приводит список глаголов, в окончаниях которых пишется *ѣ*, и к каждому из 10 слов добавляет список производных, также сохраняющих эту букву (итого 54). Ранее в любой грамматике можно было найти только само правило с двумя-тремя примерами, а чаще и вовсе без них, что могло привести к ошибкам. Вообще, правила употребления *ѣ* в грамматических позициях у Грота наиболее полны и везде сопровождаются примерами.

После выхода в свет орфографического руководства Грота Министерство народного просвещения сделало его обязательным для школы. На основе «Русского правописания» Грота стали составлять учебные пособия, являющиеся более удобной, а часто слегка сокращенной перепечаткой труда академика. Например, одно из таких пособий – «Учебникъ русской грамматики для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній» Смирновского П.В. – было так популярно, что выдержало к 1915 г. двадцать шесть изданий [Смирновский, 1915]. Анализ

«ятевого» перечня выявляет случайный характер употребления Ъ во многих словах, что затрудняет упорядочение орфограммы и усложняет ее использование на практике, поскольку немотивированные написания невозможно объяснить и следует запомнить. Этимологически не оправдана буква Ъ в тех позициях, где ранее не было звука [ѣ], а именно в следующих случаях:

1) там, где в дальнейшем произошло изменение [е] в [о] перед твердыми согласными: *мѣд* < медь, но: *лето* < *лѣто*;

2) там, где современный [е] чередуется с нулем звука: *день* – *дня*, *пень* – *пня*, но: *стѣнь* – *стѣни*, *тѣнь* < *тѣни*;

3) в орфографии заимствованных слов: *аптека*, *лента*;

4) перед поздно отвердевшими согласными: *червь*, *верх*, *серп*, *четверг*;

5) в словах с отрицательной приставкой «не-»: *некогда* ‘нет времени’, но: *нѣкогда* ‘когда-то’ (значение неопределенности) [Смирновский, 1915: 73–75].

Очевидно, традиция употребления Ъ, сложившаяся в русском письме, нередко отступала от перечисленных закономерностей, и многие слова включались в «ятевые» списки неправомерно, например: «звезда», «гнездо», «зевать», «веха», «речь» и др.

Итак, предложенный обзор показывает, что в истории русского письма попытки упорядочения правописания буквы Ъ предпринимались постоянно, однако положительного результата не дали, «ятевые» списки то и дело менялись, и в них нередко фиксировались случайные, этимологически не обоснованные написания.

5. Выводы

В отличие от других букв-дублетов, использование Ъ определялось не только церковнославянской письменной традицией и искусственными правилами разграничения омонимов, но и некоторыми особыми закономерностями живого и книжного произношения. Ориентированная на книжную норму церковная и даже гражданская печать «Ведомостей» не отражала действовавшей в скорописи тенденции к устранению Ъ. В отличие от скорописных деловых памятников и печатного Уложения, в петровских «Ведомостях» буква Ъ пишется очень стабильно в соответствии с древней традицией в номерах как церковного, так и гражданского шрифта, хотя старшие и современные им грамматические сочинения не предлагают ни так называемого «ятевого» списка, ни перечня правил, регулирующих правописание данной буквы. Узус «Ведомостей», «Санктпетербургских ведомостей» и «Московских ведомостей» демонстрирует большую устойчивость в употреблении Ъ, в первую очередь в исходе наречий, служебных слов, сравнительной и превосходной степеней прилагательных, а также в приставке *нѣ* неопределенных местоимений и наречий. Незначительная вариативность, отмеченная в орфографии флексий, исчезает к 20-м гг. XVIII столетия. Наименее регулярно употребление «ять» в корнях слов, но и здесь узус ведомостей отличается большей упорядоченностью, чем «ятевые» списки грамматик. За столетие до появления первого такого списка в Академической грамматике 1802 г. (кстати, крайне неполного) в петровских «Ведомостях» складывается основной корпус слов, систематически пишущихся через Ъ в корне, впоследствии зафиксирован-

ный в полном объеме только в «Русском правописании» Я.К. Грота 1885 г. Варьирование корневых гласных в газетах, отмеченное в основном в иноязычных словах, прекращается задолго до кодификации данных слов в грамматиках и словарях.

Список литературы

1. *Бабаева Е.Э.* Поликарпов, Федор *Техноліа. Искусство грамматики. Издание и исследование Е. Бабаевой.* СПб., 2000.
2. *Берков П.Н.* История русской журналистики XVIII в. М.; Л., 1952.
3. *Васильев Л.Л.* К истории звука Ъ в московском говоре XIV–XVII вв. // *Известия Отделения русского языка и словесности. Т. X. Кн. 2.* СПб., 1905. С. 177–227.
4. *Васеко Е.Ф.* Фонологическая система московского говора первой половины XVI в. по памятникам деловой письменности: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1973.
5. *Виноградов В.В.* Исследования в области фонетики северорусского наречия. Вып. I. Пг., 1923. С. 150–245.
6. *Гаевская Т.И.* Из наблюдений над орфографией рукописных грамот конца XVII – начала XVIII века, направленных на Урал // *Пермский государственный педагогический институт. Ученые записки. Вып. 25.* Пермь, 1960.
7. *Галинская Е.А.* Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.
8. *Гальченко М.Г.* К истории письменности и языка юго-западной Руси XII–XIV вв.: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1989.
9. *Гальченко М.Г.* Книгописание в Спасо-Андрониковом монастыре и проблема второго южнославянского влияния на Русь в конце XIV–XV вв. М., 1994.
10. *Гальченко М.Г.* Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы. М.; СПб., 2001.
11. *Ганиев Ж.В.* Неизменный принцип русской орфоэпии. М., 2009.
12. *Глинкина Л.А.* Скоропись XVIII века: Учебное пособие / Под общ. ред. Л.А. Глинкиной. Челябинск, 2003.
13. *Горланова В.П.* К вопросу орфографической нормализации в начале XVIII столетия в свете трудов И.В. Сталина. Орфография «Ведомостей» эпохи Петра I: Дисс. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1952.
14. *Горшкова К.В.* История безударного вокализма в старомосковском просторечии // *Вопросы истории русского языка.* М., 1959.
15. *Горшкова К.В.* Историческая диалектология русского языка. М., 1972.
16. *Горшкова К.В., Хабургаев Г.А.* Историческая грамматика русского языка: Учебное пособие. 2-е изд., испр. М., 1997.
17. *Григорьева Т.М.* Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М., 2004.
18. *Демьянов В.Г.* Звуковое качество Ъ по иноязычным показателям XVII в. // *История русского языка и лингвистическое источниковедение.* М., 1987. С. 69–79.

19. *Демьянов В.Г.* Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII веков. Проблемы морфологической адаптации. М., 2001.
20. *Дурново Н.Н.* Славянское правописание X–XII вв. // *Slavia*. 1933. Roč. 12. Seš. 1–2. С. 45–82.
21. *Живов В.М.* Проблемы формирования русской редакции церковнославянского языка на начальном этапе // *Вопросы языкознания*. 1987. № 1. С. 46–66.
22. *Живов В.М.* «В плѣну у ангеловъ на диком брегѣ – ахъ!» // *Поэтика, история литературы, лингвистика: Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова*. М., 1999. С. 777–791.
23. *Живов В.М.* Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004.
24. *Живов В.М.* Восточнославянское правописание XI–XIII века. М., 2006.
25. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 1995.
26. *Копосов Л.Ф.* Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв.: Орфография, фонетика, морфология: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2000.
27. *Котков С.И.* Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974.
28. *Кузьминова Е.А.* Грамматика 1648 г. / Предисл., науч. коммент., подг. текста и сост. указателей Е.А. Кузьминовой. М., 2007.
29. *Курчева Ю.В.* Основные вопросы русского правописания с XVIII в.: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1941.
30. *Майоров А.П.* Региональный узус деловой письменности XVIII века (по памятникам Забайкалья): Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2007.
31. *Ремнёва М.Л.* Два языка или один язык: церковнославянский высокой и низкой нормы // *Stephanos*. 2016. № 6(20). С. 9–17.
32. *Осипов Б.И.* История русского письма: Дисс. ... докт. филол. наук. Л., 1979.
33. *Осипов Б.И., Гейгер Р.М., Рогожникова Т.П.* Язык русских деловых памятников XV–XVIII вв.: Фонетический, орфографический и стилистический аспекты. Омск, 1993.
34. *Панов М.В.* История русского литературного произношения XVIII–XX вв. 3-е изд., стереотип. М., 2002.
35. *Сивкова Е.А.* Тексты «Троицкой таможи» конца XVIII – середины XIX веков как лингвистический источник: Палеографический, графический, орфографический аспекты: Дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1999.
36. *Тарабасова Н.И.* Явления вариативности в языке деловой письменности. М., 1986.
37. *Успенский Б.А.* Первая русская грамматика на родном языке. Доломоновский период отечественной русистики. М., 1975.
38. *Успенский Б.А.* Древнерусские кондакари как фонетический источник // *Успенский Б.А. Избранные труды. Т. III: Общее и славянское языкознание*. М., 1997. С. 209–245.
39. *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002.
40. *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков: историко-диалектологический очерк. М., 2006.

41. *Черных П.Я.* Язык Уложения 1649 года. Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. М., 1953.
42. *Чурмаева Н.В.* Существительные с суффиксом *-арь* со значением действующего лица в древнерусском языке XI–XIV вв. // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964.
43. *Шахматов А.А.* Курс истории русского языка: (Чит. в С.-Петербур. ун-те в 1908–11 уч. г.). 2-е изд. Ч. 1–3. СПб.: Лит. Богданова, [1910]–[1912].
44. *Шахматов А.А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 11/1. Пг., 1915.

Источники примеров

45. *Барсов А.А.* Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / Подгот. текста и текстолог. коммент. М.П. Тоболовой; под ред. и с предисл. Б.А. Успенского. М., 1981.
46. *Будрин А.М.* Третья часть Грамматики русскаго языка. Тетрадь VI. Орфографія. М., 1849.
47. *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
48. Вѣдомости времени Петра Великаго. В память двухсотлѣтія первой русской газеты. Вып. 1, 2. М., 1903–1906.
49. В-К I – Вести-Куранты. 1600–1639 гг. / Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина; под ред. С.И. Коткова. М., 1972.
50. В-К II – Вести-Куранты. 1642–1644 гг. / Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов, А.И. Сумкина; под ред. С.И. Коткова. М., 1976.
51. В-К III – Вести-Куранты. 1645–1646, 1648 гг. / Изд. подгот. Н.И. Тарабасова, В.Г. Демьянов; под ред. С.И. Коткова. М., 1980.
52. В-К IV – Вести-Куранты. 1648–1650 гг. / Изд. подгот. В.Г. Демьянов, Р.В. Бахтурина; под ред. С.И. Коткова. М., 1983.
53. В-К V – Вести-Куранты, 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; изд. подгот. В.Г. Демьянов; отв. ред. В.П. Вомперский. М., 1996.
54. *Востоков А.Х.* Русская грамматика Александра Востокова, по начертанію его же сокращенной Грамматики полнѣе изложенная. СПб.: Въ типографіи Императорской Россійской Академіи, 1835.
55. Грамматики Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго / Сост., подг. текста, науч. коммент. и указатели Е.А. Кузьминовой; предисл. Е.А. Кузьминовой, М.Л. Ремнёвой. М., 2000.
56. Грамматика 1648 г. / Предисл., науч. коммент., подг. текста и сост. указателей Е.А. Кузьминовой. М., 2007.
57. *Греч Н.И.* Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. СПб., 1834.
58. *Грот Я.К.* Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ. Филологическое разысканіе Я. Грота // Филологическіе разысканія. Т. 2. СПб.: Типографія Императорской Академіи наукъ. 1876.

59. Грот Я.К. Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук академикомъ Я.К. Гротомъ. СПб., 1885.
60. Давыдов И.И. Грамматика русского языка. Издание Второго отделения Императорской Академии Наук. СПб., 1849.
61. Кошанский Н.Ф. Начальные правила русской грамматики. Въ пользу воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона. М., 1809.
62. ЛЕКСИКОНЪ вокабуламъ новымъ по алфавиту // Обнорский С.П., Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 2. Вып. 2. М., 1948. С. 47–65.
63. Ломоносов М.В. Россійская ГРАММАТИКА Михайла Ломоносова. Печатана въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1755 года.
64. Орнатовскій И. Новѣйшее начертаніе правилъ россійской грамматики. Харьков, 1810 // Texts and Studies on Russian Universal Grammar 1806–1812. Vol. 1. München, 1984.
65. Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою академіею. СПб., 1802.
66. Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою академіею. СПб., 1809.
67. Россійская грамматика. Издана от Главнаго правленія училищ для преподаванія в нижних учебных заведениях. СПб., 1811.
68. Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою академіею. СПб., 1819.
69. Россійская грамматика в вопросах и ответах / Издана для легчайшего обученія юношества И.М. М.: в типографіи С. Селивановскаго, 1820. II, 169 с., 2 л. табл.
70. Светов В.П. Опытъ новаго россійскаго правописанія, утвержденный на правилахъ россійской грамматики и на лучшихъ примѣрахъ россійскихъ писателей. (В.С.) Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ, 1773.
71. Словарь Академии Россійской. Ч. 1 (1789), ч. 2 (1790), ч. 3 (1792), ч. 4 (1793), ч. 6 (1794). СПб., 1789–1794.
72. Словарь Академии Россійской по азбучному порядку расположенный. Ч. 1 (1806), ч. 2 (1809), ч. 3 (1814), ч. 5 (1822). СПб., 1806–1822.
73. Словарь церковнославянскаго и русскаго языков Императорской Академии наук: В 4 т. СПб., 1847.
74. Снегиревъ М. Россійское правописание съ примѣчаніями изъ лучшихъ сочинителей. М., 1815.
75. Срезневскій И.И. Словарь древнерусскаго языка. М., 1989. (Репринтное издание.)
76. Тредіаковскій В.К. Разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ і россійскимъ объ ортографіи старинной і новой і о всемъ что прінадлежитъ къ сей матеріи. СПб., 1748.
77. Фасмер М. Этимологический словарь русскаго языка: В 4 т. М., 1986.
78. Якубович Т.Д. «Лексиконъ треязычный» 1704 г. Ф.П. Поликарпова – важное пособие для изученія классическихъ языковъ в XVIII веке. Л., 1958.

Ударный вокализм костромских говоров начала XVII в.

Историческая фонетика и лингвистическая география севернорусских говоров разработаны уже достаточно хорошо. Реконструированы фонетические особенности следующих северных говоров XVI–XVII вв.: белозерско-бежецких [Бегунц, 2006], великоустюжских [Сущева, 1974], вологодских [Копосов, 1971], ладого-тихвинских [Галинская, 1985], холмогорского и шенкурского [Лопухина, 2011], а также ряда других. В ряде перечисленных работ прослеживается также развитие выявленных фонетических особенностей до современного состояния. Однако историческая фонетика некоторых северных говоров долгое время оставалась неисследованной, в частности, костромские говоры с этой точки зрения до сих пор представляли собой лакуну в севернорусском диалектном ландшафте.

Центральным звеном фонетической системы севернорусских говоров, как известно, является их ударный вокализм, так как явления, представленные в нем, влияют также и на вокализм безударный.

В настоящей работе на основании данных памятников деловой письменности и с опорой на данные современных костромских говоров будут рассмотрены особенности ударного вокализма костромских говоров начала XVII в.

Материалом исследования послужила Костромская отказная книга 1619–1634 гг. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 11086, 1315 лл. Далее – **Костр.**), сравнение проводилось с данными, представленными в фонетическом томе «Диалектологического атласа русского языка» [ДАРЯ 1], с материалами оцифрованных диалектных записей из фонотеки ИРЯ имени В.В. Виноградова, а также с оцифрованными записями, представленными в «Электронной библиотеке русских народных говоров»¹. Хотя эти записи и были сделаны в середине XX в., однако говоры, отраженные в них, будут условно называться современными.

Рассмотрение ударного вокализма костромских говоров XVII в. следует начать с вопроса о фонеме <ё>. Исследователи деловой письменности единодушны лишь во мнении, что в безударном положении фонема <ё> к XVII в. исчезла. Взгляды на ситуацию в ударной позиции разнятся, поскольку показания памятников различных жанров противоречивы и данные эти не получают однозначной интерпретации [Копосов, 2000: 68].

Однако главным фактором, влияющим на рефлексы фонемы <ё> в севернорусских говорах в ударной позиции, является качество следующего согласного, причем группы говоров с совпадающими рефлексамми могут быть не соотнесены территориально:

1. Перед твердым и перед мягким согласным может произноситься дифтонг [йе].
2. Дифтонг [йе] в позиции перед мягкими согласными может переходить в [и], а в позиции перед твердыми согласными сохраняется дифтонгическая реализация.
3. Дифтонгические реализации рассматриваемой фонемы могут стремиться к [е] либо к [и], оттенки и конкретные реализации сильно разнятся. В части говоров реализации

¹ https://dialekt.corpus.tatar/dialect/index.php?oblast=10&fieldFIO=&tema=&type_gov=&type_zap=

перед твердыми и перед мягкими согласными совпадают, в других реализация перед мягким согласным уже, чем перед твердым.

4. Перед мягкими согласными может происходить переход дифтонга в [и], а перед твердыми рассматриваемая фонема совпала с <е> или реализуется очень узким звуком [е].
5. Звук [и] мог заменить старое звучание перед твердыми и перед мягкими согласными.
6. Разница между фонемами <ѣ> и <е> могла исчезнуть совершенно [Виноградов, 1922: 160–165].

Необходимо выяснить, к какому из описанных В.В. Виноградовым типов относятся говоры, отраженные в исследованных текстах.

В **Костр.** есть написания с буквой **ѣ**, соответствующие этимологии, традиционные замены **ѣ** на **е**, обратные замены **е** на **ѣ**, а также замены **ѣ** на **и** и считанные примеры обратных замен **и** на **ѣ**.

Приведем обнаруженные написания, однако отметим, что при верификации данных памятников деловой письменности данными современных говоров приводить полные списки обнаруженных примеров для реконструкции фонетических особенностей говора писца не нужно.

Рассмотрим написания в позиции перед твердыми согласными.

Этимологически правильные написания с ѣ перед твердыми согласными: *мѣсто* п.р. 41, п.р. 786, п.р. 798 об., п.р. 800, п.р. 853 об., 884 об., п.р. 885 х2, п.р. 885 об., п.р. 914, п.р. 915 х2, п.р. 930; *сѣно* 161 об., 197, 405, 714 об., 817 об.; *ѣха^м* 127, 724, 198, 202, 287; *ѣхати* 20 об., 376 об.; *ѣха^{му}* 311 об., 846; и др.

Замены ѣ на е перед твердыми согласными: *ехати* п.р. 97; *ле^с* 83, 902, 909 об.; *лес^{ом}* instr. sg. 44, 843 об. х2; *место* 21 об. х2, п.р. 129, п.р. 263, п.р. 264, п.р. 293, п.р. 354, п.р. 447, п.р. 650, п.р. 743, п.р. 791, п.р. 799; *ме^сто* 217, 220; *сено* 902, 909 об.; *сена* 25 об., 907 об. х4, 907 х3, 908 х2; и др.

Обратные замены е на ѣ перед твердыми согласными: *бобыльѣк* nom. sg. 850 об.; *лѣвка* nom. sg. 618; *лѣвькою* 79 х2; *ма^мрѣны* 744 об.; *нефѣ^о* 174 об.; *огарѣва* gen. sg. 856 об.; *семѣнова* gen. sg. 79; *семѣновъ* nom. sg. 78 об.; *четвѣртои* nom. sg. 110 об., 112, 112 об., 113 об.; *четвѣртую* acc. sg. 112 об. х2; и др.

Замены ѣ на и перед твердыми согласными (во флексиях местоимений): *всѣхъ* gen. pl. п.р. 264; *сеи^м* dat. pl. п.р. 583, п.р. 724, п.р. 757; *си^м* dat. pl. п.р. 90 х2, п.р. 376 об., п.р. 436, п.р. 452 х3, п.р. 639, п.р. 795 х2, п.р. 884, п.р. 928; *симъ* instr. sg. 818 об.; *симъ* dat. pl. п.р. 115, п.р. 376 об., п.р. 639; и др. – в трех последних примерах возможно сохранение старой флексии мягкого варианта.

Обратимся теперь к написаниям в позиции перед мягкими согласными.

Этимологически правильные написания с ѣ перед мягкими согласными: *дѣте^м* dat. pl. 91 х2, 287 об.; *дѣти* nom. pl. 10, 15 об., 41, 92, 93, 93 об., 611 об. х3, 789 об., 859 об.; *дѣ^{му}* nom. pl.

² Написание данной словоформы с буквой е является в рассматриваемых документах относительно стандартным. За буквой и в составе подобного двойного написания следует, таким образом, признать большую фонетическую значимость.

1, 3 об. х2, 4, 10, 50, 321 об.; *о^мдг^ннымъ* dat. pl. п.р. 412, п.р. 416; *ро^здг^нны^м* dat. pl. п.р. 91, п.р. 452, п.р. 610 х2, п.р. 887 х2; *г^зди^н* 270, 782, 933; и др.

Замены Ъ на е перед мягким согласным: *поместия* gen. sg. 107 об., 111 х4, 111 об. х2, 112 об., 113, 179 об.; *ре^чке* dat. sg. 178, 364, 619 об., 755 об.; *ре^чке* loc. sg. 258 об., 908 об.; *ре^чки* gen. sg. 396 об., 586 об.; *розде^нны^м* dat. pl. 160; *ро^зде^нны^м* dat. pl. 160, п.р. 610 х2, п.р. 789 х2, п.р. 870, п.р. 896, п.р. 907, п.р. 919; *уе^зде* 39, 41, 43 об., 52 об., 78, 939 об.; и др.

Обратные замены е на Ъ перед мягким согласным: *людг^и* gen. pl. 125, п.р. 717, 902 об.; *людг^у* gen. pl. 172 об.; *мг^ж* 79 об.; *мг^нши^м* instr. sg. 79; *мг^ншому* dat. sg. 78 об., 80 об.; *успг^н* gen. sg. 699, 705 об.; *че^мве^ртг^и* gen. pl. 741, 764 об., 765, 765 об.; и др.

Замены Ъ на и перед мягкими согласными: *диги* nom. pl. 37 об., 589; *диги* acc. pl. 479; *диге^н* dat. pl. 20 об. х2, 21 х2, 88 об.; *дигя^н* dat. pl. 85; *миря^н* 32, 34 об.; *оди^нны^е* acc. pl. 27 х2; *одильные* acc. pl. 460 об.; *о^мдиле* loc. sg. 35, 85, 460 об. х2; *ри^чке* loc. sg. 493, 493 об., 650, 651 об.; *рич^ьке* loc. sg. 85 об., 88, 88 об.; *умие^м* п.р. 84, п.р. 298, п.р. 744 об.; *умиет^ь* п.р. 448; и др.

Перед мягкими согласными подобных замен обнаружено существенно больше, чем перед твердыми. Имеются здесь также и обратные замены и на Ъ.

Обратные замены и на Ъ перед мягкими согласными: *оксг^не* dat. sg. 402 об.; *оксг^нне* dat. sg. 400 об.; *секг^рина* gen. sg. 75; *секг^рине* loc. sg. 74, 74 об.

Отдельно рассмотрим примеры в позиции конца слова.

Этимологически правильные написания с Ъ в конце слова: *в^довг^ь* dat. sg. 689, 691 об., 808; *ворг^ь* loc. sg. 116 об., 165, 165 об., 199, 289, 302, 345 об., 859 об.; *костромг^ь* loc. sg. 331 об., 340 об., 341 об. х2, 342, 343, 771 об. х2, 777 об., 778; *рг^ькг^ь* loc. sg. 335 об., 747, 941 об.; *сторонг^ь* loc. sg. 588 об., 694 об., 722 об., 766; *тог^ь* gen. sg. 106 об., 160 об. х2, 262, 359, 708, 758; и др.

Замены Ъ на е в конце слова: *вдове* dat. sg. 34 об., 358 об., 475 об., 739, 828 об., 908 об., 909, 925; *воре* loc. sg. 74 х2, 111 об. х2, 135, 260 об., 789 об., 831, 838; *реке* loc. sg. 100 об. 136 об., 340 об., 341 об., 640, 646, 650 об., 651 х2, 703 об., 861, 940; *тое* gen. sg. 60 об. х3, 61 об., 62 х2, 293 х2, 437 х2, 588 об. х2, 599, 616, 704 х2, 727 об., 734, 786, 915 об., 916, 916 об.; и др.

Буква Ъ в **Костр.** употребляется в большинстве случаев верно и перед твердыми, и перед мягкими согласными.

В позиции перед мягким согласным этимологически верных написаний с буквой Ъ больше, чем в позиции перед твердым.

Перед твердыми согласными прямых замен Ъ на и гораздо меньше, чем замен Ъ на е в этой же позиции, обратных замен и на Ъ в данной позиции нет.

Перед мягким согласным обнаруживается максимальное число прямых замен Ъ на и, но больше здесь прямых замен Ъ на е.

Таким образом, основываясь на данных памятников деловой письменности, в позиции перед твердыми согласными следует реконструировать е-образное звучание, которое могло быть передано буквой е. Большое число правильных написаний с буквой Ъ в этой позиции можно объяснить хорошей выучкой писцов. Обратные замены е на Ъ могут быть объяснены традицией употребления буквы Ъ именно в позиции под ударением. В позиции перед мягкими

согласными в костромских говорах начала XVII в. можно предположить реализацию фонемы <ѣ> либо в дифтонге [йе], либо в монофтонге [и]. Однако выводы эти должны быть верифицированы также данными современных говоров.

В настоящее время в основном массиве костромских говоров (треугольник с вершинами Кострома – Кологрив – Солигалич) перед твердым согласным основной реализацией рассматриваемой фонемы является именно [е]. Реализации [йе] и [и] представлены лишь островами, нерегулярно и на периферии [ДАРЯ 1: 40]. В позиции же перед мягким согласным основной реализацией также является [е], однако везде в сосуществовании с [и] [ДАРЯ 1: 41].

Приведенные данные современных говоров подтверждают предположение о том, что реализация фонемы <ѣ> в костромских говорах XVII в. могла зависеть от качества следующего согласного: звук [е] был представлен перед твердыми согласными, а [йе] либо [и] перед мягкими.

Встречающиеся в диалектных записях примеры не демонстрируют последовательной зависимости реализаций старой фонемы <ѣ> в ударном слоге от качества следующего согласного, но подтверждают выводы, сделанные на основании материалов памятников деловой письменности и атласа.

Приведем, разделив в зависимости от следующего согласного и фонетической реализации, примеры из записи ЭБРНГ-392 (село Саметь Костромского района).

[е] в позиции перед твердым согласным:

З'д'элат', ор'эхъу, пр'ижэдут, пр'ижэхъл, ф с'т'эну, хл'эбушка и др.

[и] в позиции перед твердым согласным и на конце слова:

Д'івушк'и х2, д'івъчка х2, моjó д'ило, посл'е об'ида мо́жеш оддохнут', у их был'и дв'и снох'и, и др.

[е] в позиции перед мягким согласным:

Н'ед'эл'у, н'я јес'т', н'эл'и, и др.

[и] в позиции перед мягким согласным:

Вм'ис'т'и, д'ит'и, н'ед'ил'а, н'ис'н'и, рынку јис', св'ич'к'и, ја н'ис'ъл'н'ица такаа была, и др.

В диалектных записях обнаруживаются реализации старого ятя посредством звука [е] перед твердым согласным и [йе] либо [и] перед мягким согласным, что подтверждает предположения, сделанные на основании анализа деловых текстов.

Отсутствие зависимости реализаций старой фонемы <ѣ> от качества следующего согласного в говоре села Саметь следует объяснять пестрой картиной рефлексов этого гласного, наблюдаемой в современных костромских говорах. Похоже, что ситуация эта была обусловлена взаимодействием на территории распространения костромских говоров двух древнейших диалектных объединений: ростово-суздальского диалекта, традиции которого нашли продолжение в фонетических особенностях говоров центра, и древненовгородского диалекта, наследниками ряда особенностей которого являются вологодские говоры.

При рассмотрении ударного вокализма севернорусских говоров крайне важным является вопрос о фонеме <ѡ>. Признается, что, если речь идет о наборе гласных средне-верхнего подъ-

ема, во-первых, встречаются русские говоры с фонемами <ѐ> и <ô> (семифонемный вокализм) и, во-вторых, говоры лишь с фонемой <ѐ> (шестифонемный вокализм). Невозможны, однако, говоры с шестифонемным вокализмом и лишь фонемой <ô> [Касаткин, 1989: 39].

Фонемы <ѐ> в говорах, отраженных в **Костр.**, как удалось установить, уже не было, можно говорить лишь о различных ее рефлексах перед мягкими и перед твердыми согласными, а потому вряд ли можно предполагать наличие в них фонемы <ô>.

Рассмотрим, однако, ряд обнаруженных написаний, позволяющих предполагать существование в костромских говорах в прошлом (ранее XVII в.) фонемы <ô>, и распределим их по характеру замен.

Прямые замены о на у: *ворунина*³ gen. sg. 699 об.; *сысуев* nom. sg. 59, 930 об.; *сысуи* nom. sg. 27; *угу^ое^{м4}* 111 об. х2; *угу^оя^х* 290 об.

То же в гипокористических именах с предполагаемым смешением суффиксов: *луку^мкою*⁵ 840; *ми^мруш'ки* gen. sg. 52 *ми^мруш'ка* nom. sg. 162 об., *нику^бшка* 162 об.

Обнаружены были также и обратные замены у на о, однако для каждой из них (кроме первой) можно предполагать графическую ассимиляцию: *анофрее^о* nom. sg. 671 об.; *'ноко^м* instr. sg. 810; *подупостоши* loc. sg. 323; *пост^ошто^{м7}* nom. sg. 95 об., 418 об.; *постоша^х* 41 об., 862 об.; *постошеги* так в ркп. 852; *постоши* gen. sg. 579.

Один антропоним встречается как в написании с буквой у: *кутулову* dat. sg. 847 об., 848, 851 об.; – так и в написании с буквой о: *кутолова* gen. sg. 851 об.; *кутоловы^м* instr. sg. 855 об. Нельзя исключать графической ассимиляции и здесь.

Число примеров, способных рассматриваться в качестве реликтов фонемы <ô>, невелико, и почти все они могут быть объяснены графической ассимиляцией.

Для костромских говоров XVII в. следует, таким образом, реконструировать пятифонемную систему ударного вокализма, а никак не семифонемную.

В диалектных записях современных костромских говоров было обнаружено лишь два примера, которые можно считать реликтами <ô>: *на двур от н'е вывóд'ат* А-0332 (деревня Большое Тимошино Макарьевский район), *пудп* ЭБРНГ-084 (село Аферово Костромской район), что не позволяет предполагать последовательного сохранения фонемы <ô> в костромских говорах в настоящее время, а также подтверждает предположения, сделанные о системе их ударного вокализма в XVII в.

Однако случаи мены в паре о \ у и крайне редкие современные примеры (предположительно реликтовые) могут быть объяснены также тем, что при отсутствии противопоставления закрытого <ô> и открытого <о> гласный [о] под ударением мог произноситься как сильно огубленный [ô] или дифтонг [уо]. Подтверждается это и наблюдениями С.С. Высотского, от-

³ Ср. *воронина* gen. sg. 706.

⁴ В Мериле Праведном *оугодье* [Зализняк, 2014: 221], но в примере из **Костр.** можно предполагать графическую ассимиляцию.

⁵ Здесь возможно влияние предшествующей буквы гласного.

⁶ Исправлено из о.

⁷ Старая а.п. с, новая – а.п. а (не прямая наследница старой) [Зализняк, 2014: 588].

мечавшего в севернорусских говорах с пятифонемным вокализмом слабую дифтонгоидность и напряженность, а также закрытую артикуляцию в зоне верхнее-среднего подъема (*o* и *e*) реализаций фонем <о> и <е> [Высотский, 1967: 22–23, 36–37].

Таким образом, утрата закрытого <ô> в костромских говорах сближает их с говорами центра и с ростово-суздальским диалектом и отличает от вологодских говоров, отличительной особенностью которых является сохранение семифонемного ударного вокализма.

Результаты перехода [e] в [o] после мягкого согласного перед твердым, несмотря на достаточное число традиционных написаний с этимологическим употреблением буквы *e* в данной позиции, в севернорусских деловых текстах XVII в. отражаются свободно [Копосов, 2000: 59–60].

В **Костр.** в позиции под ударением данное фонетическое изменение представлено многочисленными примерами: как в суффиксальных морфемах и флексиях (где могла влиять аналогия с твердым вариантом склонения или словами с суффиксом после твердой согласной), так и в корнях; как после букв шипящих и **ц**, так и после парных по твердости-мягкости согласных.

Сначала будут приведены примеры, отражающие переход в позиции, где рассматриваемый процесс проходил фонетически (перед твердым согласным).

После букв шипящих и **ц** в корнях: *жохове*⁸ loc. sg. 710 об.; *на рѣ^чке на що^рнь* 933 об.; *по рѣ^чке по щорнь* 933 об.; *сажо^н* gen. pl. 106 об., 107 х2.

После букв шипящих и **ц** в суффиксах и окончаниях: *бо^ншому* dat. sg. 151 об., 153 об.; *бо^нщое* nom. sg. 908 об.; *не^нцовы^н* instr. sg. 59 об., 62 об. х2, 63, 63 об., 64, 65; *обра^нцо^е* nom. sg. 66; *о^нцо^н* instr. sg. 219; *писцовы^н* gen. pl. 760 об., 768, 918; *че^нньцово* nom. sg. 58 об., 65 об., 663; *ястре^нцово* nom. sg. 620; и др.

Ударение в подобных производных лексемах может различаться, тем более их происхождение не всегда прозрачно, однако следует признать, что в большинстве примеров ударение все-таки должно было падать на слог с бывшим гласным [e] после букв шипящих и **ц**.

После букв парных по твердости-мягкости согласных⁹ в корнях и в суффиксах, не представленных после твердых согласных: *озо^рские* gen. sg. 599; *ольфо^рко* 484 об.; *на^рфонъско^еское* nom. sg. 423; *поперо^е* 417 об.; *по^нрь* п.р. 450 об.; *семона* gen. sg. 38, 852; *семеновы* gen. sg. 868; *копо^н*¹⁰ 33, 34, 416 об., 417, 479 об., 480 х2; *копонь* 416 об.; *о^нделоно* nom. sg. 618 об.; и др.

После букв парных по твердости-мягкости согласных в окончаниях и в суффиксах, представленных и после твердых согласных: *жихорову* dat. sg. 467 об.; *кара\со^есково* gen. sg. 63 об. – 64; *ковалова* gen. sg. 116 об., 117; *но^н*¹¹ loc. sg. 642 об.; *щевелова* gen. sg. 467.

Приведем также и примеры, свидетельствующие об аналогическом нефонетическом развитии этого процесса в позиции перед мягкими согласными.

После букв шипящих и **ц** в суффиксах и окончаниях: *болиш^н* nom. sg. 160 об.; *большое* nom. sg. 947 об.; *клокачовѣ* loc. sg. 202 об.; *чижове* loc. sg. 317; *ястре^нцове* loc. sg. 620, 621; и др.

⁸ Ср. *жехове* loc. sg. 711; *жехову* acc. sg. 710 об.

⁹ В примерах, приводимых в этой группе, переход [e] в [o] отражается в ущерб передаче мягкости согласного.

¹⁰ Старая а.п. *с*, новая – а.п. *б* [Зализняк, 2014: 183]. Данный суффикс не имел употреблявшегося после твердой основы варианта с начальным <о>.

¹¹ Исправлено на *е*.

После буквы парного по твердости-мягкости согласного в суффиксе, представленном и после твердых согласных: *кавалове* loc. sg. 117 об.

Отдельно приведем примеры в позиции конца слова, которые также свидетельствуют об аналогическом нефонетическом развитии рассматриваемого процесса.

После букв шипящих и ц в окончаниях: *селцо* nom. sg. 47, 757 об.; *селцо* acc. sg. 759 об., 865 об.; *сельцо* nom. sg. 95 об., 96 об., 869 об.; и др.

Примеры в некоторых суффиксах и окончаниях менее показательны, так как могли, как уже было отмечено, появиться по аналогии с вариантами соответствующих морфем, используемыми после основ на твердый согласный. О случаях, когда звук [o] после мягких согласных в говоре представлен лишь в некоторых суффиксах и флексиях, Р.И. Аванесов писал, что здесь он появился под влиянием твердой разновидности склонения (ср. *окном*) и суффикса *-ок* после твердых согласных (ср. *дубок*), т. е. нефонетически [Аванесов, 1949: 43].

В современных костромских говорах ареалов, в которых допускается сохранение [e] в рассматриваемой позиции в суффиксах и в основах (хотя бы в единичных случаях), крайне мало, они представлены лишь островами в центре рассматриваемой зоны [ДАРЯ 1: 38], что подтверждается и коллективной монографией [Образование... 1970], где утверждается, что для костромских говоров характерно произношение [o] перед твердым согласным и [e] перед мягким на месте фонемы <e> [Там же: 294].

Подобная ситуация обнаруживается и в диалектных записях. Распределим примеры в зависимости от позиции и механизма перехода (фонетический или аналогический).

Фонетический переход в корнях:

Зь в'ер'овьчку ЭБРНГ-392, *с'обстры* ЭБРНГ-392, *шолкьвых* ЭБРНГ-392, *п'ок* ЭБРНГ-054, ЭБРНГ-369, и др.

Фонетический переход в суффиксах и окончаниях:

Изомн'ом л'он в'ес' А-0336, *плов'от* А-0260, *поид'ом с нам* А-0260, *пр'ид'от* ЭБРНГ-392, *пр'ипас'ош* ЭБРНГ-392, и др.

Аналогический переход в позиции конца слова:

Было еш'о на уч'аск'и разд'ел'енó А-0266, *с'ел'цó* ЭБРНГ-392, и др.

Данные современных костромских говоров, таким образом, подтверждают, что в говорах, отраженных в **Костр.**, фонетический и аналогический переход [e] в [o] к XVII в. прошел в абсолютном большинстве случаев, что вновь сближает их с ростово-суздальским диалектом и говорами центра.

В свете этих данных интересным представляется обнаруженный в **Костр.** пример, который может свидетельствовать о реализации фонемы <ě> в костромских говорах XVII в. на конце слова после [j] в звуке [e] и о равноправном ее участии в рассматриваемом процессе перехода [e] в [o]: *eo* gen. sg. 151 об.

Пример этот может свидетельствовать, во-первых, о последовательности аналогического развития этого процесса в костромских говорах XVII в. и, во-вторых, о ранней утрате фонемы <ě> в ударной позиции в костромских говорах.

Интересно, что в московских грамотах XIV в. буква **Ѣ** всегда пишется этимологически верно за исключением форм родительного падежа единственного числа женского рода неличных местоимений, где она часто заменяется буквой **е** [Галинская, 2015: 309].

Здесь следует вспомнить и приведенные выше примеры замены **е** на **Ѣ** под ударением перед твердыми согласными: *бобыльѣк*, *лѣвка*, *нефѣ*¹² и др. Похоже, что по представлениям писцов **Костр.** буква **Ѣ** могла достаточно свободно употребляться в позиции фонетического перехода этимологического [е] в [о], что можно связать с примерами ёканья на месте старой фонемы <ѣ> (примеры типа *р'окá*) в южной части владимирско-поволжских говоров, т. е. опять же в говорах центра.

Говоря об изменении [а] в [е] в большей части северного наречия и среднерусских говоров, следует отметить, что в них передвижка артикуляции вперед и вверх никогда не заходит настолько далеко, чтобы результатом этих изменений оказался отличный от [а] гласный звук [Аванесов, 1949: 54].

Нелишним будет отметить, что данная особенность, будучи яркой диалектной чертой, легко утрачивается при знакомстве с литературной нормой или с речью носителей других диалектов [Копосов, 2000: 63].

Изменение [а] в [е] в **Костр.** представлено крайне немногочисленными и спорными примерами: *кне³ о^ндрѣвѣича* gen. sg. 856 об.; *мишенино* 642; *про³вище замѣ^нка*¹² 647; *шепину*¹³ dat. sg. 124 об.; *ѣ не^н че^нчи*¹⁴ 154 х2.

В **Костр.** обнаруживается также некоторое число возможных косвенных и гиперкорректных отражений данного фонетического изменения, однако все они требуют чрезвычайно большого числа допущений для принятия фонетической трактовки обнаруженных написаний.

Двух наиболее убедительных примеров-возможной гиперкоррекции: *клемя^нтѣ*¹⁵ nom. sg. 624 об.; *клемянтѣ^е* nom. sg. 948; – для каких-либо обоснованных утверждений явно недостаточно.

По данным ДАРЯ в современных костромских говорах более или менее регулярный переход [а] в [е] между мягкими согласными представлен лишь в лексеме *опеть* небольшими ареалами на юге, севере и западе. Через Солигалич и южнее Кологрива проходит изоглосса, к северу от которой переход [а] в [е] осуществляется без лексических ограничений, но на юге рассматриваемой области данное явление представлено на карте лишь островами и в единичных случаях [ДАРЯ 1: 43].

Подтверждаются эти данные и данными монографии [Образование... 1970], где сообщается, что этимологическому [а] в костромских говорах в ударенном слоге соответствует [а] перед твердыми и перед мягкими согласными [Там же: 296].

¹² Здесь возможна описка и влияние буквы следующего гласного.

¹³ Ср. *щатина* gen. sg. 125.

¹⁴ Здесь можно предположить предвосхищение буквы гласного в следующем слове. Впрочем, числительное здесь могло быть и безударным, поскольку данное сочетание (а также пример *кне³ о^ндрѣвѣича*) могло представлять собой одно фонетическое слово с одним ударением на второй словоформе, тогда как первая проклитизировалась.

¹⁵ Ср. *клемя^нтѣ*^е 740, 740 об.; *клемя^нтѣева* gen. sg. 752; *клемя^нтѣеву* dat. sg. 742; *клѣмя^нтѣ^е* 754 об.; и др.

В диалектных записях рассматриваемое явление встречается очень редко: *a в д'ёўкѣх ту пр'ёл'и* ЭБРНГ-392, *б'из огн'а качéју* ЭБРНГ-392, *гул'ём фс'и уш* ЭБРНГ-392, *и он'ёт' ф колóд'ец'* ЭБРНГ-392, *исправл'ёл'и* ЭБРНГ-392, *исправл'ём фс'и* ЭБРНГ-392, *он'ёт' х2 А-0260, стојёл'и* ЭБРНГ-374. Их материал, таким образом, не опровергает данных памятников деловой письменности.

Следует признать, что переход [а] в [е] между мягкими согласными на рассматриваемой территории никогда не был распространен широко и представляет собой часть комплекса фонетических особенностей, связанных с древненовгородским диалектом и вологодскими говорами, а потому не характеризовал основного массива костромских говоров в XVII в., как не характеризует его и сейчас, что вновь сближает костромские говоры с говорами центра.

Таким образом, рассмотрев особенности ударного вокализма костромских говоров XVII в., можно с уверенностью заявить, что уже тогда они характеризовались рядом фонетических особенностей, свойственных ростово-суздальскому диалекту и унаследовавшим его традиции говорам центра (пятифонемный ударный вокализм, последовательный переход [е] в [о], отсутствие перехода [а] в [е] между мягкими согласными). Связь эта, прослеживаемая в материале **Костр.**, несмотря на проникновение ряда вологодских (древненовгородских по происхождению) черт с севера, впоследствии не была утрачена и сохраняется в современных костромских говорах.

Литература

- Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М.: Учпедгиз, 1949. 335 с.
- Бегуниц И.В.* Фонетический строй белозерско-бежецких говоров первой половины XVII в.: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006. 251 с.
- Виноградов В.В.* Исследования в области фонетики северновеликорусского наречия: очерки из истории звука *гъ* в севернорусском наречии // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук. 1919. Пг., 1922. Т. XXIV. Кн. 1. С. 150–245.
- Высотский С.С.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М.: Наука, 1967. С. 5–82.
- Галинская Е.А.* История формирования говоров Ладого-Тихвинской группы (Фонетика. Фонология): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1985. 227 с.
- Галинская Е.А.* Историческая грамматика русского языка: Фонетика. Морфология. М.: Ленанд, 2015. 416 с.
- Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. 1: Фонетика / Под. ред. Р.И. Аванесова и С.В. Бромлей. М.: Наука, 1986.
- Зализняк А.А.* Древнерусское ударение: общие сведения и словарь. М.: Языки славянской культуры, 2014. 728 с.
- Копосов Л.Ф.* Вологодские говоры XVI–XVII в. по данным местной деловой письменности: Фонетика и морфология: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1971. 21 с.

- Копосов Л.Ф.* Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология): Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2000. 234 с.
- Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (По материалам лингвистической географии) / Отв. ред. В.Г. Орлова. М.: Наука, 1970. 456 с.
- Лопухина А.А.* Фонетика холмогорского и шенкурского диалектов XVII в.: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011. 229 с.
- Русская диалектология / Ред. Л.Л. Касаткин. М.: Просвещение, 1989. 224 с.
- Сущева М.В.* Орфографические нормы и возможности отражения диалектных особенностей в деловой письменности первой половины XVII в. (на материале документов г. Великого Устюга): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1974. 231 с.

Семантика общерусских глаголов с корнем *мер/мир* в архангельских говорах¹

Одним из важных научных направлений кабинета диалектологии МГУ является работа с семантикой общерусских слов в пространстве диалекта. Семантическая структура общерусского слова в диалекте и в системе литературного языка не совпадает. Так, О.В. Загоровская пишет: «Несовпадение в семантике общерусских слов в системе ЛЯ и системе территориального диалекта – явление обязательное. Любое слово в говоре имеет специфику в своей семантике хотя бы на уровне одного из компонентов значения» [Загоровская, 1990: 179]. Р.Т. Гриб, отмечая то же явление, утверждает, что «в большинстве случаев в говорах развивается особое, специализированное диалектное значение общенародного слова, что является отражением общего процесса лексической дифференциации диалектной лексики, обусловленной экстралингвистическими факторами» [Гриб, 1988: 62]. Каждая лексема в совокупности ее значений является частью системы языка – литературного или диалектного, тем самым ни объем значений, ни стилистическая маркированность, ни концептуальное содержание этих лексем не могут совпадать полностью. На это обращала внимание и О.Г. Гецова: «Отличия лексики говоров от лексики ЛЯ могут идти сразу в нескольких направлениях – слово диалектное может отличаться от слова литературного (и, как правило, отличается) сразу в нескольких аспектах» [Гецова, 1970: 37]. Е.А. Нефедова считает, что «общерусские слова обычно не имеют “культурного” своеобразия в своих исходных значениях, но обнаруживают специфичность коннотаций, проявляющихся в семантической и словообразовательной деривации и фразеологии» [Нефедова, 2012: 124]. Н.Г. Ильинская отмечает, что «общерусское слово в ЛЯ и в диалектных системах живет самостоятельной жизнью, являясь частью этих разных лексических систем, хотя и имеющих, бесспорно, общие точки соприкосновения» [Ильинская, 2001: 363–364]. Именно поэтому «в последних выпусках АОС общерусское слово представлено во всей совокупности его значений, в том числе и значений, не обнаруживающих отличий от литературного языка. Такой подход прямо соотносится с принципом системности словаря» [Нефедова, 2018: 68].

Материалы архангельских говоров позволяют предположить, что для развития значения в диалектной системе оказывается крайне важным также наличие этнокультурной составляющей, которая влияет на появление новых метафорических значений. Иное осмысление действительности и отражение ее в системе языка мы видим не только в развитии семантики, но и в существовании идиом, неизвестных ЛЯ.

На примере общерусских глаголов с корнем *мер/мир* мы рассмотрим, как именно происходит развитие значений внутри диалектной системы, какие семантические отличия мы можем наблюдать в связи с функционированием слова в диалекте.

Исследование проведено на материалах Архангельского областного словаря [АОС], его картотеки, собственных наблюдений автора в диалектологических экспедициях. Большое ко-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00027).

личество материала, использованного в данной работе, впервые было опубликовано в тексте кандидатской диссертации [Коконова, 2011].

Мереть

В русском литературном языке глагол *мереть* имеет два значения: ‘погибать, умирать (во множестве)’ и значение ‘замирать (чаще о сердце, о дыхании)’ Кроме того, в словарной статье Большого толкового словаря под ред. С.А. Кузнецова [БТС] отмечается фразеологизм *мухи мрут*.

В архангельских говорах значение ‘погибать’ также является основным значением анализируемого глагола: *Гиптіл давнó извѣсно, што врѣдно, вот и мрут. У нас сѣйгот крѣпко мѣрло людѣй-то.*

Этот глагол применяется и по отношению к животным: *Чем собаке мереть, лежать на пороге, давай ей убйом. Скот-то мрѣд да мрѣт.*

Причины смерти людей, зафиксированные в контекстах употребления глагола, – голод, болезни, старость, война: *Люди гинули, мѣрли од голода. Раньшэ их мѣрли, малыньки-те, какая-нибуть болесь, а я вот послѣдыш, от фсѣ и живу. Испанка была, домами мѣрли. Мерли веть, врацѣй не было. Заболят – некому лецить. Нарот старый стал мереть. Мужыки-то на войнѣ мѣрли.*

Так как голод – одна из основных причин смерти, глагол *мереть* развивает значение ‘голодать, нуждаться в пище’: *Шыпко мѣрли народ-от (в войну). А я не мирала, ничѣ. Я уш мереть-то не согласна. Я не согласна мереть-то, много не надо (есть), а малынько (есть небольшими порциями). А здѣшни пенсионеры, мри да доживай как хочеш. А раньшэ не мѣрли, до войны не мѣрли. Мы мереть не мирали, а тижоло жыли. В войну мѣрли, голодовали. Мѣрли, вот мы йешишó молоды голоду хватили.*

В результате метафорического переноса возникает значение ‘испытывать чувство голода, недоедать’: *Только сами-ти йешите, не мрите. Хватит, наверно, мереть-то бедньенькому (поросенку; пора кормить). Фсѣ равно вить варю, не мру. Нацѣт питания не мѣрли. Ходи там по городу где-то, мри. Там они цяю напыюцца, а мы будем мереть. Не мрите, не дожыдайтесь (начинайте есть). Ну што делать, мереть не будеш, голодом-то сидеть не будеш. Мы веть супу поставим на день, не будем мереть. Мамка-то ничевó не пекѣт, мрѣм живѣм.*

На основе этого значения формируются фраземы *мереть голодом*, *мереть мором*: *Ланка мрѣт там голодом. Они берегут (фигуру), и потом голодом будут ходить мереть. А бес скотины как было жить – мором мрѣш. Они пойѣдут в Москву отйедатца, они здесь мрут, мором мрут.*

Кроме того, в архангельских материалах отмечается фразема *брюхо мрѣт* с тем же значением: *Брюхо мрѣт, гледеть не можно (на запущенные поля).*

Сочетание глагола *мереть* с творительным падежом существительного формирует значение ‘иметь недостаток в каком-н. продукте питания’: *Хлѣбом не мѣрла. Мрут молоком, а не держат корóф. Я сама картошкой мру (мало ее). Только што мы хлѣбом не мѣрли.*

В том числе речь идет о народных представлениях о том, что на том свете покойники могут испытывать жажду: *Родители мрут водо́й. На́до водо́й поминáть. Онí мрут водо́й-то. Вот ты захóчеш пить – мрѣш водо́й. Так онí то́жсо мрут.*

Глагол *мереть* часто встречается в противопоставлении с глаголом *жить*: *Жывѣм – не мрѣм. Жывѣм непло́хо – и не мрѣм. Тепѣрь-то не жывѣм, а мрѣм.* Эта антитеза усиливает основное значение глагола *мереть* – ‘погибать’.

Смерть связана также с отсутствием дыхания. Эта сема проявляется в переносном значении глагола *мереть* – ‘смеяться до изнеможения’: *Мы мѣрли хохотáли на парохóде. Он то́жэ мрѣд да хохóцет, смѣх долѣ́ет нас. Мру́т да хохóцют.*

Жизнь часто описывается через метафору огня, поэтому смерть может трактоваться как отсутствие огня, его затухание. Этот смысл реализуется в значении ‘потухать (об углях)’: *Кладе́ш в э́ту морі́льницу загреба́ш (угли), онó там и мрѣт.*

Значение ‘замирать’ в говорах также представлено, оно фиксируется во фраземах *душа мрѣт, сердце мрѣт* (о сильном страхе или волнении): *О́й, ду́шá мрѣт. О́й, што де́лайеца, ду́шá мрѣт. Я как фспóмню, так се́рцэ мрѣт. Уви́жу конѣ́й, дак се́рцэ мрѣт.*

Так как замирание часто связано с сильным страхом, возникает значение *мереть* – ‘бояться’: *Валы́-те бывáли. Сиді́ш и мрѣш на бере́гу. Бо́ишся.*

Фразеологизм *как мухи мрут* (о большом количестве смертей) также встречается в архангельских говорах: *Щя́с мру́т, как му́хи.* Этот фразеологизм может применяться не только для описания смерти живых существ, но и при описании преклонного возраста: *Го́ды-те бе́жáт, как му́хи мру́т, ста́рость на́катывайеца, йесь и молóжэ нас мру́т. Го́ды-ти как му́хи мру́т.*

Состояние смерти, как нечто окончательное, не подлежащее изменению, может восприниматься как эталон сильного желания (ср. литературное *до смерти хотеть, желать чего-н.*): *Жэ́ншына та́к у нас кури́ла, мрѣт, йесли не поку́рит.*

На основе семы окончательности, неотвратимости формируется значение ‘находиться в изоляции’: *Йому́ су́д был до́лгой, он мѣр (сидел в тюрьме). Мрѣт, сиді́т ф стена́х.*

Замереть / замирать

В литературном языке глагол употребляется в двух основных значениях: 1. Стать совершенно неподвижным; перестать двигаться, остановиться. 2. Остановиться, прекратиться; перестать действовать; затихнуть. Отмечается также оттенок значения ‘остаться произнесенным, невысказанным (о звуках, словах, упреках и т.п.)’. В архангельских говорах значения глагола *замереть* организуются в другую семантическую структуру.

Первым значением является ‘погибнуть’: *У не́й жэлýдог бо́лит, думали, замрѣт. Мнóго люде́й помира́ло до́рогой, замру́т да и поваля́ца до́рогой. А оді́н па́рень за́мер прѣ́м на до́роге. Оді́н запі́лся, другá замѣрла́.*

Причины смерти отмечаются те же, что и для глагола *мереть*: голод, болезни: *Ребе́нок-то за́мер од го́лоду, молока́ в грудя́х не́ было, прико́рму то́жэ не́ было. А бес коро́ф бы и з го́лоду*

замерли бы, а так фсе веть протянулись. Онí морóшку носíли, ворóчели-ворóчели, она́, вíдно, пересéлась да замерла́. Ёих ма́ло вороти́лося, се́ з голо́ду за́мерли, ма́но, почтí фсе прíмерли.

Для усиления значения глагола используется наречие *насмерть*: *В Ленингра́де ма́но замира́ло. Ма́но за́мерло на́смерть.*

Перенос значения с живого существа на неживое позволяет развить значение ‘прийти в упадок’: *Дерéвня замерла́ веть софсém. И в дерéвне тепе́рь фсе́ за́мерло. Ско́ро фсе дерéвни замру́т, попа́жы никако́й не бу́дет. Ра́не вéсело бы́ло, весно́й-то у нас о́собенно жы́ристо бы́ло, а тепе́рь фсе́ замерло́. Ницево́ нёт, молодéжы нёт, фсе́ за́мерло. У наз бы́ло Ка́рбатово. Букобора был колхóс. Медвéдево, Огру́шыно – вопи́э с лица́. Фсе́ дерéвни ве́дь за́мерли. Фсе́ это де́ло за́мерло. Фсе́ гря́зно, неци́сто фсе́, фсе́ за́мерло, затра́влено фсе́. Тепе́рь фсе́ у́мерло, за́мерло, фсе́ загло́хло.*

Смерть мыслится как исчезновение, поэтому глагол развивает значение ‘отмереть, отпасть, исчезнуть’: *У меня́ спи́рт комфо́рный, ма́ж, говори́т, замру́т (бородавки). Лиша́й, нёт-нёт, пятно́, замре́т, спыхне́т. или значение ‘ослабеть, перестать проявлять себя’: Сто́нку вы́пил, замéр зу́п, перестáл рва́ть. Онí (грыжи) з де́цтва у челове́ка завели́ся, за́мерли з де́цтва.*

Так как одна из основных причин смерти – голод, значение глагола *замереть* переосмысливается: ‘исхудать, ослабеть (от голода)’: *Кормо́ф-то нёт – скоти́на фся́ за́мерла. О́хтимне, замрите́, де́фки: не пьёте́, не йедите́, даг замрите́. А в Оне́ге-то одва́ не жывы́ домо́й при́е́хали, Ва́ня-то за́мер. Чевó-то хро́маит з голодо́фки, наве́рно, за́мер. При́е́деш домо́й, дак ма́ти устраи́ца, ска́жэ́т, порáто замерла́. Де́фки фсе́ у нас за́мерли, не зна́ем, цём откорми́ть. А му́ш таг замéр на войны́ од голо́ду, вот йего́ корми́ли. Ницево́ не хо́цю, софсém замерла́.*

Недостаток пищи может привести к тяжелому заболеванию, невозможности принимать пищу: *Он за́мер порáто, не мо́к йеду́ йёсь. Я замерла́ сейго́т, три дня́ в магази́н не ходи́ла. Из-за моло́ка и замерла́.*

На основе значения ‘исхудать, ослабеть (от голода)’ возникает значение ‘начать испытывать голод, проголодаться’: *Вре́мя-то два́ часа́, ужэ́ далéко четы́ре часа́, замере́ть мо́жно. Поди́те, вы́ попе́йте хоть где-нибу́ть чя́ю, замре́те. Не за́мерли оне́, пьóт молоко́, побéгат да пьóт молоко́. До шэ́сти чясóф не замре́те? Замрите́, пока́ ходите́. Поли́на, ты́ не замре́ш, у тебя́ тут и печéнье.*

В том же значении фиксируется фраза *замереть мором*: *Ино́гда нёту чя́ю, фсе́ мо́ром замру́т.*

Недостаток какого-либо продукта питания передается с помощью существительного в творительном падеже: *О́льга Олексе́вна ця́ьем за́мерла сегóдня. Водóй за́мерли. Вéк жы́ли, не за́мерли водóй.*

Уже описанное нами для глагола *мереть* значение ‘потухать (об углях)’ отмечается и для глагола *замереть*: *Уго́льйо замáривали в мори́льнице: насы́плют в мори́льницу, закро́ют кры́шкой, а оно́ замре́т. Замори́ть у́гли на́до, штобы онí за́мерли, ну́, што́п уш не горя́чи бы́ли. Кра́сный (уголь) накладéш, закро́иеш – онí задóхнуця. Онí та́м замру́т, бу́дут чéрные у́гли (в печи). Уго́льйо бы́ло в уго́льнице, оно́ хоро́шо не за́мерло. Вот пéчь вы́топим, у́гли вы́гребем,*

фсэх их, фсэ закрóйем, они́ и замру́т. Горячийе угли́ ло́жат ф корчя́гу, штоб за́мерли, не пога́сли. Э́ти угли́ спуска́ют ф трубу́, и гре́ют самова́р. Вынима́ем из ру́ской пёчки, морильница́ была́, морильницу́ закрóйем крýшкой, оно́ та́м замре́т фсэ́, и вот самова́р гре́йем. Горшо́к по́лно́й накладу́т у́голья, у́голь та́м замре́т.

Жизнь часто воспринимается сквозь призму метафоры роста и цветения, поэтому смерть может описываться как увядание, потеря влаги: *Се́но за́мерло, йего́ подня́ть и проду́ло бы. Со́лнышко́ бу́дет хорошо́ гре́ть, валки́ подни́мут, проду́ет (сено), оно́ за́мерло веть. Незамо́рно се́но, оно́ сыро́, оно́ неско́лько не за́мерло, оно́ трава́-травой́. Трава́ скоро́ бы замерла́. Воро́цять-то на́ть, ак эшио́ не за́мерло, трава́ скошо́на неда́вно, дак не замерла́. Она́ замре́т, трава́, руцно́й сто́йкой иде́т потка́шыва́ть. Ху́до сево́годы водо́й, фсэ́ за́мерли (растения).*

На основе семы 'потеря влаги' развивается значение 'зачерстветь': *Смотрите́, как у меня́ буханка́ да́ве заме́рла.*

Смерть воспринимается как изменение первоначального состояния, поэтому возникает значение 'дойти до готовности, подвергаясь термической обработке': *Ф пёцъ поста́влю, он у на́з замре́т. Мали́ник зама́ривали, кладё́, он там замре́ ф чюгу́н. Он замре́ там, роспа́рыцы, пото́м высуша́ и ф ца́й зава́риваюм.*

Если жизнь ассоциируется со светом и теплом, то смерть воспринимается как холод, что позволяет развиваться значению 'погибнуть от воздействия низкой температуры, вымерзнуть': *Ра́но весна́ была́ – и фсэ́ поме́рло и фсэ́ замерло́. И фсэ́ замерло́ от си́вера. А на пру́тики каку́ю него́жу ря́ску бро́сят, штобы́ не заме́рло. Карто́шка-то фся́ замре́т. Они́ (виш) бы, мо́жот, заме́рли. Они́ заме́рзли, за́мерли (тараканы́), а также значению 'замерзнуть, озябнуть': *Вы за́мерли? Меня́ тако́й озно́б взя́л, ф фуфа́йке та́к и замерла́. Хо́лодно, у Са́шы не то́пица, не заме́рли? В ва́ленках по та́лу по лу́жам в ва́ленках ва́лим, одва́ и в до́м попа́ли, за́мерли фсе. В ло́тке пока́ везё́ш, дак и замре́ш.**

С этой же семантикой связано значение 'покрыться льдом, обледенеть': *О́сенью де́ло бы́ло, кули́ги-то ста́ли, Двина́ каг заме́рла, ры́ба ту́т и повыска́кивала. Доро́ги-то ужэ́ фсэ́ за́мерли.*

Смерть – это отсутствие движения, неподвижность: *Замри́, замри́ ра́ди Христа́. Кабы́ть ве́зь за́мер (от удивления́ и испуга). Чюжа́ ба́нка коро́ву-то дои́ла, он ы́ за́мер (от удивления́).*

С отсутствием движения, невозможностью двигаться связан сильный страх или волнение. Это значение реализуется во фраземе *замре́т (замерло) сердце́*: *Я́ так ходуно́м заходи́ла – я́ йей и сло́ва сказа́ть не могу́, и се́рце́ у меня́ за́мерло. Мнё́ си́сь (сесть на карусель) – мне се́рце́ замре́т.*

В переносном смысле отсутствие движения может мыслиться как отсутствие химической реакции: *Со́ду-то грит Лекони́да, на́до заморе́нную, на́до у́ксуса лenúть да горя́чей водо́й да. Кипетко́м йейо́ оболью́т, даг замре́т.*

Помереть / помирать

В литературном языке этот глагол развивает такие значения, как: 1. Перестать жить; 2. Лишиться сил, изнемогая (под воздействием каких-л. сильных ощущений, чувств, страстей и т. п.).

В архангельских говорах первое значение глагола совпадает с литературным 'перестать жить': *Баба померла скоро. А Лёша-то был Безуёмный – помер, и Дунька померла. Мы местные, вековёцные – мы здесь родились, здесь и померём. Раньше как помрут, этих покойников – запричитали, аж за сердце берёт, причитальщицы были. Иесли покойной померёт, женщину валя на жэньску лафку, а мушину – на муську, скамейку пристава ещё, ли стульйо, ли што ли. Как старуха померёт, дак ф синяк (сарафан синего цвета) поваля, готяном (тесьмой) красным опшивали.*

В качестве причин смерти в контекстах фиксируются болезни (в том числе насланные колдунами), тяжелые роды, младенческий возраст: *Она не вдолги немогала, с этого испугу и померла. Она меня вывела (из бани), наредила как цюцелу, штобы никто не изуроцил – можэт кто-то поглядеть: молодá, да добра, да много не намуцилася, дак ызуроцит. А от урокоф человек помереть можэт: поднимеця температура, а я-то уроцелива была. Заболела почками, померла сестра. Зарыли старушку, от рака померла. Пёрва-то жонка в родах померла, жывотом вымали. Одна годовá померла да полугодовой мальчик, шэсть месяцев. Помирают люди вездé и разными видами. От исполоху много помирают, от прикосу много помирают.*

Смерть от голода представлена в виде сочетаний *голодной смертью помереть, помереть с голоду*: *Фсё времечко болела, пишишы несколько не запускала. Перехряпнет в горле, перехряпнет, пишишы несколько не запускала. Она ужэ ницево не запускала, голодной смертью померла. Иесли на голы зубы, так можно з голоду помереть.*

Глагол *помереть* употребляется и по отношению к животным: *Собачка была така дружэлюбна, но ейо затрясло, померла. У них корова померла, Иван Йегорыч у пропащей коровы задницу отрезал.*

Для описания быстрой, неожиданной смерти применяется сочетание *помереть врасплох*: *Вáся помер врасплох, по-быстрому, то и дало в голову.*

Неотменимость процесса умирания фиксируется в сочетании с наречием *до смерти*: *Бывало горели с вина, до смерти помирали.*

Смерть как неизбежное окончание жизненного пути может оцениваться как *хорошая, добрая* (естественная смерть от старости) или *нехорошая, худая* (убийство, самоубийство, смерть от пьянства): *Померли доброй смертью фсе. Хочю хорошей смертью помереть. Помирала-то она хорошó: в углу не заволялася. Померёт от нехорошой смерти, ф свою волю жывет. Он там каким путём он помер, добрым ли худым. И вот эта фся семья худой смертью помирают.*

О человеке, умершем нехорошой смертью, говорят: *Жыл – не человек и помер – не покойник. Ни Бóгу свечка, ни чёрту кочерга.*

По народным представлениям, не может умереть хорошей смертью и колдун. Колдуны умирают тяжело и обязательно должны перед смертью передать свой дар другому человеку: *Икотник по-хорошему не можэт помереть, пока не передаст свойо знатийо. Скоро уи померёт эта старуха, кому передаст свойо знатийо. Они (колдуны) не извелись веть, они здыхают да учят детей, сами-то помирают, да штоп лёхче помереть – учят, коверкают.*

Смерть предопределена от рождения (на роду написана): *Нарожáлись, а тепёрь фсёх забирáт. Кажный целове́к по́д Боуом. У кáжного целове́ка сьме́реть напи́сана на роду́. Вот ты роди́лась – и когда́ ты помре́ш, како́й сьме́ретью.*

Каждому отмерен свой срок жизни (век): *Не узна́ш веть, како́й ве́к у кого́. Пока ве́к и́есь – жы́ву́ и помере́ть не хо́чу, стра́х берё́т. Пенсию плóтят хоро́шу зарóблену, так ве́к коротáй-еция, нáть помира́ть. А э́то на нёрвы влия́ет, пошто́ помира́ть фперё́т ве́ку! Я го́ря мно́го, мно́го хватíла, тепёрь бы жы́ть-то: не б́ита, не колóчена, и де́нешки принесу́т (пенсию), а ве́к коротáйеца, нáть помира́ть!*

Это же представление отражено в пословице: *Фсё́ говорáт: мо́лодосью не жы́ть – ста́росью не помере́ть. Мо́лодосью не жы́ть, и ста́росью не помира́ть.*

Слишком долгая жизнь оценивается негативно: считается, что человек прожил отмеренное ему время и теперь живет чужой век: *Ну, мне́ во́семьят четвёртый, помира́ть на́до, чюжо́й ве́к-од жы́ву́. Поэтому́ по достижении определенного возраста человек начинает готовиться к смерти: *Однí го́ды у на́с, дак ка́г жэ́ мне́ не сряжа́ция помира́ть?! Вре́мецько да́леко ста́ло, нáть помира́ть.**

Раньше предопределенного срока нельзя умереть, нужно ждать, пока смерть не придет: *Сме́рть не иде́т, дак не помре́ш.*

Смерть у каждого своя: *Дьк вот та́к, дак вот ско́лько рас у сьмерте́й бы́ла да не померла́.*

Человек, пытаясь узнать, сколько жизни ему отмерено, обращается к приметам и гаданиям. Так, смерть предвещают:

Падающая звезда: *Как на не́бе и́есьть звёзды-ти, дак онí друго́й рас па́дают, говоря́, фсё́ равно́ как извешчáют, не зна́ю, как по-божэ́ственну-ту сказа́ть-то. Э́то перет поко́йным, кто́-нибудь помре́ в роду́-то.* Н.Н. Велецкая пишет о подобных представлениях так: «Со звездами связано жизненное начало человека. У каждого – своя звезда. С рождением она появляется на небосводе. Со смертью же происходит падение ее, либо туда уходит дух умершего (что в значительной мере определяется его действиями на земле, в последний период жизни в особенности), который через некоторое время в ином облике может снова вернуться на землю» [Велецкая, 1978].

Птица канюк: *Пти́ца и́есь каню́к – большá такá пти́ца, фся чёрна, го́лос толсто́й. Когда́ прилети́т, над дере́вней кру́жыт, ска́жут: ско́ро кто́-то помре́т, в дере́вни поко́йник бу́де́.*

Кукование кукушки: *Пе́рвой рас услы́шыи куку́шку: в глаза́ (спереди), говорáт – пла́кать, зза́ди – помре́ш, справа́, с пра́вого уха́ – г добру́, а ле́во – не г добру́.*

Смерть домашних животных: *Скоти́на гинет пе́ред голово́й, то́ ли помре́т хозя́ин ли хозя́йка.*

Неподжарившиеся, бледные именинные пироги: *Пирогí штóп именни́нны зажа́рились, и́если зажа́рны пирогí – везь го́д бу́деш жы́ть хорошо́, здоро́вая бу́деш, а моде́льйе (бледные) – как (если) не помре́ш, пло́хо, боле́ть бу́деш.*

Замерзшие «ямкой» во время гадания вода или сало: *Лóшки замора́жывали, водо́й нальи́-о́м, кака́ лóшка на ково́ пу́пышэм заме́рзнет – таки́м бугорко́м, прожы́вёш, и́если я́мкой, то́ помре́ш (гадание). На са́ле гада́ли, ростóпит са́ла ф крíнке в гли́няной, поста́вит ф коридóр*

на морос. Йёсли оно застынет когда, йёсли – это мать у меня ворожыла – йёсли ямка ф середине образуйеца, то ф семьёе кто-то померёт ф теченийе года.

Увядшее растение: «Я сейгот помру, я заломила две кропивины, твоя отросла, а моя – нет» – и той зимой.

Звук падающих досок при гадании: Доски – это значит померёт человек, гроб делают, доски посыплюца, што привидеца, то и збыдеца. Оцртилася – и только на кладбишиэ доски загремели, а рукавицей (очертилася), на руке рукавица. Снежок сполола, доски-те загремели, мати умерла – я большэ и не гадывала, в руки не брала.

Вой собаки на кладбище (при гадании): Приговариваи (при гадании): «Где-ка сужэный мой, там собацька звой», – быват, каку собаку где не запустят ф комнату, дак она и залайтот. На Рожэствó ходили ворожыли. Дёфки возьмут ф подол снэк и трясут – полю-полю росу на девицью красу. Где-ко сужэный мой, тут собацька звой. У дёфки на кладбище зыла собацька – она того жэ году и померла.

Увидеть гроб или могилу при гадании: Грób высмотрет нова-то – и померёт. Выглядят грób, могилу, деушка выгледела могилу и померла.

Увидеть во сне лодку: Лóтку как вытяну на бёрек и опружу – это к покойнику, в роду кто-ле померёт. Я уви́ду во снѣи каг бы́стру во́ду – бежыт, и лóтка – обезáтельно кто-то померёт. Этот образ связан с рекой как пространством между миром живых и миром мертвых.

Потеря чего-н. во сне: Вод говорят, во сьне што-то своё потерял – там сапоги, вод бли́ский человек померёт.

Неизбежность процесса умирания, смены поколений можно увидеть в сочетании жила и была: Севóдня жыва́, на поли копáйеся-копáйеся – и померла! Ска́жуд: жыла́ и была́. Эво померѣи, ска́жуд: жыла́ и была́.

Смерть в народной культуре представляется законом природы, одним из обязательных этапов жизненного цикла человека: Рожда́юцца, штоп потóm померёт, устро́ена жысь так, значит, так на́до. Э́то зако́н приро́ды, ничѣ не измениши, не переверне́и.

Смерть мыслится как расставание с душой: Душá не выхóдит, никуда́ не девáйеесе. Душá не выхóдид, дак не померѣи. Ф худы́у душáх лежы́т, помира́ть ла́дит. Это расставание может описываться как борьба в случае тяжелого процесса умирания: Ужэ́ з душой бóреца, а не мóжэд дóлго померёт, уш посылéдни здóхи.

Словосочетание из (с) души опуститься (спуститься) описывает расставание тела с душой: Жóнка бóле из души́ опусьтíлася – померла́. Мáло вре́мё она́ помира́ла, з души́ спуска́лась.

На тот свет человек уходит, ничего не взяв с собой: Целовéк померёт, фсѣ остáнецца, ницего́ фсобой не понесёт.

Каждый покойник должен быть предан земле: Помрѣи, даг жы́во захорóнят, жывѣхонько в зéмлю закопáют, любóваца не бóдут. Помру́, закíсну, в я́шиык заколóтят.

Существует представление о том, что в загробном мире душа должна забраться на высокую гору: Хто́ померѣ́, да на нёбе бóдет на горóу грабáстать. Поэтому старики часто собирают и хранят остриженные ногти: Стригóут (ногти с рук) – в одно́ мéсто соберóут – и за

па́зуху: помрём – даг Господь застáвит нас на гóру лéсть высóкую, так náдо нóкти-ти, с ноктэми-ти лéхче лéсть-то, захвátимся за чегó-нибутъ.

Фиксируется также значение ‘смеяться до изнеможения’, уже отмечаемое нами для других глаголов: *Дотогó додохотáла, чióть малéнько не померлá. Дотогó додохотáли, сóпли побержáли. Она́ смека́та былá, фсéх вýсмешыт, дак мы́ сó смеху помрём.*

Умереть / умирать

В нормативных словарях фиксируются значения: 1. Перестать жить (о человеке). Перестать существовать, погибнуть (о растениях). О животном (к которому человек испытывает привязанность, доброе отношение и т. п.). 2. Стать мертвым, безжизненным; исчезнуть как место обитания кого-л., произрастания чего-л. Прекратить свою деятельность, пропасть (о явлении). Остаться в прошлом (об общественных явлениях). 3. Исчезнуть, бесследно пропасть; перестать ощущаться (о чувствах, переживаниях, воспоминаниях и т. п. человека).

В говорах первое значение также является самым частотным: *Лáдила умру́, дак лéхче. Заумира́т, заумира́т, а умерéть не мо́жэт.*

Сочетаемость глагола *умереть* показывает, какие параметры диалектоносители считают важными в процессе умирания. Так, умереть можно *худой смертью*, т. е. покончив жизнь самоубийством: *А худóй смёртью у́мер, повéшался.*

Хорошей смертью является та, когда человек уходит еще полным сил, не страдая от тяжелой болезни, имея возможность двигаться: *До смёрти дожы́ть не тák, што со сво́их нок умрёи, náдо жэ и уха́жывать. Náдо дожы́ть што с нок и в грóп прýмо, штóбы не лежáть, а срáзу умерéть.*

Кроме того, важно умереть от естественных причин. Такую смерть называют *доброй, хорошей*: *Бывá ужэ дóброй смёртью умрём. А кáк у́мер – дóброй ли смёртью, а то запи́йся или повеси́йся. Оппи́лась, от винá умерлá, хорóшэй смёртью не умрёи. Она́ тóжэ хорóшэй смёртью не умрёт (пьет). Важно умереть быстро и легко, не мучиться: Тóлько бы не залежáце, умерéть. У́мер-то как вдру́к, не залежáлся дак.*

Умереть можно быстро, неожиданно: *Сын у́мер скоропосьтíжно.*

Невозможность отменить смерть выражается в сочетании глагола *умереть* с наречием *насмерть*: *Крéпко он тогдá угорéл, муци́на насмерть у́мер, а з жэньщиной отводи́лись.*

Валентность причины реализуется в грамматических формах *в чем, чем, от чего, с чего, с чем*: *Сын у́мер в ра́ке. Болéзнь былá – жэлу́ницей назывáлась, у меня́ сестри́ца дак и умерлá в йей. У меня́ сестра́ умерлá в óстице, их двóйе болéло, однá вýстояла, а нáша померлá. Она́ умерлá жэлу́тком ф сóрок шэстóм году́. Мáма, дак тá сэ́рцэм умерлá, а отéц тифом. Наши́ Алексе́й ра́ком у́мер. Так бра́т от винá и у́мер. Никудá не дéнешся, от сво́их рук неохóта умира́ть, так уж жы́ть náдо. Пётя через до́рогу тóжэ у́мир с винá. Дак она́ веть бédная, с ви́ном-то и умрёт.*

Как и в литературном языке, глагол *умереть* описывает смерть не только человека, но и животных, а также микроорганизмов: *Корóва умерлá, дак не застраховáла. Тёлка умерлá. Микро́бы умира́ют, они́ фсе убивáюцца.*

Смерть мыслится как окончание существования, естественный процесс, происходящий своим путем: *Не диво болеть, не диво умереть.*

Нельзя знать срок своей смерти и умереть до того, как он наступит: *Молоды́м, гоорят, не жыть, а старосьти не умереть. Не умрешь – жив будеш, хер помрешь! Смерти нету, дак не умрешь бес смерти. Хотела п умереть, да не умирайеца. Надо умирать, да не умирайеца. От безделья бы умереть-то, не умирайеца. Умередь бы надо – смерти нет, а живот худой. Кому́ говорят ф какіу годах умереть – уи ы трицяті лет, и до сорока лет.*

Смерть предвещают разного рода приметы.

Необычное поведение птиц, животных: *Мужыку-то умереть – она ведь (курица) закукоркала, только немо.*

Стук, открывание дверей: *Саму́ таг заколотит. Во таг заколотит, заколотит. У меня болел муш, надо умередь было, вдрук ворота: крющек скинулся ис петли, ворота открываюца – и такі тяжолыие шагі, и это каг дернет засоф! И нихто и не постуцл. Аж заколотило фсю, я испугалась. С полцяся прошло, и он умер. Смерть пришла дак.*

Интересно сочетание *хоть бы стоя умер*, относимое к человеку, делающему что-то не по правилам, наносящему вред: *Что это вот придумал, дак ходь бы стоя умер, званья оно дикоё задумано.*

Анализируемый глагол также описывает потерю сознания, которая мыслится как кратковременная смерть: *Дэфкой-то в лісе фсе робыла. Подняли, привели в баню – я умерла (обморок). Умерла-то (упала в обморок), фся истекла кровью. Не стала болеие умирать-то (падать в обморок).*

В говорах мы наблюдаем и значение ‘плохо себя чувствовать’, характерное для разговорного языка: *Когды жарко было, я тогда умирала.*

Значение ‘испытывать чувство голода’ фиксируется и для этого глагола, хоть и менее характерно для него: *Вы одні-то замрите, умрите, чё не иедите? Захотели – и кушайте.* Отмечена также оппозиция *мереть-жить*, усиливающая то же значение: *А скот мруд-жывут, зимой одва дотянут. Мамка-то ницего не пекет, мред-жывет. Умирать неохота, охота цё-то пойесь.*

Еще одно уже известное нам значение ‘перестать гореть, погаснуть’: *Углей намориш, в морильницу наложыш, ведро такó на ношках, крышкой закрыйеш – угли там умрут – не будут гореть. Умирает в ней уголь (в морилке). В эти чугуны ложыли угли – так накроют крышкой, и они там умирают.*

Интересно, что глагол *умереть* дает сочетаемость со словом *свет*. Сочетание *белый свет умер* означает слепоту: *Хватилась делать операцыю, когды уи весь белый свет умер (ослепла).* В сочетании *свет в голове умер* имеется в виду потеря сознания: *Я-то чюствовала, што голова закружыло, свет в голове умер.*

Для этого глагола также выявляется компонент значения ‘потеря влаги, увядание’: *Умерла малина. Она гыт, чё капуста умерла у вас. Запашеш, умреш рощи-то. Картошка легла, умерла. А у ией – как не посадим – се умерло (в огороде). Кабачки у меня фсе умерли. Помидоры умерли первыие. Надо было бы заливать. Вот прошлый гот дождя не было, так фсе умерло.*

Сéно не просóхло, не ўмерло йещé. Капу́ста умира́. Я как посажу́ – у меня́ ницé не умира́йт, не бывáйт, штоп оно́ погíнуло.

На основе генерализующей метафоры происходит расширение значения: умирать, т. е. исчезать, пропадать, могут не только живые существа, но и другие объекты, например деревни: *Марíнина – это на́ша, а тепéрь уш нéту, она́ умерла́, мно́го деревéнь ўмерло. Как лю́ди умира́ют – так ы деревни. Дерéвня умерла́, дак нéчэго и говорíть о нéй. Умерла́ деревня́ фся, идéш как на кла́дбишче. Неперспектíвныйые деревни ўмерли. Вíдите, как умира́йт деревня́, йéсли госуда́рство не бу́дет помогáть, то вопцé.*

Фиксируется значение ‘испортиться (о погоде)’: *Пого́да умерла́.*

Можно выделить также значение ‘переставать функционировать’: *Э́тот глас стал умира́ть софсéм.*

Значение ‘замирать’ фиксируется в сочетании со словом *сердце*: *Сéрцэ умира́йт на самолéте. Хúдо жы́ли, ковды́ фспóмню – кабы́ть сéрцэ умира́й. Ой, как подúмаю – сéрцэ умира́йе. Ф по́лэ сходи́ла, посмотрэ́ла, дак сéрцэ умира́йот. У́бсподи, дúмаю, лúтшэ бы слéзла, сéрцэ умира́йо. Обрáтно летéть – у меня́ сéрце так и умира́т. Умира́йт сéрце-то вот иттí к нему́.*

Значение ‘замирать’ реализуется также в устойчивых сочетаниях. Так, фразема *душа умрёт* имеет значение ‘сильно беспокоиться, переживать’: *Пря́мо веть ду́шá умрёт, как тепéрь рабо́тают, чéсноё сло́во*; а сочетание *сердце умерло* говорит о сильном страхе: *Ой, ой, дак веть сéрцо ўмерло.*

Уже отмечавшаяся нами сема предельности реализуется в значении ‘испытывать сильное желание’: *Я умира́ю о гриба́х-то.*

То же глагольное управление может встречаться и в значении ‘тосковать, думать о ком-н.’: *Сыновья́ до смéрти йéво умира́ли об нём, как он задави́лсе. Умира́л об нас.*

Сема ‘недостаток воздуха, невозможность вздохнуть’ нашла отражение в значении ‘смеяться до изнеможения’: *До тогó дороска́зывает, ф покáтоцьке умира́т. Такийе чясту́шки за-лихва́цкиие пою́т – мо́жно умерéть, там про лётчика́ была́...*

Заключение

«Смерть – прекращение, конец, “отсутствие” жизни, ключевой концепт традиционной картины мира; противопоставлен концепту жизни и рождения; в народной антропологии осмысливается как переход из земного в “иной” мир, как начало загробного, вечного существования» [Толстая, 2012: 58]. Многие представления о смерти раскрываются в значениях глаголов с корнем *мер/мир*, в их сочетаемости. Развертывание семантической структуры этих глаголов позволяет четче увидеть, какие семантические признаки важны для народного самосознания. Это особенно важно потому, что «представления о смерти, загробном мире, о душе сложны, противоречивы, непоследовательны. Славянская народная традиция и отрывочные свидетельства древнеславянской письменности, а также весьма малочисленные иконографические изображения донесли до нас рудименты языческих представлений и обрядности, которые являются в сущности трансформированными, смещенными и в значительной мере переосмысленными элементами древнеславянской культуры» [Велецкая, 1978].

Посмотрим, какие семантические признаки оказываются наиболее важными в значениях анализируемых глаголов.

	Прекратить существование	Голодать	Испытывать чувство голода	Смеяться до изнеможения	Потухать	Испытывать сильный страх, волнение	Испытывать сильное желание	Находиться в изоляции	Прийти в упадок	Исчезнуть	Увянуть, высохнуть	Погибнуть от воздействия низкой температуры	Потерять сознание	Тосковать
Мереть	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-
Замереть / замирать	+	+	+	-	+	+	-	-	+	+	+	+	-	-
Помереть / помирать	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Умереть / умирать	+	-	+	+	+	+	+	-	+	+	+	-	+	+

Из таблицы становится понятно, что большая часть глаголов развивает значения, связанные с голодом, смехом, потуханием, сильным страхом или волнением. Значения, связанные с голодом, имеют в своей основе одну из главных причин смерти – недостаток пищи. Значение ‘испытывать сильный страх, волнение’ связано с замиранием, как бы краткой остановкой сердца, что также относит к одной из причин смерти – остановке сердцебиения. Значение ‘смеяться до изнеможения’ можно объяснить тем, что человеку становится трудно дышать, а остановка дыхания – это также очевидный признак прекращения жизнедеятельности. Значение ‘потухать’ имеет в своей основе метафору «жизнь – горение, свет», через которую смерть осмысливается как отсутствие огня. Другие, менее частотно представленные значения также метафоричны: смерть как исчезновение, увядание, замерзание описывается многими этнолингвистами. Интересно развитие значений, связанных со свойством предельности смерти: смерть неотменима, сильнее нее ничего нет, поэтому она становится эталоном сильной тоски или сильного желания, а также изоляции.

Наиболее разветвленной структурой значений обладают глаголы *мереть*, *умереть* / *умирать*; меньше всего значений отмечено у глагола *помереть*. Возможно, это связано с тем, что глагол *помереть* используется в говорах как наиболее нейтральный, частотный при описании прекращения жизнедеятельности человека и животных.

Анализ значений общерусских глаголов с корнем *мер/мир* показал, что во многом значения литературных и диалектных глаголов схожи, но глаголы архангельской территории обладают другой сочетаемостью, дающей исследователю возможность глубже проникнуть в карти-

ну мира диалектоносителя; фиксируются интересные устойчивые сочетания и пословицы. Развитие значений анализируемых глаголов происходит в том числе на основании глубинных культурных метафор – представлений о смерти, сформировавшихся еще в языческие времена.

Литература

1. АОС: Архангельский областной словарь. 1–23–. М., 1980–2022.
2. БТС: Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998. [Электронный ресурс] URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 10.06.2023).
3. *Велецкая Н.Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978 [Электронный ресурс] URL: <https://culture.wikireading.ru/21873> (дата обращения: 10.06.2023).
4. *Гецова О.Г.* Проект Архангельского областного словаря. М., 1970. 214 с.
5. *Гриб Р.Т.* Особенности структурно-семантической системы приенисейских говоров (сравнительно с литературным языком): Учебное пособие. Красноярск, 1988. 106 с.
6. *Загоровская О.В.* Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии. М., 1990. 299 с.
7. *Ильинская Н.Г.* Общерусское слово в архангельских говорах: Глагол: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2001.
8. *Коконова А.Б.* РОЖДЕНИЕ и СМЕРТЬ в пространстве диалекта: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011.
9. *Нефедова Е.А.* Общерусское слово в системе диалекта и в диалектном словаре // Актуальные проблемы русской диалектологии: Тезисы докладов Международной конференции 27–28 октября 2012 г. М., 2012. С. 123–125.
10. *Нефедова Е.А.* Архангельский областной словарь как источник этнолингвистической информации // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2018. № 6. С. 66–76.
11. *Толстая С.М.* Смерть // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 5. М., 2012. С. 58–71.

Часть II. Современный русский язык

М.В. Шульга

Между существительным и числительным: *сто* и названия сотен

Теоретическая база современных исследований, посвященных имени числительному, сформировалась на основе регулярно цитируемых высказываний академика В.В. Виноградова: «...Раздробленность и множественность типов склонения числительных выступает как несомненный симптом “лексикализации” их, т. е. как симптом выпадения числительных из грамматики в словарь. Наличие изолированных групп в два-три слова или даже отдельных, единичных слов со своей собственной манерой склонения подчеркивает грамматическую омертвелость форм словоизменения числительных. Черты разрушения, ярко выступающие в формах отдельных числительных, углубляются отсутствием соотносительности между разными типами склонения числительных. Вместо живых систем – кучки “лингвистической пыли”» [Виноградов, 1972: 246–247].

Следствием такого подхода к числительным является то, что вариантность форм числительного *сто* и названий сотен в лингвистической научной традиции рассматривается как проявление тенденции к упрощению словоизменительной системы языка и склонения, в частности.

В данном исследовании мы исходим из следующих (противоположных) предпосылок:

- вариантность форм у названий чисел связана не с разрушением склонения, не с выпадением их в словарь, а с формированием частеречных признаков числительного у других частей речи, в данном случае у существительного *сто*;
- формирование части речи «имя числительное» является многовекторным и длительным грамматическим процессом, актуальным также для современной системы русского языка;
- этот грамматический процесс лексически распространяется последовательно от названий чисел с меньшим числовым значением к названиям чисел с большим числовым значением, например от названий десятков к названиям сотен и тысяч (о слове *тысяча* см. [Шульга 2019]);
- переход существительных в числительные связан с комплексом морфологических и синтаксических преобразований при участии разных грамматических средств синтетического свойства (более детально о комплексе преобразований см. [Шульга, 2017: 234–236]).

Какие грамматические преобразования проходит существительное *сто* в ходе формирования у него частеречных признаков числительного? Наблюдение над материалом позволяет выявить следующие грамматические (морфологические и синтаксические) процессы.

1. Морфологическая адаптация в кругу числительных – формирование двухпадежной парадигмы совместно с другими числовыми наименованиями: *сто – ста – сту – стом – сте* → *сто – ста* (ср.: *пол – полу, сорок – сорока, девяносто – девяноста*).

2. Замена управления согласованием в непрямых падежах (Р., Д., Т., П.): *о сте рублей* → *о ста рублях*.

3. Утрата синтаксических форм числа и рода, выраженных в формах согласуемых слов:

- замена согласованных числовых и родовых форм несогласованными формами в прямых падежах: *не одно сто нашлося* → *введены остальные сто*;
- утрата согласованных числовых и родовых форм в непрямых падежах в связи с заменой в непрямых падежах управления на согласование: *в первом сте рублей* → *в первых ста рублях*.

4. Утрата морфологической категории числа, выражаемой в противопоставлении числовых форм:

- замена форм мн. числа простого числительного *сто* формами ед. числа: *со **стами** рублями* → *со **ста** рублями*;
- замещение числительного *сто* существительным *сотня* в синтаксических позициях, требующих формы мн. числа (при местоименных числительных): *несколько **сот*** → *несколько **сотен***.

5. Преобразование свободных сочетаний числительных первого десятка с существительным *сто* (составных названий сотен) в сложные числительные. При этом наблюдаются отчасти те же грамматические процессы, которые проходит простое числовое наименование *сто*:

- замена управления согласованием в непрямых падежах (Р., Д., Т., П.): *о пяти стах рублей* → *о пятистах рублях*;
- замена форм мн. числа в составе составного числительного формами ед. числа: *с **пятью **стами** рублей*** → *с **пятьюста** рублями*.

В дальнейшем изложении мы отдельно останавливаемся на тех из названных грамматических процессов, которые прослеживаются на материале текстов XVII–XVIII вв. (1); на более поздних заменах, связанных с утратой противопоставления числовых форм у числительного *сто*, – на замещении форм мн. числа формами ед. числа в разных синтаксических условиях (2); на названиях сотен – замещении форм мн. числа формами ед. числа в сочетаниях числительных первого десятка с существительным *сто*: *с **пятью **стами** рублей*** → *с **пятьюста** рублями* (3); в заключение обобщаем основные результаты исследования (4).

Исследование проведено на материале текстов Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru; далее – НКРЯ) – старорусского, основного и газетного корпусов.

1. Инновации, наблюдаемые на материале текстов XVII–XVIII веков

На протяжении XVII–XVIII вв. формируются основные частеречные признаки числительного на базе существительного *сто*: утрата синтаксических форм числа и рода (1.1), двухпадежная парадигма (1.2), смена управления согласованием в непрямых падежах (1.3).

1.1. Отличие числительных от других имен (существительных и прилагательных) состоит в отсутствии у них категорий числа и рода. Эта особенность в наборе грамматических категорий является одним из важнейших оснований для признания имен числительных особой частью речи. М.В. Панов не считал отсутствие форм мн. числа «у числительных-существительных» существенным частеречным признаком: «И местоимения, и числительные имеют ряд грамматических особенностей (однако они несущественны с точки зрения классификации слов по частям речи). Например, у числительных-существительных нет множественного числа (так же как у отвлеченных, собирательных и вещественных существительных)» [Панов, 1960: 13]. С предложенной М.В. Пановым аналогией трудно согласиться. Отвлеченные, собирательные и вещественные существительные могут иметь только одну числовую форму и не иметь второй числовой формы. Однако каждое существительное в любом случае охарактеризовано по числу – как ед. или мн. число. На число существительных регулярно указывают, в частности, формы согласуемых слов: *теплое молоко – теплые сливки*.

Иначе у числительных. Утрачивая категории числа и рода, числительные теряют способность иметь при себе согласованные в роде и/или числе синтаксические формы. Ср. в современном русском языке имя существительное *сотня* и имя числительное *сто*:

- *Первая сотня рублей разошлась* – согласование в числе и роде с существительным *сотня* определения *первая* и сказуемого *разошлась*; *В первой сотне рублей* – согласование с существительным *сотня* в числе и роде определения *первая*.
- *Первые сто рублей разошлись* – определение *первые* и сказуемое *разошлись* не согласованы в роде и числе с числительным *сто*; *В первых ста рублях* – определение *первых* согласовано в числе не с числительным *сто*, а с исчисляемым существительным *рублях*.

Тексты XVIII в. отражают утрату согласования по числу и роду в прямых падежах в динамике – они выявляют как согласование определений и сказуемых по субстантивному типу, так и инновации без согласования.

Согласованные определения:

- Вѣдайте, что желудокъ лучше варить воду, нежели вино; и имѣю тому не одно сто неложныхъ доказательствъ. [Франциско Реди. (1755)]
- ...Послѣ надобно было, цѣлое сто лѣтъ работать, для успокоенія оныхъ возмущеній... [Стефан Савицкий. (1762)]
- Из нескольких миллионов ему подвластных едва единое сто служат ему... [А.Н. Радищев. (1789)]

Согласованные определения и сказуемые:

- ...По многим обыскам таких винных людей всякаго чина не **одно сто нашлося**... [А.И. Богданов. (1751)]
- ...Числомъ избъ **наберется** не **одно сто**... [А.Л. Леонтьев (1762)]

Параллельно с традиционными субстантивными синтаксическими связями в текстах отражаются новые синтаксические связи, без согласования со словом *сто*:

- Т. е. толико сребра дал, колико **сто** овец **стоили**. [В.Н. Татищев. (1750)]
- Потом спустя несколько времени стал просить **последние сто** рублей. [Сказка... (1787)]
- **Сто** человек **могут** защитить эту крепость... [Н.М. Карамзин. (1793)]
- А в Хотинские ворота... **введены остальные сто** тридцать гренадер... [А.В. Суворов. (1790)]

За пределами XVIII в. тексты НКРЯ не отражают согласования по субстантивному типу, что может свидетельствовать о завершении наблюдаемого процесса.

Утрата согласования по числу и роду в непрямых падежах связана с заменой управления на согласование: в *первом сте рублей* → в *первых ста рублях* (см. п. 1.2). Тексты XVIII в. отражают синтаксическую связь определения с исчисляемым существительным, а не с числительным в единственном примере:

- В третьем часу поутру возвратился я домой с прискорбием об **остальных ста цехинах**. [Влюбленный дух, или Приключение дона Альвара (1794–1795)]

Примеров с определением при слове *сто* в непрямых падежах в текстах XVIII в. не выявлено.

1.2. Утрата у существительного *сто* на протяжении XVIII в. синтаксических форм рода и числа происходит параллельно и одновременно с формированием двухпадежной парадигмы *сто – ста*, а также параллельно с заменой управления на согласование в непрямых падежах.

Здесь следует остановиться на научных представлениях о времени формирования двухпадежной парадигмы *сто – ста*. Исследователи относят этот процесс к сравнительно позднему времени. «Относительно числительных *сорок*, *девяносто* и *сто* все грамматики, начиная с Ломоносова и кончая Востоковым, единодушно предлагают парадигму склонения, соответствующую парадигме существительных соответствующих типов, т. е. мужского и среднего рода» [Очерки по исторической грамматике 1964: 566]. «Числительное *сто* в течение всей половины XIX в. склонялось по образцу существительных среднего рода...» [Очерки по исторической грамматике 1964: 567] (аналогично [Булаховский, 1958: 202; Дьячкова, 2009]).

Тем не менее единичные примеры, указывающие на двухпадежную парадигму, обнаруживаются раньше, по крайней мере, на два века, уже в текстах первых десятилетий XVII в. См. Д. ед. к *ста* вместо к *сту*:

- ...Пожаловал есми своего сына... половиною пустоши Ларионовым в Володимерском уезде, шестьюдесят трема четвертми впридачу к **ста** [л. (130?) [Жалованная грамота (1620.02.17)].

Особый интерес представляет неожиданно ранняя составная форма *с пятью ста* вместо традиционной *с пятью стами* (более подробно о таких формах см. ниже, п. 3):

- О пришествіи христіанъ Росискихъ людей, атамана Ермака Тимофѣева сына Поволского съ товарищы ево, **с пятью ста** съ сороки челоуѣки казаковъ... [С. Есипов. Есиповская летопись по списку Ундольского (1636)]

На протяжении всего XVIII в. параллельно употребляются традиционные субстантивные формы и новая форма непрямы падежей *ста*:

Традиционная форма П. ед. *стѣ*:

- Чтѣб оной делами внутренней економіи отягосчен не был, другое правительство учредить во **сте** персонах... [В.Н. Татищев. (1730–1735)]
- Чрез тиснение же изданные хотя б во **сте** местах погѣбли, то еще в 1000 и более таковыя ж целы останутся... [В.Н. Татищев. (1733)]
- ...Называютъ улицами все по горам закоулки, какия на **сте** шагахъ обыкновенно встречаются. [Д.И. Фонвизин. (1784–1785)]
- ...То, что в одномъ сердце ни малейшаго не произведетъ содроганія, во **сте** другихъ родитъ отчаяніе и изступленіе. [А.Н. Радищев. (1789)]

Инновации П. ед. *ста*:

- ...А в которыхъ городахъ разряду нѣтъ, и в техъ крепости писать во **ста** рубляхъ и меньше... [И.А. Желябужский. (1682–1709)]
- ...Которыя во **ста** и в двустахъ рубляхъ... [И.А. Желябужский. (1682–1709)]
- Мощной богини любви сладость такъ есть многа, Чтѣ на **ста олтаряхъ** ей жертва есть убога. [В.К. Тредиаковский. (1730)]
- В третьемъ часу поутру возвратился я домой с прискорбіемъ объ остальныхъ **ста цехинахъ**. [Влюбленный дух... (1794–1795)]

Примечательно, что старые и новые формы отражаются в одном и том же тексте А.В. Суворова:

- ...Я сформировал лагерь между Херсона и Кременчуга, во **сте** двадцати верстахъ отъ оно-го... [А.В. Суворов. (1786)]
- ...С главными турецкими силами, во **ста** тысячахъ состоящими... [А.В. Суворов. (1786)]

Подобную вариантность обнаруживаем и у М.В. Ломоносова в его собственных текстах. В «Российская грамматике» (1755) М.В. Ломоносов приводит только традиционную субстантивную парадигму:

Им. *сѣрокъ девяносто сто*

Род. *сѣрока девяноста ста*

Дат. *сѣроку девяносту стѣ*

Сам М.В. Ломоносов следует этой словоизменительной модели в официальном документе – в своем «Проекте регламента Академии Наук»:

- Для ободрения ученых людей во всем свете к полезным новым изысканиям в науках определяется, как и прежде, награждение, состоящее во **сте** червонных... [М.В. Ломоносов. Проект регламента Академии Наук (1764)]

Но в бытовом контексте у М.В. Ломоносова еще ранее встречается новая форма:

- Баню и ригу на меньший конец делать во **ста шагах** от двора, ежели он соломою крыт. [М.В. Ломоносов. Лифляндская экономия (перевод) (1747)]

Инновации в Т. ед:

- ...Со **ста** тысячами рупиев... [И.А. Крылов. Почта Духов. (1789)]
- Вся нижняя часть Пале-Рояль состоит из галерой с **ста** осьмьюдесятью портиками... [Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793)]
- Все, поблагодаря его за таковое одолжение, наградили **ста** рублями. [Сказка о Климке (1794–1795)]

Интерес представляют материалы, отражающие возможность формирования двухпадежной парадигмы с обобщенной формой Д. ед. *сту*. Форма *сту* отмечена не только в значении Д. ед, но также в значении Р. и П. ед.

В позиции Д. ед.:

- Вместо того чтоб суконщику должно было разносить свои сукна ко **сту** человек, имеющих нужду в оных... [неизвестный. О торговле вообще [перевод] (1783)]
- ...Полагается къ каждамъ десяти человекамъ одинъ присмотрщикъ, къ пятидесяти одинъ цѣлурникъ, ко **сту** подлѣкаръ, а къ двумъ стамъ Лѣкаръ... [Христианъ Граве. Какимъ образомъ, во время моровой язвы, были больницы отъ предохранительной Коммисіи учреждены (1771)]

В позиции Р. ед.:

- ...Положа передо мной до **сту** пакетов в разные полки и места... [И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем... / Части 1–2 (1788–1822)]
- Театр помещал до **сту** пятидесяти человек... [И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем... / Часть 3 (1788–1822)]

В позиции П. ед.:

- ...Охотники, стоя сажнях во **сту** друг от друга, окаймили остров длинной цепью... [Е.Э. Дряинский. Записки мелкотравчатого (1857)]

Примеры с формой *сту* показывают альтернативный путь формирования двучленной парадигмы. Подобная вариативность в поиске средств реализации языковой тенденции характерна для грамматической системы в целом.

1.3. Важно отметить, что в приведенных выше примерах и традиционная морфологическая форма *стѣ*, и морфологические инновации *ста*, *сту* в П. ед. последовательно согласуются в падеже с исчисляемым существительным; традиционное для существительного *сто*

управление исчисляемым существительным заменено на согласование: *во сте персонах, во сте местах, на сте шагах; на ста олтарях, об остальных ста цехинах, во ста тысячах, во ста шагах, саженьях во сту*.

Таким образом, здесь уже сформировалось специфическое синтаксическое свойство числительного: управление исчисляемым существительным в прямых падежах (И.–В.) при согласовании с исчисляемым существительным в непрямых падежах.

1.4. Обобщая наблюдения над языком текстов XVII–XVIII вв., констатируем, что на базе форм ед. числа основные грамматические признаки числительного *сто* в системе русского языка сформировались на протяжении XVIII в. Это следующие признаки:

- унифицированная двухпадежная парадигма *сто – ста* или *сто – сту*;
- согласование с исчисляемым существительным в формах непрямых падежей при сохранении управления исчисляемым существительным в прямых падежах;
- утрата способности выражать значения рода и числа в формах согласования как в прямых падежах, так и в косвенных, т. е. утрата синтаксического рода.

В отношении двухпадежной парадигмы *сто – ста* распространено представление, что ее формирование привело к упрощению системы склонения, что эта инновация является одним из проявлений тенденции к развитию аналитизма в грамматической системе современного русского языка. На наш взгляд, этот миф отражает несостоятельный «арифметический» подход исследователей к проблеме.

Формирование новой двухпадежной парадигмы – это не «редукция» традиционной парадигмы, не замещение пятипадежной парадигмы числительного *сто* двухпадежной парадигмой. Это формирование новой парадигмы в дополнение к субстантивной пятипадежной парадигме. Стандартная пятипадежная парадигма представлена у существительных среднего рода типа *окно*, и она осталась в словоизменительной системе русского языка.

Дополнительно к пятипадежной парадигме в словоизменительной системе сформировалась уникальная двухпадежная парадигма нового числительного *сто* с другими уникальными свойствами, не только морфологическими, но и синтаксическими – с соединением в парадигме управления и согласования, без способности иметь при себе согласуемые в роде и числе формы.

Формирование двухпадежной парадигмы числительного *сто* увеличивает количество парадигм и усложняет словоизменительную систему. В образовании числительного *сто* реализуется не аналитический, а синтетический потенциал развития грамматической системы.

2. Утрата противопоставления числовых форм у числительного *сто*

Числительное как часть речи характеризуется отсутствием категории числа. Помимо утраты синтаксических числовых форм (форм согласования, см. 1.1), формирование грамматических свойств числительного сопровождается заменой традиционных субстантивных форм мн. числа формами ед. числа, т. е. утратой оппозиции числовых форм.

Числительное *сто* проходит тот же путь, который ранее прошло числительное *десять* и названия десятков. Так, на более раннем этапе формами ед. числа *десяти, десятью* были заме-

щены формы мн. числа *десятем, десятьми, десятех*: с *десятью рублей* → с *десятью рублями*, с *пятьюдесятью рублей* → с *пятьюдесятью рублями*.

В тех особых синтаксических условиях, в которых необходима форма мн. числа, произошла замена числительного *десять* существительным *десяток* с тем же числовым значением: о *нескольких десятах* → о *нескольких десятках*.

2.1. Существительное *сто* имело регулярные (ср. существительное *окно*) соотносительные формы ед. и мн. числа: И.–В. *сто* – *ста*, Р. *ста* – *сот*, Д. *сту* – *стам*, Т. *стом* – *стами*, П. *стѣ* – *стах*.

Такая парадигма отражена в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова.

- Мн. число: Вин. *сороки ста* Твор. *сорока́ми стами* Пред. *сорока́хъ стахъ* [М.В. Ломоносов. Российская грамматика (1755)]

Собственные тексты М.В. Ломоносова и его современников подтверждают употребление формы Т. мн. *стами*.

- Таковые студенты числятся по университетам в других государствах не токмо **стами**, но и тысячами из разных городов и земель. [М.В. Ломоносов. (1755)]
- ...С пожалованными **стами левками** из казны султанской 400 левков... [Василий Баранщиков. (1787)]

У Державина Т. мн. *стомя* по образцу *тремя*:

- Со **стомя человеками** (Держ. 1774) [Очерки по исторической грамматике 1964: 568].

В этих традиционных падежных формах обращает на себя внимание раннее согласование с исчисляемым существительным в Т. мн. так же, как и в ед. числе: *стами левками, стомя человеками*. Эти факты позволяют предполагать более или менее одновременное распространение согласования на ед. и мн. число числительного.

Формы мн. числа *стами, стах* отмечаются в текстах на протяжении XIX в. и вплоть до 30–50-х гг. XX в.

Т. мн. с управлением и согласованием:

- Кабы знало оно их, **стами рублями** тут бы не отделаться... [М.Е. Салтыков-Щедрин. (1856–1857)]
- – Вы **стами тысяч** можете располагать? [М.Е. Салтыков-Щедрин. (1872)]
- Со **стами-то рублями** мужичок все хозяйство оборудует... [М.Е. Салтыков-Щедрин. (1886–1887)]
- **Стами тысячами** не отделаются от меня монахи. [А.Н. Толстой. (1909)]
- Мульдбауэр говорил о слое атмосферы на высоте где-то между пятьюдесятью и **стами километров**... [А.П. Платонов. (1936)]

Предложный падеж отмечается регулярно с согласованием.

- Все думал так: вот буду в **стах тысячах**, а потом в двухстах, трехстах... [П.Д. Боборыкин. (1882)]

- Думал, все прошли, приподнял голову, а их шесть автоматчиков – вот они, шагают **метрах в стах** от меня. [М.А. Шолохов. (1956)]

Направление развития состоит в замещении форм мн. числа. В современной системе форме мн. числа соответствуют форма ед. числа *ста* с последовательным согласованием:

между *стами километров* → между *ста километрами*,
стами рублями → *ста рублями*.

В случае с препозицией исчисляемого существительного более предпочтительна замена формы мн. числа существительным *сотня*.

- *метрах в стах* от меня → *метрах в ста, в сотне метров*.

Таким образом, в системе современного русского языка субстантивные формы мн. числа вытеснены у числительного *сто* формами ед. числа или замещены формами существительного *сотня*. Это связано с утратой категории числа, в данном случае с утратой соотносительных числовых форм при переходе существительного в числительное.

2.2. Наследие традиционного субстантивизма наблюдается в сочетаниях числительного *сто* с местоименными числительными. Здесь остаточные формы мн. числа отражаются в современных текстах.

Например, И.–В.: *несколько сот, много сот, сколько сот*.

- Плюс **несколько сот** тысяч дайлеров, оставленных ему дядей. [Алексей Слаповский. // «Волга», 2009]
- ...Включающем **несколько сот** или тысяч звеньев цепи... [Рафаил Нудельман. // «Знание – сила», 2005]
- А то, что государство за счет ваших хитрушек потеряло **несколько сот** миллионов, – это по-божески? [Семен Данилюк. (2004)]
- ...Насчитывавшие **несколько сот** миллиардов вон [К. Асмолов. // «Проблемы Дальнего Востока», 2002.12.30]
- ...Образуют **много сот** тысяч социальных групп. [Вадим Баевский. // «Знамя», 2006]
- ...На **несколько сот** метров вперед... [Андрей Волос. (2000) // «Новый Мир», 2001]
- ...Во **сколько сот миллиардов** рублей обошлись для России беловежские соглашения... [Виктор Баранец. (1999)]

Непрямые падежи: *нескольких сот, нескольким стам, несколькими стами, о нескольких стах*.

- ...На протяжении **нескольких сот** тысяч лет... [Руслан Григорьев. // «Знание – сила», 2010]
- ...Взрыв **нескольких сот** зарядов и снарядов [О. Бар-Бирюков. // «Наука и жизнь», 2007]
- ...Нагреть до **нескольких сот** градусов. [Дмитрий Вибе. // «Знание – сила», 2006]
- ...Шаг которого равен **нескольким стам** километрам... [Григорий Адамов. (1939)]
- ...С **несколькими стами** десятин великолепных торфяных болот... [В.В. Набоков. (1954)]

- ...Прямо против немцев, в **нескольких стах** метрах от немецких окопов. [Е.М. Мелетинский. (1971–1975)]

«Русская грамматика» интерпретирует формы мн. числа *стам, стами, стах* в сочетании с местоименными числительными *много* и *несколько* как формы счетного существительного и считает не нормативным при таких формах согласование с исчисляемым существительным: «Слово *сто* в значении существительного (‘количество 100’, ‘сотня’) употребляется только в косв. пад. мн. ч. обычно в сочетании с числ. *много* и *несколько*: род. п. *сот* (*несколько сот рублей*), дат. п. *стам* (*нескольким стам рублей*), тв. п. *стами* (редко: *с несколькими стами рублей*), предл. п. *о стах* (*Напечатано много сведений о нескольких стах деятелей*. И. Грабарь). Встречающиеся сочетания типа *в нескольких стах письмах* (газ.); *в нескольких стах метрах* (Симон.), в которых *сто* не управляет существительным, а согласуется с ним в падеже (т. е. выступает как числительное), не нормативны» [Русская грамматика 1980: § 1373, 1377].

В приведенных здесь материалах НКРЯ представлено не управление, а согласование. Управление встретилось лишь у В.В. Набокова: *с несколькими стами десятии*. Выше (см. п. 2.1) мы отмечали согласованные с существительным формы мн. числа числительного *сто* в текстах XVIII, XIX вв. и первой половины XX в. Поэтому нам представляется, что ни с позиций узуса, ни с позиций тенденций развития системы нет оснований для нормативного запрета согласования в сочетаниях типа *в нескольких стах письмах*.

Местоименные числительные *несколько, столько, много* и под. в косвенных падежах могут сочетаться только с формами мн. числа. Эти синтаксически обусловленные формы мн. числа не могут быть заменены формами ед. числа, как это постепенно происходило с синтаксически не обусловленными формами *стам, стами, стах*.

При переходе субстантивных числовых наименований в разряд числительных их синтаксически обусловленные формы мн. числа заменяются существительными. Результаты такой более ранней замены мы наблюдаем в количественных сочетаниях типа *несколько десятков, нескольких десятков, нескольким десяткам, несколькими десятками, о нескольких десятках*. Прежние сочетания типа *несколькими десятками* для современной речи не характерны.

Формы мн. числа от существительного *сто* при местоименных числительных типа *несколько сот, несколькими стами* отражают ту же динамику, что и названия десятков: они заменяются формами существительного *сотня*:

- И.–В. *несколько сот* → *несколько сотен*;
- Т. *несколькими стами* → *несколькими сотнями*.

Материал НКРЯ показывает, что при местоименных числительных замещение форм мн. числа типа *сот, стам* формами существительного *сотня* берет начало от XVIII – первой половины XIX в. Удельный вес местоименных числительных с существительным *сотня* последовательно увеличивается.

Ниже представлена динамика подобных замен дифференцированно по падежам: И.–В. мн. (таблица 1), Р. мн. (таблица 2), Д. мн., Т. мн. П. мн. (таблица 3)¹. Отдельно в таблицах приводим данные основного корпуса НКРЯ и газетного корпуса НКРЯ по текстам XXI века.

Таблица 1

Замещение форм мн. числа при местоименных числительных:

И.–В. мн. несколько *сот* / несколько *сотен*

Тексты НКРЯ	Несколько <i>сот</i> , ед.	Несколько <i>сотен</i> , ед.	Несколько <i>сотен</i> , %
XVIII в.	36	2	2,0
XIX в., I пол.	103	11	9,4
XIX в., II пол.	251	41	14,0
XX в., I пол.	634	88	12,2
XX в., II пол.	357	179	33,4
XXI в., основной корпус	164	394	70,6
XXI в., газетный корпус	561	2306	80,4

Таблица 2

Замещение форм мн. числа при местоименных числительных:

Р. мн. нескольких *сот* / нескольких *сотен*

Тексты НКРЯ	Несколько <i>сот</i> , ед.	Несколько <i>сотен</i> , ед.	Несколько <i>сотен</i> , %%
XIX в., II пол.	61	29	32,0
XX в., I пол.	81	31	27,7
XX в., II пол.	56	69	55,2
XXI в., основной корпус	29	145	83,3
XXI в., газетный корпус	65	522	88,9

¹ На основе данных Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) по состоянию на 01.03.2019.

Замещение форм мн. числа при местоименных числительных:Д. мн. *нескольким стам / несколькими сотням,*Т. мн. *несколькими стами / несколькими сотнями,*П. мн. *нескольких стах / нескольких сотнях*

Тексты НКРЯ	Нескольким <i>стам / сотням,</i> ед.	Несколькими <i>стами / сотнями,</i> ед.	Нескольких <i>стах / сотнях,</i> ед.	Д., Т., П. мн., сумма, ед.	Д., Т., П. мн., сумма, %
ХІХ в., ІІ пол.	0 / 2	7 / 13	18 / 1	25 / 14	64,1 / 35,9
ХХ в., І пол.	0 / 2	2 / 12	10 / 12	12 / 24	32,3 / 66,7
ХХ в., ІІ пол.	1 / 6	1 / 10	3 / 13	4 / 23	14,8 / 85,2
ХХІ в., основной корпус	0 / 0	0 / 9	0 / 32	0 / 41	0 / 100
ХХІ в., газетный корпус	0 / 47	0 / 53	3 / 167	3 / 267	1,1 / 98,9

Из таблиц 1, 2, 3 видно, что наиболее активно при местоименных числительных замещаются формы Д., Т. и П. падежей мн. числа. Этот процесс актуализируется с начала ХХ в. и в настоящее время практически завершен.

С середины ХХ в. он заметно активизируется также в форме Р. мн. Здесь замены в современных текстах отражаются в диапазоне 83–89 %.

Наиболее устойчиво сохраняется форма мн. числа *сот* при местоименном числительном в форме И.–В. падежа: *несколько сот*. В современных текстах она составляет 70–80 %.

Таким образом, у числительного *сто* соотносительность форм ед. и мн. числа устранена. На завершающем этапе в настоящее время находится процесс замещения форм мн. числа в синтаксически обусловленной позиции при местоименных числительных.

3. Названия сотен: преобразование сочетаний числительных первого десятка с существительным *сто* в сложные числительные

Актуальный для последних десятилетий этап устранения категории числа у числительных связан с расширением их лексического состава – с формированием сложных числительных на базе сочетаний числительных первого десятка с существительным *сто*. При формиро-

вании названий сотен наблюдаются отчасти те же грамматические процессы, которые проходит простое числительное *сто*:

- замена управления согласованием в непрямых падежах (Р., Д., Т., П.): *о пяти стах рублей* → *о пятистах рублях* (3.1);
- замена форм мн. числа формами ед. числа в сочетаниях числительных первого десятка с существительным *сто*: *с пятьюстами рублей* → *с пятьюстами рублями* (3.2).

3.1. Начало процесса связано с возможностью согласования форм мн. числа в непрямых падежах и относится к XVIII в. Здесь наблюдается вариантность управления (*пятьюстами тысячами*) и согласования (*пятьюстами тысячами, двумястами кораблями*) в форме Т. мн.

- ...Окружен **пятьюстами тысяч** войска. [Сказка о царевиче Артобазе Хиразовиче (1794–1795)]
- ...Ежегодно последует расход более девятью миллионами **пятьюстами тысячами**. [Д.И. Фонвизин. Торгующее дворянство (1766)]
- Лондон подкрепляемый своими **двумястами** военными **кораблями**... [Д.И. Фонвизин. Торгующее дворянство (1766)]

В предложном падеже материалы XVIII в. последовательно отражают согласование составных числительных с исчисляемыми существительными:

- ...**В двухстах человеках** прискакал на Волгу... [И.И. Михельсон. Военно-походный журнал (1774)]
- Я знаю один дом, который состоит отсель **в трехстах верстах**... [Сказка восьмая о Иване-богатыре, мужицком сыне (1787)]
- Все его недвижимое имение состояло **в четырехстах душах**. [Д.И. Фонвизин. Жизнь графа Никиты Ивановича Панина (1784)]
- ...Осталась **при четырехстах душах**... [И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем. (1791–1822)]
- ...Несмотря на то, что он состоял **в шестистах тысячах**... [И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем. (1791–1822)]
- Из одного корпуса **сделался** пехотной корпус в шестистах, потом в **семистах человеках**. [С.А. Порошин. (1764–1765)]
- ...Вышел **в восьмистах человеках** здоровых... [А.В. Суворов. Биография (1786)]

Аналогичная ситуация наблюдается в более поздних материалах, вплоть до современных. В П. мн. наблюдается регулярное согласование; в Д. мн. и Т. мн. согласование на протяжении трех веков варьируется с традиционным управлением. Академическая грамматика признает такое варьирование нормативным: «Элемент *сто* в составе сложного числительного может сохранять синтаксические функции счетного слова (существительного) в знач. 'сотня'. В этих случаях сложное числительное не согласуется с существительным, а управляет им: *с тремястами рублей, с пятьюстами солдат* наряду с сочетаниями *с тремястами рублями, с пятьюстами солдатами*» [Русская грамматика 1980: § 1376].

3.2. Замещение мн. числа единственным раньше завершилось у названий десятков: *пятьюдесятью, шестьюдесятью*. Ср. в текстах XVIII в. в названиях десятков еще сохраняются формы мн. числа:

- ...Встрѣтились съ **пятьюдесятьми** Каликутскими судами... [М.И. Веревкин. 1782]
- ...А не только перед **шестьюдесятьми** человеками народу. [И.А. Крылов. Почта Духов. (1789)]

Для сложных числительных на основе *сто* «Грамматика русского языка» 1952 г. [Грамматика 1952: § 616, 617] и «Русская грамматика» 1980 г. [Русская грамматика 1980: § 1376] приводят следующие формы непрямых падежей с формой мн. числа: *пяти^{со}т, пяти^{ста}м, пятью^{стами}, о пяти^{ста}х*.

Однако в современном узусе наблюдается вытеснение мн. числа ед. числом.

Ни В.В. Виноградов [Виноградов 1972], ни академические грамматики «не замечают» инноваций типа *четыре^{ста}, пяти^{ста}* и тем самым оставляют их за границами литературной нормы.

Отчасти это связано с относительно поздней активизацией подобных замен, хотя единичный пример такого рода отмечен уже в тексте XVII в. (старорусский корпус НКРЯ):

- О пришествіи христіанъ Росискихъ людей, атамана Ермака Тимофѣева сына Поволского съ товарищы ево, **с пятью ста** съ сороки чело^вѣки казаковъ... [С. Есипов. Есиповская летопись по списку Ундольского (1636)]

В основном корпусе НКРЯ старейшие примеры с заменой форм мн. числа формами ед. числа у названий сотен относятся к концу 20-х – к 40-м гг. XX в. Но эти ранние примеры, несмотря на их единичность, уже иллюстрируют возможность замен в разных падежах – в Д., Т. и Р.

- Христос... являлся Петру, двенадцати и более чем **пятиста** братьям... [протоиерей Георгий Флоровский. (1929)]
- Я бросился с места... с ором над более чем **семьюста** головами... [Андрей Белый (1930)]
- ...Пронесшей свои знамена в огне более чем **шестиста** пятидесяти боев гражданской войны... [А.В. Туркул, И.С. Лукаш. (1937–1948)]
- ...Штурмовала позиции Роммеля, открыв огонь из **пятиста** орудий. [В.В. Вишневский (1943–1945)]
- Имеется в виду не какой-нибудь один из тысячи **шестиста** видов данного семейства... [Аркадий Белинков (1958–1968)]

Основной материал относится к последним десятилетиям. Такая датировка подтверждается исследователями. На материале 1985–1995 гг. формы числительных типа *пятиста* не упоминаются среди инноваций в грамматике [Гловинская 1996: 237–304]. Среди нередких ошибок в употреблении числительных в СМИ, которые комментируются на портале «Грамота.ру», за период с ноября 1996 г. по декабрь 1999 г. формы типа *пятиста* не отмечены. Однако форма *пятиста* приведена в нормативных рекомендациях. «Надо: *пятиста*», – указано в комментариях за 1998 г. по поводу следующего примера: «...Для этих вот **ПЯТЬСОТ** ребят, для них...»

[Горбаневский, Караулов, Шаклеин, 1998]. Эта курьезная оговорка известных лингвистов подтверждает распространенность инноваций в речи.

В обзоре изменений в грамматике на рубеже XX–XXI вв. М.Я. Гловинская характеризует подобные формы как инновации «последнего времени», но отмечает их только в Р. падеже: *двуста, трехста, пятиста, шестиста, семиста* [Гловинская, 2007: 109].

Есть некоторые основания предполагать, что сочетания числительного *сто* с адъективными по происхождению формами (*два, три, четыре*) вовлечены в этот процесс позднее, чем сочетания с субстантивными формами (*пять... девять*). Так, в одном контексте встречаются *трехсот* и *пятиста, шестиста*:

- ...Убрать около **трехсот** страниц из **пятиста**... [Неверов Александр. // Труд-7, 2005.04.01]
- В прошлом году количество регистрационных действий в день доходило до **шестиста**, в этом же году эта цифра снизилась до **трехсот** с небольшим... [Михаил Малышев. // Комсомольская правда, 2009.08.19]

Замены мн. числа на ед. число в названиях двух, трех и четырех сотен отражаются в материалах позднее – только в 70-е гг. XX в. В современных текстах они остаются единичными.

- ...Клод Мориак влюбленно описывает его – на **трехста** страницах... [А.Д. Шмеман. (1973–1983)]
  - Административный штраф от ста до **трехста** рублей. [Комсомольская правда, 2008.08.14]
- В чем состоит грамматическая суть процесса?

Двухпадежная система *сто – ста* в ед. числе сложилась раньше, чем утрата морфологических форм мн. числа. В результате формы мн. числа заменяются формой ед. числа *ста* и поддерживают двухпадежную парадигму: *со стами* → *со ста, с пятьюстами* → *с пятьюста*.

Исследователи исходят из того, что «...Двуформность числительного *сто (ста)* влияет на склонение названий сотен, вызывая появление форм *двухста, двуста, трехста, о шестиста*» [Старикова, 2011: 38]. Аналогично [Рябушкина, 2013: 156].

На наш взгляд, суть процесса составляет утрата у числительных категории числа, которая у названий сотен проявляется так же, как и у простого числительного *сто*, – в замене форм мн. числа формами ед. числа. История названий десятков показывает, что грамматическая суть процесса состоит в устранении оппозиции числовых форм в ходе утраты категории числа. У числительного *десять* нет двухпадежной парадигмы (ср: *десять – десяти – десятью*), однако у названий десятков формы мн. числа заменены формами ед. числа. На примере названий десятков очевидно, что суть процесса составляет утрата форм мн. числа: *от пятидесят* → *от пятидесяти, с пятьюдесятьми* → *с пятьюдесятью*.

В современных научных исследованиях формы типа *пятиста* интерпретируют как путь к утрате склонения у сложных числительных и проявление тенденции к аналитизму. Мы рассматриваем эти замены как очередной этап развития морфологических признаков имени числительного, состоящий в утрате категории числа. Такие замены превращают составное числительное в структуру, не членимую на отдельные слова, в сложное числительное: *к пятистам рублей* → *к пятиста рублям*.

Современная норма игнорирует этот неизбежный морфологический процесс. Формы по модели *пятиста* считаются ненормативными. Однако для форм типа *полтора* правомерно «узаконено» ед. число: «Употребления, встречающиеся в устной и газетной речи, типа *противостоят полторастам стран*, *находиться в полторастах километров* не являются нормативными; нормально: *полтора* странам, *в полтора*ста километрах» [Русская грамматика 1980: § 1377].

Мы рассматриваем замещение мн. числа ед. числом как регулярный и неизбежный морфологический процесс, который обеспечивает:

- утрату соотносительных числовых форм;
- завершение морфологической унификации – формирование двухпадежной парадигмы;
- окончательное устранение субстантивного управления.

В той мере, в какой этот процесс осуществлен, можно говорить о формировании числительного *сто* и производных от него сложных числительных.

4. Основные итоги

Грамматическая адаптация существительного *сто* среди числительных представляет собой длительный, развивающийся на протяжении трех-четырех веков и продолжающийся в настоящее время процесс.

Изученные материалы отражают поэтапность грамматических преобразований при формировании числительного *сто*.

Наиболее последовательные преобразования в истории числительного *сто* связаны с формами ед. числа. Основные грамматические признаки числительного *сто* сформированы на протяжении XVII–XVIII вв. Это следующие грамматические признаки.

1) Морфологическая унификация субстантивных форм ед. числа – формирование двухпадежной парадигмы *сто – ста* (ср: *девятьсто – девяноста*, *сорок – сорока*, *полтора – полтора*).

2) Формирование особых синтаксических связей, свойственных только числительным: при управлении в прямых падежах замещение в непрямых падежах субстантивного управления на согласование с исчисляемым существительным: *сто рублей – о ста рублях*.

3) Утрата синтаксических показателей числа и рода в И.–В. ед. – согласованные в числе и роде адъективные и предикативные формы замещаются несогласованными: *не одно сто нашлось → введены остальные сто*.

Более длительную историю у числительного *сто* имели субстантивные морфологические показатели категории числа – формы мн. числа *стам, стами, стах*. Они постепенно замещаются формой ед. числа *ста*, но отмечаются в текстах на протяжении всего XIX в. и вплоть до 30–50-х гг. XX в.

До настоящего времени формы мн. числа сохранились только в особых синтаксических условиях – при местоименных числительных, сочетающихся только с формами мн. числа: *нескольких сот* и под. В этих синтаксических условиях формы *сот, стам, стами, стах* за-

мещаются формами мн. числа существительного *сотня*. Активизация замен приходится на XX–XXI в.

Расширяется лексический состав части речи «имя числительное». На основе названия числового разряда *сто* формируются сложные числительные – названия сотен. Количественные сочетания с числительными первого десятка (так называемые составные числительные) преобразуются в сложные слова с грамматическими признаками числительных: *двести, триста, четыреста, пятьсот, шестьсот, семьсот, восемьсот, девятьсот*.

Формирование сложных числительных связано с преобразованием субстантивных форм мн. числа. Эти преобразования развиваются поэтапно и продолжаются в настоящее время.

Начало процесса связано с возможностью согласования названий сотен с исчисляемыми существительными в непрямых падежах и относится к XVIII в. (*в пятистах рублях*). Согласование названий сотен на протяжении трех веков варьируется с субстантивным управлением исчисляемым существительным (*к пятистам рублей*). Последовательное согласование установилось в настоящее время в П. падеже; в Д., Т. падежах вариантность сохраняется. Вариантность согласования и управления у названий сотен признается современной нормой.

Формы мн. числа, входящие в состав названий сотен, замещаются формами ед. числа: *о пятистах* → *о пятиста*. Этим процессом завершается утрата категории числа у числительных. Начало процесса документируется в конце 20-х – в 40-х гг. XX в.; активизация наблюдается в два последних десятилетия. Такие инновации остаются за пределами литературной нормы.

Варьирование форм у числительного *сто* и у названий сотен отражает актуальные грамматические процессы – поэтапное замещение субстантивных грамматических признаков специфическими для числительных грамматическими свойствами. С образованием числительного *сто* и названий сотен связано усложнение морфологической системы современного русского языка, обогащение ее грамматических синтетических средств и пополнение лексического состава русского языка.

Список литературы

- Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. 5-е изд. Киев: Радянська школа. 1958. 488 с.
- Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 2-е изд. М.: Высшая школа, 1972. 616 с.
- Гловинская М.Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 1996. С. 237–304.
- Гловинская М.Я. Изменения в склонении числительных в русском языке на рубеже XX–XXI веков // Язык в движении. К 70-летию Л.П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 106–116.

- Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком (О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ) [Электронный ресурс]. URL: http://gramota.ru/biblioresearch/rubric_370 (дата обращения: 10.05.2023).
- Грамматика русского языка. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 720 с.
- Дьячкова И.Н. Имена числительные: состав, структура и функционирование в русском литературном языке XVIII века: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 23 с.
- Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века. М.: Наука, 1964. 600 с.
- Панов М.В. О частях речи в русском языке // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. 1960. № 4. С. 1–14.
- Русская грамматика. В 2 т. Т. 1 / Гл. ред. Н Ю. Шведова. М.: Наука. 784 с.
- Рябушкина С.В. Несколько слов в оправдание «девиантного поведения» русских числительных // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Вып. 11. Екатеринбург, 2013. С. 148–159.
- Старикова Г.Н. Современные числительные в аспекте языковой динамики // Вестник Томского гос. у-та. Филология. 2011. № 4(16). С. 34–39.
- Шульга М.В. О векторе развития русской морфологической системы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2017. № 4. С. 232–242.
- Шульга М.В. Динамика форм имени числительного в современном русском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2019. № 4(18). С. 88–104.

Источники

- Национальный корпус русского языка, старорусский корпус [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggRMAE%3D> (дата обращения 01.03.2019).
- Национальный корпус русского языка, основной корпус [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggBMAE%3D> (дата обращения 01.03.2019).
- Национальный корпус русского языка, газетный корпус [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggDMAE%3D> (дата обращения 01.03.2019).

К особенностям и тенденциям употребления общего и переходного к общему рода в современном русском языке

Изменения в грамматике, как известно, происходят значительно медленнее, чем в других ярусах языка, например лексике и стилистике, тем не менее вторая половина XX в. и начало XXI в. в такой области, как употребление общего и переходного к общему рода, демонстрирует не только традиционное и нормативное, но и новое в их использовании. Нашей задачей является сопоставление и описание традиционного состояния и новых тенденций в этой области грамматики. Информация о других родах приведена для создания целостной картины категории рода в русском языке. В процессе исследования использовались следующие методы: описательно-аналитический метод, метод анкетирования, статистический и сопоставительный методы. Иллюстративный материал взят из Национального корпуса русского языка и с интернет-сайтов – как официальных (например, новостных), так и неофициальных. Из более чем 1500 собранных примеров взяты наиболее показательные.

* * *

Академические грамматики второй половины XX в. (например, РГ-70, РГ-80), толковые словари (например, МАС, БАС, БТС), большинство справочников (например, [Розенталь, 1985]) и учебников (в том числе школьных) исходят из того, что у существительного в русском языке три родовых характеристики: мужской, женский и средний род. Поскольку родовые различия во множественном числе нейтрализуются, считается, что существительные только множественного числа вовсе не обладают родовой характеристикой, т. е. не все существительные обладают классифицирующей морфологической категорией рода. Однако морфологическая категория рода устроена сложнее. Так, А.А. Зализняк в своей монографии «Русское именное словоизменение» (1967) выдвинул понятие парного рода [Зализняк, 1967: 80], а затем отразил его в своем «Грамматическом словаре» (1977): в нем слова парного рода имеют помету *мн.*, однако в Предисловии к словарю сказано, что «существительные этой группы не относятся ни к одному из трех грамматических родов, образуя, в сущности, особый, четвертый род» [Зализняк, 1987: 5]. Автор считает, что если имена существительные, не употребляющиеся в формах единственного числа (*Pluralia tantum*), например *каникулы, брюки, сани, ножницы, очки*, остались за пределами категории рода, то это разрушает обязательность категории рода у существительных. С введением грамматического значения парного рода, формально выражающегося в определенных контекстах (*сани, кажд-ые из которых* и подобных) [Зализняк, 1967: 71], все без исключения имена существительные становятся охарактеризованными по роду. При этом справедливо считается, что единственным универсальным средством выражения русского рода является синтагматика – согласование атрибута и предиката с существительным (что в целом верно, поскольку позволяет выразить род не только склоняемых, но и несклоняемых существительных).

Однако практически все указанные грамматики, справочники и учебники в отдельных своих параграфах или же в сносках и примечаниях уделяют внимание общему роду, часто употребляя при этом термин уточнение «так называемые» и не признавая этот род как отдельный и самостоятельный. Одно из немногих исключений – социолингвистическое исследование «Русский язык и советское общество» (1968), в котором общий род признается полноправным и даже является объектом отдельной главы [Русский язык и советское общество, 1968: 19–41]: «В современном русском языке, кроме слов мужского, женского и среднего рода, есть слова общего рода» [Там же: 40].

Мы согласны с последней точкой зрения и считаем, что общий род и переходный к общему роду (о котором будет сказано ниже) являются самостоятельными родовыми характеристиками для соответствующих лексем и не представляют собой омонимии лексем типа *неряха1* – мужской род, *неряха2* – женский род. Такую позицию в отношении слов общего рода выражает и А.А. Зализняк: «...Разница сводится лишь к формальному вопросу о числе лексем (одна лексема *сирота* или несколько омонимичных лексем *сирота1* и *сирота2* и т. д.); очевидно, однако, что с собственно морфологической точки зрения совокупность омонимичных лексем равносильна единой лексеме» [Зализняк, 1967: 68].

Целесообразно разделить родовые характеристики русского существительного на основные и неосновные. К основным будут относиться мужской, женский, средний и парный род: они имеют отличающиеся друг от друга флексии согласуемых с ними слов, в том числе в так называемом контексте Зализняка (*столы, кажд-ый из которых...*, *парты, кажд-ая из которых...*, *окна, кажд-ое из которых...*, *сани, кажд-ые из которых...*). К имеющим неосновные родовые характеристики будут относиться существительные общего рода и переходного к общему роду: флексии согласуемых с ними слов не специфичны, специфична сама сочетаемость их с атрибутом и предикатом, а поскольку именно сочетаемость (синтагматика) является основным средством выражения рода, нет оснований отказывать этим родовым характеристикам в статусе самостоятельных, пусть и неосновных.

***

Общий род называют часто «так называемым общим родом» [Русская грамматика, 1980: 466], а существительные общего рода «двуродовыми» [Краткий справочник, 1995: 254], [Павлова, 2011: 16]. Мы принимаем для себя в данной работе название «общий род» без оборота «так называемый», достаточно распространенное в лингвистике (например, в [Милославский, 1981: 47]).

Существительные же, обозначающие лиц по профессии и социальному положению (*врач, слесарь, мэр* и др.), часто называют «потенциальными “кандидатами” в разряд слов общего рода» [Тарасенко, 1994: 53]. Мы их называем существительными переходного к общему роду: такое их обозначение представлено, например, на портале Грамота.ру [Электронный ресурс] URL: <http://new.gramota.ru/biblio/readingroom/textbooks> (дата обращения 15.06.2022) и даже отражается в некоторых школьных учебных пособиях, например [Литневская, 2018: 100].

Существует мнение, что слова общего и переходного к общему рода близкородственны и проявляют тенденцию к слиянию. Так, например, коллективная монография «Русский язык и советское общество» объединяет их в один класс слов общего рода (правда, к разным его подклассам) [Русский язык и советское общество, 1968: 40], а И.Г. Милославский отмечает «пополнение группы слов общего рода, оканчивающихся в именительном падеже на *-а*, *-я* (*невежа, забияка, соня* и т. д.), словами, прежде относившимся к мужскому роду и оканчивающимся на согласный в именительном единственного» [Милославский, 1981: 52], имея в виду слова типа *врач*, с чем мы не согласны: переходить в общий род они не спешат и даже не проявляют такой тенденции. Попытаемся найти этому причину.

Номинативность рода (т. е. семантизированность – наличие в структуре лексического значения слова семы, однозначно указывающей на пол существа) может проявляться только по отношению к живым существам, имеющим пол (мужской род – мужской пол, женский род – женский пол), и в целом род неноминативен (не семантизирован). Во-первых, неноминативный род имеют все неодушевленные существительные, которых в языке почти 80 %; во-вторых, у одушевленных существительных всегда неноминативен средний род (*дитя, существо*); в-третьих, неноминативен род у множества зоонимов (*жук, стрекоза*) и немалого количества антропонимов (*человек, особа*). Остальные антропонимы и некоторое количество зоонимов имеют род, который соотнесен с семой пола называемого существа. Обратимся в основном к антропонимам.

Среди антропонимов с точки зрения рода можно выделить следующие характеристики существительных: 1) семантизированный мужской род, обозначающий только лиц мужского пола (*отец, сын, брат*); 2) семантизированный женский род, обозначающий только лиц женского пола (*мать, дочь, сестра*); 3) несемантизированный средний род (*дитя, лицо, существо*); 4) несемантизированный мужской род, обозначающий как мужчин, так и женщин и не имеющий родовой пары (*человек*); 5) несемантизированный женский род, обозначающий как мужчин, так и женщин и не имеющий родовой пары (*особа*); 6) общий род, синтагматически конкретизирующийся как мужской или женский, который может быть как номинативным, так и (редко) неноминативным (*умница, соня, неряха*); 7) переходный к общему роду, синтагматически конкретизирующийся как мужской или женский, который может быть как номинативным, так и неноминативным (*врач, инструктор, директор*).

Как мы видим, общий и переходный к общему роду можно описать одинаково, однако между ними наблюдаются существенные отличия.

У слов общего рода можно выделить узкое и широкое наполнение.

Существительными общего рода в узком смысле являются слова, которые обладают двуродностью, имеют в именительном падеже флексию *-а(-я)*, обычно образованы от прилагательных или глаголов, обозначают лицо с определенными характеристиками и в большей своей части имеют оценочные компоненты значения (например, *невежда, сиротка* и др.) – всего, по данным Л.К. Граудиной, около 200 лексем [Граудина, 2004: 98–101]. Наше же исследование показывает, что на сегодняшний день насчитывается около 350 таких существительных.

В широком смысле к группе добавляются 1) некоторые личные собственные имена (например, *Женя, Женечка, Саша, Сашенька*), 2) несклоняемые фамилии (например, *Седых, Дюма*), 3) некоторые несклоняемые нарицательные имена (например, *визави, инкогнито*), 4) несклоняемые существительные, обозначающие принадлежность к национальности (например, *бурунди, манси*).

Целесообразность выделения узкого и широкого понимания общего рода обусловлена тем, что существительные общего рода в широком смысле при конкретно-референтном употреблении всегда семантизированы: мужской пол обозначается мужским родом, а форма женского рода появляется у них при обозначении существа женского пола (*Пришел-□ наш-□ Саша. – Пришл-а наш-а Саша*).

Слова общего рода в узком понимании ведут себя несколько иначе, и описывать мы будем именно их.

Имена существительные общего рода относятся к личным существительным с флексией *-а* или *-я*, например: *плакса, гуляка, работяга, неряха, соня, чистюля, мямля*. Род этих имен существительных определяется в зависимости от конкретного их употребления, поскольку такие слова обозначают лицо женского или мужского пола в зависимости от конситуации. Если данное слово характеризует лицо мужского пола, то оно относится к мужскому роду; если данное слово характеризует лицо женского пола, то оно относится к женскому роду, при этом род выражается только синтагматически (аналитически, по РЯСО [Русский язык и советское общество, 1968: 21]) и является семантизированным, т. е. номинативным, например: *Он большой неряха. – Она больш-ая неряха*. Вне контекста род этих слов не конкретизируется (А.А. Зализняк в «Грамматическом словаре» дает при них помету *мо-жо* – мужской одушевленный и женский одушевленный).

Семантическое согласование между существительным общего рода и его атрибутом занимает при исследовании данного вопроса центральное место, при этом род существительных общего рода представляет привативную оппозицию: при обозначении женщины используется женский род, а при обозначении мужчины чаще используется мужской род, однако встречается и женский род (например: *Он большая умница; Он круглая сирота*), причем, как мы выяснили в результате анкетирования, результаты которого приведены ниже, эта тенденция усиливается.

Представляется, что такое несемантизированное употребление женского рода связано с тенденцией унификации, а выбор именно женского рода – с типичным для женского рода существительных окончанием *-а(-я)*, что показывает значимость для носителей языка не только синтаксического, но и типичного парадигматического показателя рода.

Конкретизированный род существительных общего рода по правилам русского языка должен указывать на пол обозначаемого лица, однако на практике мы имеем следующие типы функционирования существительных общего рода:

1. семантизированный (номинативный, семантический) род: 1) женский род обозначает лицо женского пола (*Она большая умница*); 2) мужской род обозначает лицо мужского пола (*Он полный невежа*);

2. несемантизированный (грамматический) род: 1) женский род атрибута употреблен по отношению к лицу мужского пола (*Он большая умница*); 2) неконкретизированный род обозначает как мужчин, так и женщин (*Всё в комнате указывало, что здесь живет неряха; Неряха – скверное соседство*); 3) неконкретизированный или женский род указывает на лицо мужского пола, если внешний вербальный или невербальный контекст указывает на мужской пол обозначаемого лица (*Иван Иванович – (большая) неумеха*).

Приведем пример несемантизированного женского рода, примененного по отношению к мужчине, что ясно из более широкого контекста:

(1) – *Держи, Садхир. Как бы странно это ни звучало, ты большая умница. Я заберу тебя на Базу, и уж там никто не будет кидать в тебя камни и называть идиотом. Слышишь?*

– *С-хар! Ар!* – *Садхир засунул сахар за щеку и радостно взмахнул руками* [Электронный ресурс] URL: <https://writercenter.ru/library/fentezi/miniatura/bolshaya-umnica/285521.html> (дата обращения 15.08.2022).

Вопрос о нейтрализации родовых характеристик в их соотношении с полом был исследован Л.Л. Иомдиным: «Мы <...> будем интерпретировать всякое такое слово [общего рода] как пару лексем. <...>

ЗАНУДА1 (ж.р.) ≈ ‘нудный человек’.

ЗАНУДА2 (м.р.) ≈ ‘нудный человек мужского пола’» [Иомдин, 1990: 83–84].

Иными словами, Л.Л. Иомдин считает слова общего рода грамматическими омонимами с частично совпадающими и выраженными синтагматически грамматическими формами; при этом лексема мужского рода имеет сему пола (мужской пол), а лексема женского рода семы пола не имеет и может обозначать как женщину, так и мужчину, т. е. является немаркированным членом родовой оппозиции.

Мы не можем согласиться с точкой зрения Л.Л. Иомдина по следующей причине: *зануда* женского рода и *зануда* мужского рода представляют собой внутрисловную родовую пару, в которой употребление типа *Не обращай внимания на эту старую зануду* без ситуативного (дейктического или анафорического) указания на мужской пол будет восприниматься как указание на женщину, в отличие от фразы *Не обращай внимания на этого человека*, где мы не имеем подобных ожиданий. Кроме того, при нереперентном употреблении типа *Каждый зануда – наказание для любой вечеринки* слово *зануда* в мужском роде не конкретизирует пол называемого человека как мужской и указывает на нудного человека любого пола.

***

Что касается существительных другого – переходного к общему – рода, то мнения о родовой принадлежности таких существительных («кандидатов в общий род») у лингвистов разные. Во многих учебниках, научных работах и грамматиках отсутствует специальное обсуждение этих имен существительных или изучение этих слов находится в части, посвященной либо общему, либо мужскому роду, например в [Русская грамматика, 1980: 467].

Ключевым в данном вопросе является исследование употребления таких имен существительных, как *врач, корреспондент*. К словам переходного к общему рода относится, по данным Л.К. Граудиной, около 200 лексем [Граудина, 2004: 98–101]. Наши же исследования показали, что на сегодняшний день таких слов около 650.

К переходному к общему роду относится группа одушевленных существительных, обозначающих названия профессий, должностей или социальное положение человека. Наличие в словарях пометы «мужской род» у таких слов свидетельствует, что эта группа не совпадает со словами общего рода и по семантике, и грамматически; как считает большинство лингвистов: хотя данные лексемы называют и мужчину, и женщину, этого недостаточно для причисления этих имен существительных к словам общего рода, и это объясняется несколькими причинами.

Во-первых, большинство существительных переходного к общему рода имеет характерную для мужского рода морфологическую парадигму, т. е. принадлежит к первому, по РГ-80, склонению, оканчивающемуся на согласный и имеющему в именительном падеже нулевое окончание.

Во-вторых, им не свойственна характерная для слов общего рода характеризующая оценочная лексическая семантика и разговорная стилистическая окраска.

В-третьих, в отличие от слов общего рода, при обозначении лица мужского пола согласуемое слово при этих существительных употребляется только в форме муж. р., но именно мужской род в оппозиции является немаркированным (в общем роде, как уже было сказано, наоборот), например:

(2) *Участковый врач приходится заведующей двоюродной племянницей* (А. Сальников «Петровы в гриппе и вокруг него») [Электронный ресурс] URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения 05.07.2022).

В-четвертых, когда эти слова обозначают лиц женского пола, по традиционной грамматике русского языка, подобные слова особым образом согласуются с определяющими их словами в форме мужского рода, несмотря на биологический пол, например: *новый врач, знаменитый профессор, квалифицированный корреспондент, этот учитель*. Словосочетания *новая врач, знаменитая профессор, квалифицированная корреспондент, эта учитель* чаще встречаются в неофициальной речи (в том числе в современной публицистике), например:

(3) *Как рассказала «Витрине» уволенная директор ЕМУП «Роспечать» Железнодорожного района Нина Ворошилова, в антимонопольном суде новые хозяева предприятий вели себя, мягко говоря, странно.* (Вооруженный налет на «Вечерние ведомости») [Электронный ресурс] URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 11.04.2021).

Примечательно, что такое употребление для литературного языка признается ненормативным даже в исследованиях последних лет, например в статьях И.Г. Милославского [Милославский, 2017], Е.А. Рязских [Рязских, 2022] и др.

В-пятых, в научной литературе указывается ограничительное условие: определение в форме женского рода может встречаться только в именительном падеже единственного числа,

а в косвенных падежах определения стоят только в мужском роде (*наш-а врач*, но с *наш-им врачом*) (см., например, [Русская грамматика, 1980: 468]).

В-шестых, такие слова не представляют собой существительных общего рода потому, что их согласовательный потенциал не совпадает с потенциалом слов общего рода (в частности, возможен разный род у атрибута и предиката при них: *Наш врач уже пришла* – в отличие от неупотребимого **Наш соня уже проснулась*).

Таким образом, имена существительные переходного к общему рода близки к словам мужского рода на морфемном и морфологическом уровне, по семантическим признакам они схожи со словами общего рода, а по согласовательному потенциалу отличаются от них.

Анализ найденных примеров с интернет-сайтов, в том числе новостных, и из Национального корпуса русского языка показал, что семантическое согласование не только предиката, но и атрибута как способ выражения категории рода у существительных переходного к общему рода является чрезвычайно распространенным, а семантическое согласование атрибута в косвенном падеже стало возможным (например: *Послушай нашу судью*).

По примерам использования существительных переходного к общему рода видно, что способы указания на женский пол обладают наибольшей гибкостью и разнообразием, особенно в устных текстах, а также в неофициальных интернет-ресурсах (например, в блогах), в текстах СМИ и в художественной, в том числе сетевой литературе. Способами выражения пола лица в этих текстах являются 1) согласование грамматическое, 2) согласование семантическое, 3) наличие в контексте указывающих на пол лица других слов в том же предложении (местоимений, собственных имен, приложений и др.), а также слов вне предложения и в самой конситуации.

Способы выражения женского рода существительных переходного к общему рода (и, соответственно, женского пола называемого лица) являются отличительной чертой переходного к общему рода. Они разделяются на четыре типа: 1) предикативное выражение женского рода при отсутствии атрибута (*Директор пришла. Декан занята*); 2) атрибутивное выражение женского рода в именительном падеже (*молодая секретарь, наша редактор*); 3) совместное предикативное и атрибутивное выражение женского рода в именительном падеже (*Наша врач уже пришла*; при этом может наблюдаться рассогласование атрибута и предиката: *Наш врач уже пришла*); 4) атрибутивное выражение женского рода в косвенном падеже (*Посоветуйся с нашей врачом*).

Среди них первый способ самый распространенный, грамматически допустимый и имеющий наибольшее количество примеров в корпусе и в сети, например (здесь и далее орфография и пунктуация оригинала сохранены):

(4) ...*Директор увидела в пакете товар из магазина чеков у меня на него не было и сотрудники тоже не подтвердили что пробивали товар. директор велела написать заявление по собственному желанию либо она вызывает полицию. я написала, а потом узнала что увольнять она меня не имела права и запугивать тем более* [Электронный ресурс] URL: <https://pravoved.ru/question/1283678/> (дата обращения 12.05.2022).

К особенностям и тенденциям употребления общего и переходного к общему рода в современном русском языке

(5) Однако произошло то, чего все так опасались – монарх заболела. Об этом стало известно от представителей СМИ BBC и ITV News [Электронный ресурс] URL: http://www.moscow-post.su/culture/neozhidannaya_bolezn_elizavety_ii31675/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения 27.09.2020).

Примеров второго способа тоже довольно большое количество, например:

(6) *Сериал под названием «Наша доктор» расскажет зрителям историю очаровательной девушки по имени Мария Лукаш, являющейся дочерью профессора медицины* [Электронный ресурс] URL: <https://rus-seriali.online/2874-nasha-doktor.html> (дата обращения 01.09.2022).

(7) *...Говорят, например, «врач поставила диагноз», «биолог сделала открытие», «пришла бухгалтер».* Но прилагательные пока отстают от глаголов, поэтому «говорливая архитектор», «талантливая прозаик», или «новая бухгалтер» говорят о женщинах реже, чем в мужском роде [Электронный ресурс] URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/3487532-kak-pravilno-prishla-novuj-buhgalter-ili-prishla-novaja-buhgalter.html> (дата обращения 10.08.2022).

Третий тип также встречается нередко, например:

(8) *... Используйте шампуни и кондиционеры с синим пигментом, ликвидирующие желтизну. Например такой – Blond Explosion anti-yellow effect. И обязательно бальзам; я пользуюсь таким: Blond Explosion для нейтрализации желтизны, оттенок Жемчужный блонд. Моя многолетняя парикмахер когда-то посоветовала мне его, и именно с жемчужным оттенком – он придаёт красивый цвет волосам* [Электронный ресурс] URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5dece2ebb477bf00aded1993/uluchshaizing-kak-legko-sdelat-sebia-krasivee-broviresnicy-i-guby-5f4972c2864446098bf7fbc1> (дата обращения 20.11.2020).

(9) *В городе Сунндалсора на западе Норвегии неделю назад зарегистрировали рекордные 19 градусов тепла. Местный мэр встретила Новый год, купаясь в море, сообщает AFP* [Электронный ресурс] URL <https://pogoda.mail.ru/news/40120486/> (дата обращения 08.01.2020).

Последний пример демонстрирует рассогласование атрибута и предиката, тем не менее однозначно указывая на женский пол мэра. Проблеме рассогласования посвящена статья А.А. Герасимовой и Е.А. Лютиковой (2020), где авторы показывают, что в русском языке стало возможным не только рассогласование атрибута и предиката, но и использование нескольких атрибутов в разном роде при существительном переходного к общему рода; например, из пяти возможных приведенных авторами комбинаций с несколькими атрибутами и предикатом четыре оказались узуально возможными:

а. *Прекрасный новый участковый врач пришла вовремя.*

б. *Прекрасный новый участковый врач пришел вовремя.*

с. *Прекрасная новая участковый врач пришла вовремя.*

д. *Прекрасная новая участковая врач пришла вовремя.*

е. * *Прекрасный новая участковый врач пришел вовремя»* [Герасимова, Лютикова, 2020: 34].

При этом А.А. Герасимова и Е.А. Лютикова справедливо отмечают, что рассогласование типа *Прекрасная новая участковый врач пришла вовремя* возможно преимущественно в том случае, когда ближайшее к существительному прилагательное несвободно и составляет с

существительным идиоматическое сочетание (*участковый врач, главный инженер, старший лейтенант* и т. п.) [Герасимова, Лютикова, 2020: 28].

Примеров четвертого, по нашей классификации, типа со словом переходного к общему рода в косвенном падеже и атрибутивным выражением в женском роде косвенного падежа (*Посоветуйся с нашей врачом*) немного – и они в основном являются приобретением XXI в. – по сравнению с количеством примеров первого и второго способов, но они все же встречаются. Так, большой интерес представляет заголовок в новостной строке «Газеты ру»:

(10) *Погибшую следователя изнасиловал коллега* [Электронный ресурс] URL: https://www.gazeta.ru/social/2019/11/25/12831866.shtml?utm_source=24smi&utm_medium=referral&utm_term=14111&utm_content=2580578&utm_campaign=11036&es=24smi? (дата обращения 26.11.2019).

Интересно, что в самой статье в дальнейшем автор называет женщину-следователя сниженным феминитивом *следовательница*. Таким образом, выбор автором для новостной строки словосочетания *погибшую следователя* обусловлен тем, что данное использование атрибута в женском роде однозначно указывает на женский пол следователя и помогает избежать двусмысленности нормативного словосочетания *погибшего следователя*.

Все указанные способы реализуют семантическое согласование. Когда же согласование является чисто грамматическим, ни предикат, ни атрибут, стоящие в мужском роде, не могут однозначно указывать на пол человека, обозначенного существительным переходного к общему рода, например:

(11) *Проходя мимо стенда, Даша увидела главного инженера* [Электронный ресурс] URL: https://librebook.me/bitva_v_puti/vol1/11 (дата обращения: 10.06.2021).

Приведем еще один пример, весьма показательный тем, что он взят из новостной строки ТАСС – официального и редактируемого СМИ:

(12) МОСКВА, 5 ноября. /ТАСС/. *Водитель, находившаяся за рулем автомобиля, въехавшего в остановку в центре Москвы, отвлеклась во время вождения, что и стало причиной ДТП. По предварительной информации, водитель был трезвый* [Электронный ресурс] URL: https://tass.ru/proisshestviya/9921961?utm_source=uхnews&utm_medium=desktop (дата обращения 06.11.2020).

Как мы видим, в пределах одного текста слово *водитель* сперва согласуется с атрибутом и предикатом в женском роде, чтобы указать на женский пол водителя, а потом при этом слове используется более нормативный мужской род.

Представляется, что на ограниченное синтагматическое выражение женского рода существительными переходного к общему рода в числе прочего (например, наличия родовой пары с феминитивом типа *учитель – учительница*) влияет морфологическая парадигма: слова переходного к общему рода имеют флексии, характерные для мужского рода.

***

Таким образом, с точки зрения маркированности именно женский род для слов переходного к общему рода – маркированный член, который является надежным средством для

К особенностям и тенденциям употребления общего и переходного к общему рода в современном русском языке указания на женский пол (*наша врач* – только женщина; *наш врач* – и мужчина, и женщина); для слов общего рода, как уже было сказано, маркирован мужской род (*Саша большой умница* – только о мужчине; *Саша – большая умница* – не только о женщине, но и о мужчине, особенно если на мужской пол указывают другие слова в предложении, например: *Он большая умница*). Это является принципиальным различием между общим и переходным к общему родом и препятствует их объединению в одну группу. Иными словами, можно предположить, что существительным переходного к общему роду предстоит долгое «кандидатство» в слова общего рода, а скорее всего, их объединения не произойдет вовсе.

* * *

В русском языке есть особая немногочисленная группа слов типа *коллега, староста, судья, глава, убийца*. Количество этих слов настолько невелико, что наряду с ними упоминают даже устаревшее слово *книгоноша*. В грамматиках и словарях, в том числе словаре А.А. Зализняка, их объединяют со словами общего рода (т. е. они имеют пометы *м.* и *ж.* или *мо-жо*). Сходство их со словами общего рода заключается в том, что они могут обозначать как мужчину, так и женщину и при этом относятся к II склонению (по РГ-80), т. е. склоняются так же, как слова общего рода, в отличие от слов переходного к общему роду, включенными в словари как слова мужского рода и склоняющимися по I склонению, характерному для слов мужского рода.

Однако эти слова имеют существенные отличия от слов общего рода, сближающие их со словами переходного к общему роду:

- 1) они обозначают людей по роду их занятий,
- 2) они не имеют положительной или отрицательной оценки,
- 3) они стилистически нейтральны,
- 4) стилистическая нейтральность обуславливает высокую частотность их употребления.

А главное, грамматически эти слова также сходны со словами переходного к общему рода: маркированным в них является не мужской (как у существительных общего рода), а женский род, например:

(13) *Господа, рекомендую: наш новый коллега, или – как бы это правильнее сказать – наша новая коллега Варвара Никандровна Собьонская.* (Н.И. Позняков «Рыцари») [Электронный ресурс] URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 01.04.2020).

В контексте слово *коллега* обозначает женщину, но в словосочетании *наш новый коллега* атрибуты *наш, новый* относятся к мужскому роду, и причина этого состоит в том, что говорящий подчеркивает не пол, а социальную характеристику личности; для общего рода такое употребление отсутствует.

(14) *Главный убийца – гитлеровская Германия, планомерно уничтожающая другие народы и понуждающая к самоубийству свой народ, заставив его творить чудовищные злодеяния.* (Вадим Кожевников «Щит и меч» Книга вторая) [Электронный ресурс] URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 01.04.2020).

Гитлеровская Германия относится к женскому роду, *убийца* же, безусловно, обозначает *гитлеровскую Германию*, однако атрибут *главный* – слово мужского рода. Подобным примером является и следующий контекст:

(15) *Это мой наемный убийца. Помнишь нож с клеймом одуванчика? Она на нашей стороне, так что не задень ее каким-нибудь шальным заклинанием.* (Андрей Белянин «Свирепый ландграф» [Электронный ресурс] URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 01.04.2020).

Еще одно сходство со словами переходного к общему роду – появившаяся еще во второй половине XX в. редкая возможность употребления женского рода в косвенных падежах. Так, АГ-80 приводит следующие примеры:

(16) *Судью-то нарочно попросили самую строгую прислать* (газ.) [Русская грамматика, 1980: 467].

(17) *В семье Суругиных вспыхивает конфликт между беспорной главой семьи – «большой мамой», Евгенией Дмитриевной, и зятем ее – Николаем Александровичем* (газ.) [Там же: 467]

Эти слова следует считать существительными не общего, а переходного к общему рода. В числе прочего это подтверждается высокой по сравнению со словами общего рода частотностью употребления этих слов (в разы, а для некоторых слов и на порядок больше), например: *коллега* (80,6), *убийца* (34) (против индексов 12,1 у слова *сирота* и 10,8 у слова *пьяница* – самых частотных слов общего рода) [Частотный словарь 2009]. Представляется, что высокая частотность употребления этих слов вызвана их стилистической нейтральностью и отсутствием у них оценочного компонента значения.

* * *

Особый случай представляет собой слово *молодец*.

Семантическая его особенность – отсутствие значения профессии или рода деятельности и наличие положительного оценочного прагматического компонента в составе его лексического значения. По своим морфологическим признакам это слово мужского рода со склонением на согласный (I склонение по АГ-80). В словарях, в том числе в «Грамматическом словаре» А.А. Зализняка, оно относится к мужскому роду. Синтаксическая особенность этого слова в том, что оно всегда употребляется как предикат, а морфологическая его особенность (помимо типа склонения) состоит в том, что в последнее время, особенно в XXI в., оно ведет себя как слово переходного к общему роду, т. е. при обозначении мужчины всегда имеет при себе атрибутивное слово в мужском роде (*Он большой молодец* при неправомерности **Он большая молодец*), а при обозначении женщины может иметь атрибут не только мужского, но и женского рода (*Она большой / большая молодец*). Подтвердим это положение примерами из разных подкорпусов НКРЯ:

(17) *Но я бы осталась с Димой. Он такой молодец! Где ты еще такое сокровище найдешь?* (мужской пол, мужской род) [Электронный ресурс] URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 01.04.2020).

К особенностям и тенденциям употребления общего и переходного к общему рода в современном русском языке

(18) *Тебе надо/ чтобы на тебя все смотрели и говорили/ «Ах/ какой молодец этот Чижиков!»* (мужской пол, мужской род) [Электронный ресурс] URL: <https://ruscorporga.ru> (дата обращения 01.04.2022).

(19) *Как говорит моя мама, она тоже большой молодец, научилась готовить фаршированную рыбу и цимес и всё, что полагается на еврейских праздниках* (женский пол, мужской род) [Электронный ресурс] URL: <https://ruscorporga.ru> (дата обращения 01.04.2022).

(20) – *Если вы такой молодец, что же вы себе не нашли хорошего еврейского мужа?* (женский пол, мужской род) [Электронный ресурс] URL: <https://ruscorporga.ru> (дата обращения 01.04.2022).

(21) *Она махала мне платком, и мне казалось, что она такая молодец и как-то воодушевленно это все воспринимает* (женский пол, женский род) [Электронный ресурс] URL: <https://ruscorporga.ru> (дата обращения 01.04.2022).

(22) *Когда вчера у П.А. Николаева я сказал, что собираюсь на два дня в Египет, чтобы, по okazji, осуществить мечту юности, Петр Алексеевич прокомментировал: «Какая молодец ваша жена, что отпускает вас»* (женский пол, женский род) [Электронный ресурс] URL: <https://ruscorporga.ru> (дата обращения 01.04.2022).

Таким образом, у слова *молодец* маркирован женский род (всегда соответствует женскому полу), что сближает это слово с существительными переходного к общему роду. Кроме того, необходимо отметить, что большинство употреблений типа *такая молодец* встречается в текстах, созданных в XXI в.

***

Чтобы понять, насколько та или иная сочетаемость слов общего рода стала допустимой и распространенной в XXI в., мы провели анкетирование студентов-филологов МГУ – молодых людей, родившихся на рубеже веков или в начале XXI в. и обучающихся на 2 и 3 курсе (50 человек). Им был задан следующий вопрос: «Употребите ли вы словосочетания и предложения *Он моя коллега; Она мой коллега; Он большая умница; Ты большая молодец; Наша соня опять проспал; Наша соня опять проспала (по отношению к лицу мужского пола); с нашей соней Виктором?»*

Нами были получены следующие результаты.

Студенты указывали на допустимость предложенной в анкете сочетаемости существительных с атрибутом и/или предикатом; приведем результаты в процентах:

Он большая умница – 44 %;

Ты большая молодец – 72 %;

Он моя коллега – 6 %;

Она мой коллега – 20 %;

Наша соня опять проспал – 18 %;

с нашей соней Виктором – 14 %.

Результаты анкетирования подтверждают наши выводы:

1) слово *коллега* не относится к словам общего рода: на возможность женского рода при обозначении мужчины указало только 6 % опрошенных;

2) слово *молодец* проявляет тенденцию употребления, приближенного к словам общего рода;

3) слово *соня* (как пример слова общего рода) применительно к лицу мужского пола допускает атрибут в женском роде в большей степени в именительном падеже, чем в косвенном падеже (18 % против 14 %), а с атрибутом женского рода предикат в женском роде предпочтительнее, чем предикат в мужском роде: на допустимость рассогласования атрибута и предиката указало 18 %.

В анкете также содержались вопросы, касающиеся сочетаемости слов переходного к общему роду. Студентам был задан следующий вопрос: «Употребите ли вы словосочетания и предложения *Врач наконец пришла; Секретарь выдала справку; У нас новая бухгалтер; Иванова – хорошая врач; Посоветуйся с нашей врачом*».

Получены следующие результаты:

Врач наконец пришла – 94 %;

Секретарь выдала справку – 98 %;

У нас новая бухгалтер – 36 %;

Иванова – хорошая врач – 16 %;

Посоветуйся с нашей врачом – 8 %.

Сравним результаты нашего анкетирования с анкетированием, представленным в РЯСО. Информантам были предложены следующие вопросы: «Как бы Вы сказали применительно к женщине: *врач пришел* или *врач пришла; управдом выдала справку* или *управдом выдал справку; у нас хороший бухгалтер* или *у нас хорошая бухгалтер; Иванова – хороший врач* или *Иванова – хорошая врач?*» [Русский язык и советское общество, 1968: 26].

Анкетирование РЯСО было проведено среди разных социальных групп, в том числе среди студентов-филологов. Для чистоты эксперимента сравним результаты именно этой группы информантов.

РЯСО приводит следующую статистику [Там же: 27–28].

Врач пришла – 50,7 %;

Управдом выдала справку – 58,6 %;

Статистика по двум другим предложениям в РЯСО не приводится (однако другая анкета показала, что информанты предпочитают для обозначения женщин использовать феминитивы). В РЯСО указана и динамика ответов в зависимости от года рождения опрашиваемых и сказано, что количество информантов, положительно реагирующих на предложение *Врач пришла*, за сорок лет выросло с 42 до 53 %.

Результаты нашего анкетирования показывают:

1) в настоящее время количество информантов, положительно реагирующих на предложение *Врач пришла* и *Секретарь выдала справку*, составляет соответственно 94 % и 98 %; это

К особенностям и тенденциям употребления общего и переходного к общему рода в современном русском языке чрезвычайно показательны и свидетельствуют, что предикат в женском роде при существительных переходного к общему рода, обозначающих женщину, прочно закрепился в узусе;

2) при словах типа *врач* сегодня употребление атрибута в женском роде при подлежащем развито в меньшей степени, чем при предикате, однако всё же достаточно распространено: *У нас новая бухгалтер* – 36 %; *Иванова – хорошая врач* – 16 %;

3) запрещенное нормой употребление атрибута в женском роде при существительном в косвенном падеже стало вполне возможным: *Посоветуйся с нашей врачом* – 8 %.

Таким образом, за полвека узуальное употребление существительных общего и переходного к общему рода претерпело описанные выше существенные изменения.

Источники

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] URL: <https://ruscorpora.ru>.

Портал «Грамота ру» [Электронный ресурс] URL: <http://www.gramota.ru>.

Электронные ресурсы изданий ТАСС [URL: <http://www.tass.ru>], Газета.ру [URL: <http://www.gazeta.ru>], Либребук [URL: <http://www.librebook.ru>] и блоги.

Список литературы

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Кузнецова. СПб., 1998. 1536 с.

Герасимова А.А., Лютикова Е.А. К проблеме вариативности языковых данных: рассогласование по роду в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2020. № 2. С. 25–37.

Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1970. 767 с.

Граудина Л.К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов / Ин-т рус. яз. имени В.В. Виноградова РАН; Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. 3-е изд., стереотип. М., 2004. 561 с.

Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967. 370 с.

Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1987. 880 с.

Иомдин Л.Л. Автоматическая обработка текста на естественном языке: модель согласования / Под ред. Ю.Д. Апресяна, И.А. Большакова; АН СССР, Ин-т пробл. передачи информации. М., 1990. 167 с.

Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П.А. Леканта. 2-е изд., испр. и доп. М., 1995. 361 с.

Литневская Е.И. Русский язык: краткий теоретический курс для школьников. 2-е изд. М., 2018. 256 с.

Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). 2009. [Электронный ресурс] URL: <http://dict.ruslang.ru> (дата обращения 15.07.2020).

Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981. 256 с.

- Милославский И.Г.* Человек: пол неизвестен, а род мужской, и это не сексизм // *Русская речь.* 2017. № 1. С. 50–59.
- Павлова Т.С.* Существительные общего рода в русском языке: семантика, грамматика, употребление: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011. 220 с.
- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь трудностей русского языка. 4-е изд., стереотип. М., 1985. 704 с.
- Русская грамматика.* Т. I. М., 1980. 783 с.
- Русский язык и советское общество: социолого-лингвистические исследование. Морфология и синтаксис современного русского языка /* Под ред. М.В. Панова. М., 1968. 367 с.
- Ряжских Е.А.* «Известная блогер»: о проблеме смыслового согласования существительных мужского рода, именующих лиц женского пола (из практики преподавания студентам факультета журналистики) // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика.* 2022. № 1. С. 65–67.
- Словарь русского языка: В 4 т. /* Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. / Гл. ред. А.П. Евгеньева; выполн. Л.П. Алекторовой и др. 3-е изд., стереотип. Т. I: А–Й. М., 1985. 696 с.
- Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. /* Под ред. К.С. Горбачевича. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 2. М., 1991. 960 с.
- Тарасенко Р.В.* Слова общего рода в русском языке: Дисс. ...канд. филол. наук. М., 1994. 158 с.

Символика словосочетаний с прилагательным *зеленый* в русском языке

Необходимость исследования языковых символов определяется тем, что они имеют скрытый культурный смысл и позволяют проникнуть в глубины человеческого сознания, понять особенности восприятия им окружающей действительности. «Важно, что за языковым знаком как культурным символом скрывается не значение, а культурное содержание с характерными векторами и измерениями культуры» [Мильруд, 2013: 44].

В современном русском языке социокультурной символикой обладают многие слова, связанные с ощущениями, в первую очередь прилагательные – цветообозначения. Это может быть связано с накоплением в них традиционных национальных смыслов. Национально-культурный, символический аспект имен цвета очевиден. Он реализуется и в повседневной речи, и в публицистических текстах, и в языке художественной литературы.

Одно из самых популярных обозначений цвета, используемых для выражения символических смыслов, – *зеленый*. Прилагательное *зеленый* образует множество устойчивых атрибутивных словосочетаний разного свойства: терминологические номинации, номенклатурные знаки и фразеологизмы с ярко выраженным символическим компонентом значения.

К терминологическим номинациям можно отнести такие словосочетания, как *зеленый пар*, *зеленый шантаж* и *зеленый луч*.

Зеленый пар – с.-х. Поле, отдыхающее перед посевом озими, заросшее сорными травами, служащее пастбищем для скота [Ушаков, 1935].

Зеленый шантаж (англ. *greenmail*) – эконом. Зеленый в данном случае имеет значение «деньги». Покупка большого пакета акций компании, которые затем продаются этой же компании с надбавкой к рыночной цене в обмен на обещание не претендовать на контроль над компанией [Райзберг, Лозовский, Стародубцева, 1996: 112]. Термин стали активно употреблять в 80-х гг. XX в.

Зеленый луч – астроном. Вспышка зеленого света в момент исчезновения солнечного диска под горизонтом (обычно морским) или появления его из-за горизонта. Явление крайне редкое, связано с рефракцией солнечных лучей в атмосфере [Зверева, 1988].

Терминологические номинации не лишены возможности переходить в другой речевой регистр и приобретать символические значения. Это в первую очередь касается словосочетания *зеленый луч*. Этому природному явлению посвящен роман Жюль Верна «Зеленый луч». Капитан дальнего плавания писатель Виктор Конецкий писал в повести «Третий лишний» (1982): «...если счастье и бывает на свете, то ровно на столько мгновений, сколько сверкает зеленый луч». *Зеленый луч* – символ чуда и счастья.

К номенклатурным знакам (фиксированным наименованиям) можно отнести словосочетания *зеленый театр* (парковая открытая эстрада), *зеленый чай*, *зеленые щи*, *зеленый лук*, *зеленый сыр*. Из приведенных номинаций склонностью к приобретению символического ком-

понента обладает *зеленый чай*. Косвенным подтверждением этого является, на наш взгляд, название зеленого чая «Вечная жизнь».

Перифрастические словосочетания, включающие прилагательное *зеленый*, заменяют слово, описательно выражая его значение. Перифраза может быть построена на метафоре: *Зеленое золото*. Книжн. Лес. *Главное на сегодняшний день – решил Егорша – держи производственные показатели. Качай зеленое золото, как велит родина*. (Ф. Абрамов. Две зимы и три лета) [Фёдоров, 2008].

Зеленый друг – лес, зеленые насаждения. Из статьи «В защиту зеленого друга» советского писателя Леонида Максимовича Леонова (1899–1994), опубликованной 28 декабря 1947 г. в газете «Известия». Писатель говорил о необходимости озеленения городов, о защите каждого «зеленого друга» [Серов, 2003].

«Зеленый друг», помимо древесины, обеспечивает человеку благоприятную экологическую среду обитания, влияет на гидрологию и связывает углекислый газ атмосферы, сдерживая изменение климата [Парламентская газета, 2021.10].

Зеленая аптека – о лекарственных травах. *Зеленая красавица* – ель.

Перифраза *зеленый континент* обозначает Австралию [Новиков, 2004: 109]. Название весьма противоречиво, так как значительную территорию Австралии занимает пустыня, а зеленых лесов не так много. Тем не менее в олимпийской эмблеме Австралию символизирует *зеленое кольцо*.

В русском языке популярны перифрастические наименования лиц по деталям, включающие прилагательные цвета: *белые воротнички, голубые береты, черные рубашки* и др. В отношении слова *зеленый* это традиционная номинация *зеленые фуражки* (пограничники).

Символика устойчивых словосочетаний с компонентом *зеленый* не всегда основана на семантике этого прилагательного. В толковых словарях приводится от пяти до восьми его значений. Все авторы единодушны в определении первого, главного значения слова *зеленый* – «цвет травы». Как мы знаем, у каждого цветообозначения есть свой эталон. Включать в толкование слова *зеленый* «цвет зелени», как это делается в ряде словарей, на наш взгляд, не совсем правильно.

Как название цвета растительности, *зеленый* символизирует пробуждение природы, победу весны над зимой, жизни над смертью в словосочетаниях *зеленые насаждения, зеленый сад, зеленый шум, зеленые святки, зеленая неделя*.

Образ *зеленого сада* в русском фольклоре выступает как символ любви, молодости, счастья, обновления жизни. Эта символика воплощена, прежде всего, в обрядовой свадебной песне, где *зеленый сад* – традиционное место встречи влюбленных (...*Возле сада повстречались, / Перстеньками поменялись*). *Зелен сад* входит в традиционный песенный зачин в обрядовых лирических песнях [Тропкина, 2016: 16].

Жизнеутверждающая символика зеленого цвета проявляется в весенней обрядности в словосочетаниях *зеленые святки* – Троица, *зеленая неделя* – Троицкая неделя.

Словосочетание *зеленый шум* символизирует пробуждение природы весной. Этому посвящено известное стихотворение Н.А. Некрасова «Зеленый Шум» (1862). В примечании автор пишет: «Так народ называет пробуждение природы весной».

Идет-гудет *Зеленый Шум*,
Зеленый Шум, весенний шум!
Играючи, расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнет кусты ольховые,
Поднимет пыль цветочную,
Как облако: *все зелено*,
И воздух и вода!
Идет-гудет *Зеленый Шум*,
Зеленый Шум, весенний шум!

<...>

А рядом *новой зеленью*
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая березонька
С *зеленою косою!*

Словосочетание *вечнозеленые растения* символизирует вечную жизнь, бессмертие. В художественном тексте эта символика становится очевидной. Так, в рассказе Л.Н. Андреева «У окна» (1899) читаем:

«Даже в эту погоду, когда кругом все стояло безжизненным и грустным, зеркальные стекла дома сияли, и тропические растения, отчетливо видные, казались молодыми, свежими и радостными, точно для них никогда не умирала весна и сами они обладали тайной *вечнозеленой жизни*».

Марина Цветаева образует свой сложный эпитет *бессмертно-зеленый*:

Ты, который так царственно мог бы – любимым
Быть, *бессмертно-зеленым* (подобным плющу!)

[М.И. Цветаева. Автобус: «Препонам наперерез...» (1934–1936)]

Одна из самых многочисленных групп словосочетаний связана с защитой окружающей среды. Значение прилагательного *зеленый* в их составе – «относящийся к движению защитников окружающей среды, разделяющий их взгляды» – актуализировалось в 90-е гг., расширилась сочетаемость этого слова: *зеленый профессионал, зеленый проектировщик, зеленый оператор, зеленая общественность, зеленый имидж, зеленая экономика, зеленый переход*. Движение *зеленых* (*Гринпис*) возникло в начале 70-х гг. XX в., когда авторы многих книг предупреждали человечество о возможной будущей экологической катастрофе.

«Зеленые» профессионалы внесут в акции организующегося общественного движения конструктивный смысл. «Зеленый» проектировщик не забудет внести в проект узлы очистки

и ликвидации отходов... «Зеленый» оператор не нарушит технологический регламент работы установки. Тогда «зеленая» общественность перестанет походить на тех, кто в голодные бунты громит пекарни [Знание – сила, 1990, № 2]. Трудно сказать, насколько эти шаги вызваны искренним желанием компаний быть добропорядочными членами общества, а насколько – экономической выгодой «зеленого» имиджа [Итоги, 2000, № 19].

Не так давно появилось словосочетание *зеленые облигации*, их выпускают под проекты, которые направлены на улучшение экологической ситуации или уменьшение наносимого природе ущерба.

У всех на слуху «зеленые» облигации, но должны быть и трансформационные облигации. ЦБ разрабатывает инструменты, чтобы помочь «незеленым» компаниям трансформироваться [Парламентская газета, 2021.12].

Зеленая экономика – сформировавшееся в конце XX в. направление в экономической науке, которое подчеркивает необходимость сокращения отрицательного воздействия экономической деятельности человека на среду его обитания. Переход к *зеленой экономике* получил название *зеленый переход*. В 2018 г. в Санкт-Петербурге вышло учебное пособие под названием «Зеленая экономика и зеленые финансы», в котором сочетаемость прилагательного *зеленый* в данном значении не имеет границ. Эта же тенденция подтверждается текстами СМИ.

Илон Маск стал самым богатым «зеленым» миллиардером в мире [Ведомости, 2021.11].

Еврокомиссия приняла «Европейское зеленое соглашение» (European Green Deal), направленное на декарбонизацию энергетического сектора и экономики в целом [Ведомости, 2021.12].

Зеленый транспорт (электробус) [Москва 24, 23.05.23].

Еще несколько лет назад никто и предположить не мог, что в нашей стране начнется «зеленый» бум – резко возрастет спрос на все экологически чистое [Московский комсомолец, 2008.04.04].

Косвенно с защитой окружающей среды связано название компьютера со сниженным потреблением электроэнергии – *зеленый компьютер*.

Несмотря на многочисленность приведенных словосочетаний, все они в большей или меньшей степени сохраняют символику природы, жизни, надежды.

Зеленый цвет – традиционный цвет надежды. Это значение обнаруживается в словосочетании *зеленая звезда*, называющем символ эсперанто. Зеленая пятиконечная звезда впервые была предложена в 1892 г. в журнале «Эсперантист» (эспер. *La Esperantisto*). Л.Л. Заменгоф, создатель эсперанто, писал, что можно смотреть на зеленый цвет как на символ надежды. Так эта звезда получила еще одно название – *звезда надежды*. Пять концов звезды символизируют пять континентов, связанных надеждой на объединение всех стран и народов при помощи эсперанто.

Словосочетания с прилагательным *зеленый* символизируют также избыток, процветание, стабильность. Не случайно многие народы избрали для своих денег зеленую семантику.

Зеленые деньги (англ. *Greenbacks*) – казначейские билеты, впервые выпущенные в США в 1862 г. правительством Севера для финансирования военных расходов, с 1879 г. они стали

конвертируемыми. До сих пор существуют как денежная единица США [Райзберг, Лозовский, Стародубцева, 1996: 112]. На современном сленге *зелеными*, или *гринами*, стали называть американские доллары, произошла субстантивация прилагательного *зеленые*.

С темой обогащения, игры связаны словосочетания *зеленое сукно* и *зеленый стол*.

Зеленый стол – стол для игры в карты, обтянутый зеленым сукном, на котором мелом производится запись счета. *Толпа гостей теснилась шумно Вокруг зеленого стола; Игра уж дельная была.* Лермонтов, Тамбовская казначейша [МАС 1999]. Еще один пример – из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»:

Столы зеленые открыты:

Зовут задорных игроков.

Первоначально в XV в. во Франции зеленое сукно было на столе для бильярда, который имитировал лужайку с зеленой травой. Затем оно стало использоваться для столов в других азартных играх (ломберный стол, стол для покера). *Испытать удачу за зеленым столом* стало означать желание сыграть на деньги в бильярд или карты.

Сравнение политики с карточной игрой лежит в основе целого ряда метафор, среди которых и *зеленое сукно политики* – «поле политической деятельности». Оноре де Бальзак пишет в повести «Брачный контракт»: *Мы с тобой – два игрока, кидающие ставки на зеленое сукно политики; помогать друг другу – наш закон.*

Этот образ актуален и по сей день. *И тем не менее за «зеленым сукном» политики в наше сложное и во многом откровенно опасное время надо научиться даже сильному играть, не упоая на козыри в руках. И при свечах, и тем более при ярком свете дня.* [7 дней, 10.11.00]

Зеленое сукно ассоциируется также со столом высокого должностного лица. Такой стол был еще у Петра I. Интересно, что *Совет зеленого сукна* представлял собой совет должностных лиц, принадлежащих к Королевскому двору Англии и Великобритании.

Зеленое сукно наркомовских кабинетов дополнялось зеленой лампой. Словосочетание *зеленая лампа* – не только один из символов советской эпохи, но и знак пушкинского времени. Общество «*Зеленая лампа*» было создано в 1819 г. Среди его членов были и будущие декабристы. Символическое содержание этого названия связано с надеждой. Не случайно девиз участников был «Свет и надежда!». Такое значение прилагательного *зеленый* мы рассматривали выше в связи с символикой эсперанто. Спустя столетие общество «*Зеленая лампа*» было воссоздано в Париже русскими писателями-эмигрантами: *Все же хочу отметить замечательные страницы, как бы воскрешающие Мережковского и Зинаиду Гиппиус, и всю окружающую их навсегда погибшую атмосферу и незабываемый какой-то особенный свет Зеленой Лампы.* [Вадим Крейд, Георгий Иванов в Йере // «Звезда», 2003]

Еще одно из значений прилагательного *зеленый* – «неспелый, незрелый»: *Бананы (персики) еще зеленые.* В данном примере не утрачивается связь с собственно цветовым значением. Мы не скажем: *Огурцы (оливки) еще зеленые.* Словосочетание *зеленое яблоко* является конкретным обозначением сорта, что в бытовой ситуации препятствует возможности его употребления в обсуждаемом значении. Однако наши наблюдения говорят в пользу того, что слово

зеленый в значении «незрелый» содержит возможность символизации в некоторых словосочетаниях. В качестве аргумента приведем такой пример: *И яблоки созревают, и Маруся идет по саду, и червонные плоды ей не нужны, не нужны ей одной, и она смотрит в прошлое – во время зеленых яблок.* [Владимир Губайловский. Форма глагола]

Время зеленых яблок – здесь символ юности. И эта авторская перифраза перекликается со словосочетаниями *зеленая молодежь, зеленый юнец, зеленый парень, зеленый парнишка, зеленая девчонка*, в которых *зеленый* имеет значение «молодой, неопытный».

Судя по выражениям «зеленые помидоры» и «еще зеленый старик» (забавно, что так по-русски не говорят, зато можно, наоборот, сказать «зеленый юнец»), слово *зеленый* может означать «достаточно молодой, не достигший зрелости. [И. Иткин. Ответы и решения // «Наука и жизнь», 2006]

Тут есть и пожилые (вроде автора этих заметок), и зеленая молодежь, которая постигает профессию, как говорится, на ходу [Борис Грищенко. Посторонний в Кремле (2004)].

Молодой, совсем еще зеленый парнишка со смоляными длинными волосами, перехваченными у затылка ленточкой, сказав это, встал, подошел к Хосе и заслонил его собой. [Е.В. Носов. Испытание (1989)]

В современных произведениях встречается стилистически сниженное выражение *сопля зеленая*: *А новичок – сопля зеленая, Он не умеет страховать.* [Семен Каминский. Папина любовь // «Ковчег», 2014]

Так пренебрежительно говорят о слишком молодом человеке, неспособном понять что-либо, разобраться в чем-либо [Мокиенко, Никитина, 2013]. В этом случае нельзя говорить о каком-либо символическом значении словосочетания.

Противоположная символика времени представлена в словосочетаниях *зеленый налет, зеленый мох, зеленая плесень, зеленый от времени, зеленый от старости.*

Зеленый налет по-другому называется *патина*. Такой налет образуется от окисления меди на старинных предметах, которым больше ста лет. *Видите, на стенках этих тиглей такой вот зеленый налет – это остатки меди* [Экспедиция института археологии РАН нашла следы древнего Смоленска // Vesti.ru, 2015.07]. Ср. *Часы позеленели от времени.*

Приведем несколько контекстов с другими словосочетаниями.

*Тому, что в мире старость есть –
Зеленый мох и влажный камень.*

[О.Э. Мандельштам. «На влажный камень возведенный...» (22.10.1909)]

Это были знаки причастности истории, такие же драгоценные, как зеленая плесень на венецианских палаццо. [М.К. Кантор. Одного достаточно (2011)]

...Вспыхнуло – Всадниково лицо, меднолавровый венец; много тысяч металла свисало с матово зеленеющих плеч медноглавой громады; фосфорически заблестали и литое лицо, и венец, зеленый от времени, и простертая повелительно прямо в сторону Николая Аполлоновича многосотпудовая рука; в медных впадинах глаз зеленели медные мысли... [Андрей Белый. Петербург (1913–1914)]

Площадка и фонтан, зеленый от времени, во мху, вроде римского Тритона. [Ф.И. Шаляпин. *Моим детям* (1932)]

Он обрушил сломанную этажерку, державишюся только за торец буфета: горбами повалились рыхлые книги, полетел, теряя огарки, зеленый от старости медный подсвечник [О.А. Славникова. *Басилевс* // «Знамя», 2007, № 1].

Таким образом, мы видим еще одну возможность прилагательного *зеленый* иметь разнонаправленную символику (молодой – старый) в словосочетаниях типа *зеленый юнец* и *зеленый от времени*. «Мне кажется, эти – даже не знаю, как их назвать – извивы зеленого цвета показывают его необыкновенную творческую мощь, обеспечивающую переход от (гипер)положительного (цвет жизни), к хтоническому, болезненному и к смерти, то есть повороты в противоположные стороны» [Цивьян, 2013:105].

Зеленый символизирует свободу, отсутствие препятствий, безопасность в словосочетаниях *зеленый сигнал светофора, зеленый свет, дать зеленый свет, зеленая волна, зеленая улица, зеленый коридор, зеленая карта, зелёный сертификат*.

Зеленый сигнал светофора означает, что путь свободен. Когда-то знаком свободы движения служил белый цвет, а *зеленый* – знаком предостережения. *Флаг зеленого цвета* в море сигнализировал о кораблекрушении [Фоли, 1997].

Словосочетание *зеленая волна* означает «свободный проезд (на *зеленый сигнал светофора*) на всем протяжении пути» [Мокиенко, Никитина, 2007]. Проиллюстрируем это значение примерами из СМИ:

К примеру, на Литейном проспекте такие светофоры были установлены, создана правильная «зеленая волна». [РБК, 2015.12]

Между тем, региональные наблюдатели отмечают, что поднятая либералами «зеленая волна» протестов идет на спад. [Иранская оппозиция потребовала освободить своих соратников // Vesti.ru, 2009.06]

Фразеологизм *дать зеленый свет* и производные от него *зеленая улица, дать зеленую улицу* часто встречаются в текстах СМИ в переносном значении – «не препятствовать какой-либо деятельности», что говорит о высокой степени символичности данных выражений:

Профессору тут же дается зеленый свет во всех СМИ [Независимая Молдова, 27.12.00].

«Поэтому необходимо оперативно снимать все разногласия и принимать закон, давать ему зелёный свет», – указала спикер. [Парламентская газета, 2021.12]

А для россиян и вовсе зеленая улица: попасть в Абхазию можно по внутреннему российскому паспорту. [Парламентская газета, 2018.08]

История русского языка демонстрирует совершенно другое значение выражения *зеленая улица*. Так назывались в царской армии две шеренги солдат в зеленых мундирах, в руках у каждого был шпигрутен (длинный гибкий прут или палка из лозняка), тоже *зеленый*. По такой «улице» прогоняли провинившихся, на которых с обеих сторон сыпались удары [МАС 1999].

Солдат прогоняют сквозь строй, и «зеленая улица» оказывается мучительной заменой расстрелу, во время публичного наказания палач может забить осужденного насмерть, но

власть не хочет во весь голос сказать: «Я его убиваю». [Алексей Филиппов. Кроткая Елизавета Петровна. 13 августа 1743 года в первый раз отменили смертную казнь (2002) // «Известия», 2002.12.08]

Близкое к первому значению выражения *зеленая улица* – словосочетание *зеленый коридор* (таможенный досмотр без заполнения декларации):

Если инструмент не имеет особого статуса, то с ним можно будет проходить через «зеленый коридор», ранее пояснил автор инициативы. [Скрипки и смычки будут маркировать перед вывозом за границу // Парламентская газета, 2021.11]

В ту же группу можно отнести номинацию *зеленая карта* – калька с английского *green card*: вид на жительство в Америке.

Российский предприниматель, экспортирующий бизнес в Америку, может получить не только бизнес-визу, но и через некоторое время – вид на жительство, так называемую «зеленую карту» [Деловой Петербург, 28.01.97].

В период пандемии появилось новое понятие – *зеленый сертификат*.

Иностранцы туристы, привитые «Спутником V» и получившие подтверждающие наличие антител к COVID-19 результаты серологического теста, в Израиле смогут получить «зеленый сертификат» о вакцинации. [Парламентская газета, 2021.12]

Психологический аспект цветообозначений отражается в соматических речениях (термин В.Г. Костомарова), таких как *покраснеть от стыда, белый от страха, почернеть от горя*, которые, в свою очередь, становятся источником создания метафор в языке современных СМИ. Перенос телесного опыта на опыт духовный подтверждает мысль о неразрывной связи первого и второго. Наиболее продуктивной моделью для прилагательного *зеленый* в этом отношении является конструкция *зеленый от (злости, страха, волнения, болезни)* и т. д.

Так вот, пока ты лежал, а потом так и уснул, он носился по дому весь зеленый от злости и страха. [Анатолий Мельник. Авторитет (2000)]

Зеленый от волнения и бессонницы, между ними слонялся врач. [В.К. Кетлинская. Мужество (1934–1938)]

Все еще зеленый от потери крови Левушка оживился, принялся рассуждать о том, есть Бог или нет и что говорит об этом великий Фридрих. [А.Н. Варламов. Лох (1994) // «Октябрь», 1995]

Многоплановость семантики словосочетаний с прилагательным *зеленый* в современном русском языке объясняется не только многообразием смысловых, в том числе ассоциативных, связей, присущих его значению, но и случайными совпадениями. Так, *зеленая тоска* – выражение, случайно попавшее в круг цветосимволов, так как *зеленая* здесь происходит от древнерусского *зельная* – «очень сильная» [Колесов, 2001:37]. Тем не менее оно употребляется в современном русском языке безотносительно к этимологии своего компонента. При этом значение «сильная» воспринимается как ничем не мотивированное и может использоваться для создания эффекта языковой игры. Пример такого употребления встретился в недавней телеви-

зионной передаче: *Тоска зеленого* (речь идет о долларе) – название темы в программе «Время» от 07.05.23.

Историко-культурные реалии наиболее ярко представлены в словосочетаниях *зеленое вино*, *зеленый змий*, *зеленая карета* и *зеленая палочка*.

Зеленое вино произошло от праславянского *зель* «трава, зелень». *Зеленое вино* – старинное название водки, вид хлебного вина, сдобренного пряными, душистыми или горькими травами [Даль, 1956: 677]. В «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях» А.С. Пушкина царевна, попав к богатырям, отказывается от зеленого вина, которое ей предложили.

*Рюмку полную наливали,
На подносе подавали.
От зеленого вина
Отрекалася она.*

Выражение *зеленый змий* получилось в результате соединения названия традиционного русского напитка *зеленое вино* и библейского *змий-искуситель*.

Зеленая карета – так иносказательно называли казенную, театральную карету, окрашенную в зеленый цвет: *Кто по часам не поджидал / Зеленую карету, / И водевилей не писал / На бенефис «предмету»*. Некрасов. Прекрасная партия [Михельсон, 1902]. Это словосочетание легло в основу названия художественного фильма «*Зеленая карета*» (1967) о судьбе петербургской актрисы Варвары Асенковой.

После уроков смотрел очень поэтичную картину «Зеленая карета» о трагической жизни актрисы В. Асенковой. [В.А. Швец. Дневник (1967)]

Зеленая палочка – символ счастья, история которого связана с Львом Николаевичем Толстым и началась в его детстве. Его старший брат Николай рассказал, что он обладает секретом, от которого все люди станут счастливыми. Секрет Николай записал на зеленой палочке и спрятал в Ясной Поляне в лесу у дороги на краю оврага. Толстой помнил эту историю всю жизнь и завещал похоронить себя там, где спрятана зеленая палочка.

«Юность» (Зеленая палочка), «Война и мир» Толстого – целый мир людей, которых мы знаем лучше, чем своих друзей и соседей. [А.Д. Сахаров. Воспоминания (1983–1989)]

По словам старшего брата писателя, тут закопана зеленая палочка [Едем в Тулу и Ясную Поляну // Комсомольская правда, 2011.05].

Кроме привычных устойчивых словосочетаний с прилагательным *зеленый* есть такие, которые появились благодаря произведениям известных писателей и обогатили русское языковое сознание новым взглядом на окружающий мир. Остановимся на одном из них. Это словосочетание *зеленое небо*. Мы находим его в произведениях И.А. Бунина, А.И. Куприна, В.П. Аксенова, А.А. Вознесенского.

Дым из труб дома поднимался в чистое зеленое небо ровными фиолетовыми столбами. [И.А. Бунин. Птицы небесные (1909)]

Я как раз смотрел в это время на удивительное зеленое небо над Кремлем, на старое золото его древних куполов... [И.А. Бунин. Окаянные дни (1925)]

Ее запирает огромный черный силуэт устремленной в зеленое небо ратуши. «Старый Тоомас» повернут лицом к нам. [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961]

Это всегда угадывающееся небо над Канадой, свободная природа до полюса: зеленое небо лета и белое – зимы. [Андрей Вознесенский. На виртуальном ветру (1998)]

Ремарк в нескольких своих произведениях сравнивает небо с зеленым яблоком; *А уносящий свет все разгорается, густеют его малиновые и золотые оттенки, исчезают синие тени лесов, деревья становятся черными, а небо над ними – яблочко-зеленое и полно розовыми парусами облаков* (Черный обелиск, гл. 17).

Дина Рубина в романе «На солнечной стороне улицы» пишет: *«А вот у Ремарка небо “цвета зеленого яблока” – тоже невозможно, если Вы его не видели. А Герих такое небо видел. И это был мой путь к постижению возможности такого неба: прочла – увидела на картине – увидела в жизни! И вот Вам путь на солнечную сторону улицы: от отрицания к созерцанию и принятию».*

Созерцание и принятие зеленого неба как принятие неисчерпаемых возможностей русского языка, возможностей одного слова вступать в неожиданные отношения с другим.

Список литературы

- Активный словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. имени В.В. Виноградова; под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. Т. 3: Д–З / Ред. тома: В.Ю. Апресян, И.В. Галактионова, Б.Л. Иомдин. СПб., 2017.
- Баско Н.В. Перифразы топонимов как источник страноведческих знаний // Язык и межкультурная коммуникация: современные векторы развития. Пинск, 2021. С. 636–645.
- Григорьева О.Н. Цвет и запах власти. Лексика чувственного восприятия в публицистическом и художественном текстах. М., 2004.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 1956.
- Зверева С.В. В мире солнечного света. М., 1988.
- Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Добро и Зло. СПб., 2001.
- Конецкий В.В. Третий лишний // Звезда. 1982. № 8. С. 7–100.
- Мильруд Р.П. Язык как символ культуры // Язык и культура. 2013. № 2(22). С. 43–60.
- Михельсон М.И. Русская мысль и речь: свое и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. СПб.: 1902–1903.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок: более 40 000 образных выражений. М., 2013.
- Новиков А.Б. Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики). М., 2004.
- Пастуро М. Зеленый. История цвета. М., 2022.
- Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М., 1996.
- Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М., 2003.

- Словарь русского языка: В 4 т. (МАС) / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1. М., 1999.
- Тропкина Н.Е.* Образ сада в русской поэзии конца XX – начала XXI века: фольклорные традиции // Литература в школе. 2016. № 8. С. 16–18.
- Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. М., 1935. Стб. 1091–1092.
- Фёдоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008.
- Фоли Дж.* Энциклопедия знаков и символов. М., 1997.
- Фрумкина Р.М.* Цвет, смысл, сходство: аспекты психолингвистического анализа. М., 1984.
- Цивьян Т.В.* К амбивалентности зеленого цвета: вступительное слово // Троица. Rusalii. Πεντηκοστή. Rrëshajët... К мотиву зеленого в балканском спектре (Материалы круглого стола 17 апреля 2012 года). М., 2013. С. 100–105.

Игра слов как способ коммуникативного взаимодействия и ее интерпретация при переводе

Понятие языковой игры, или «игры слов», является достаточно широким, вплоть до отождествления с каламбуром. Обычно языковая игра определяется как реализация нескольких значений слова или похожих по звучанию слов в одном и том же контексте, зачастую в виде шутки.

Сам термин «языковая игра», «игра слов» (*Sprachspiel*), связывают с работами философа Л. Витгенштейна, однако в его работах это понятие чрезвычайно многофункционально [Витгенштейн, 1985; 1994 и др.]. Для Витгенштейна языковые игры – во многом попытка адекватно решить проблему значения, способ выявления тех аспектов языка, которые обнаруживаются лишь в его функционировании. Это особое употребление языковых единиц, которое осознается автором высказывания в функциональном соотношении, т. е. соотносится со сферой общения и позволяет творчески использовать языковые средства. Вместе с тем подобная философская трактовка термина допускает очень широкое его понимание и размывает его границы. В частности, во многом именно поэтому А.П. Сковородников называет его «зыбким и противоречивым» [Сковородников, 2010].

В отечественном языкознании термин вошел в широкий научный обиход после публикации коллективной монографии «Русская разговорная речь» под ред. Е.А. Земской. Авторы главы «Языковая игра» изучают ее использование в разговорной речи и считают, что ее следует рассматривать как реализацию поэтической функции языка: «...это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т. д.)» [Земская, Китайгородская, Розанова, 1983: 172].

Н.В. Данилевская в «Стилистическом словаре русского языка» отмечает, что языковая игра представляет собой «определенный тип речевого поведения, который основан на сознательном изменении системных отношений языка с целью создания новых языковых структур, вызывающих эстетический эффект у получателя» [Стилистический словарь 2006: 657]. И.В. Цикушева определяет языковую игру как целенаправленное и осознанное манипулирование экспрессивными речевыми ресурсами, которое направлено на реализацию комического эффекта [Цикушева, 2010: 170]. В силу целенаправленности языковая игра всегда проявляется в речи с учетом конкретной ситуации. Это особенно справедливо для художественного произведения, где диалоги тщательно спланированы автором текста и все примеры языковой игры предназначены для определенного воздействия на адресата.

Упоминание комического эффекта очень часто встречается в определениях языковой игры и каламбура, а комическую функцию, как правило, относят к основным характеристикам языковой игры: в частности, в уже упомянутой монографии «Русская разговорная речь» авторы указывают, что языковая игра служит для того, чтобы «вызвать смех или улыбку, создать

ироническое отношение и шутливое настроение» [Земская, Китайгородская, Розанова, 1983: 174], а позже Е.А. Земская уточняет, что «языковая игра реализует функцию комического, а комизм основан на двуплановости восприятия, столкновении двух смыслов» [Земская, 2007: 192]. В.З. Санников вообще трактует языковую игру как словесную форму комического, которая, являясь отступлением от правил, позволяет четче определить норму и отметить многие особенности языка, которые могли бы остаться незамеченными. Он отмечает, что важнейшей функцией языковой игры, наряду с развлекательной, является создание новых слов, что способствует обогащению языка [Санников, 1995: 57]. При этом, как заключают О.В. Дедова и П.В. Григорьева, «одним из основных механизмов языковой игры является структурно-семантическая “неожиданность”, столкновение несопоставимого» [Дедова, Григорьева, 2018: 52].

Языковая игра является сложным, но важным средством, позволяющим создать в художественном произведении определенную комическую и/или ироническую атмосферу. Для текстов небольшого объема это довольно значимый художественный прием, который позволяет быстро достичь определенного эффекта.

В нашем исследовании мы бы хотели остановиться на некоторых примерах использования языковой игры как основы коммуникативного взаимодействия (или причины коммуникативной неудачи) и их интерпретации при переводе с английского на русский язык.

Для переводного текста игра слов является настоящим вызовом. Л.С. Бархударов констатирует, что «не существует двух различных языков, у которых смысловые единицы – морфемы, слова, устойчивые словосочетания – совпадали бы полностью во всем объеме своих референциальных значений. Хотя сами выражаемые значения в большинстве своем совпадают, но способы их выражения, <...> как правило, в разных языках расходятся более или менее радикальным образом» [Бархударов, 1975: 74]. Подобные несоответствия возникают и при передаче «обычного» высказывания, а в случае языковой игры ситуация становится намного более сложной. Попытка передать исходное выражение (или даже слово) превращается в непростую задачу для переводчика», поскольку место таких единиц и их коннотативные связи задаются языковой картиной мира носителей языка и самой системой языка, поэтому очевидно, что подобрать полный или просто адекватный эквивалент выражению бывает сложно или даже невозможно. Интересно, что, с точки зрения Л.С. Бархударова, передача игры слов – в принципе не всегда выполнимая задача для переводчика и зачастую при переводе приходится делать сноски с пояснением «непереводимая игра слов» [Бархударов, 1975: 137]. С.И. Влахов и С.П. Флорин указывают, что при переводе игры слов перед переводчиком стоит выбор: отказаться от нее и буквально передать содержание оригинала или сконцентрироваться на каламбуре и сохранить его за счет создания нового образа при переводе [Влахов, Флорин, 1986: 290]. При этом следует помнить, что мы имеем дело не с оригинальным текстом, а с его переводами, т. е. текстами, пропущенными через призму восприятия переводчика, поэтому далеко не во всех случаях возможен точный и тем более дословный перевод того или иного понятия.

Иллюстративным материалом исследования является рассказ Р. Желязны «Collector's Fever», опубликованный в 1964 г. в журнале «Galaxy», и его русские переводы. В данной ра-

боте мы рассмотрим 4 перевода: «Одержимость коллекционера» (Н. Галь, 1980 г.), «Коллекционный жар» (Н. Любимова, 1990 г.), «Страсть коллекционера» (Ш. Куртишвили, 1993 г.), «Страсть к коллекционированию» (И. Гурова, 1995 г.). При этом следует отметить (и это будет видно далее по примерам), что перевод Н. Любимовой явно основан на переводе Норы Галь: он издан спустя 10 лет и некоторые фрагменты буквально полностью копируют предыдущий вариант. Поэтому в ряде случаев мы не будем приводить такие фрагменты полностью, поскольку они идентичны.

Рассказ имеет незначительный объем и по большей части представляет собой диалог существ из двух совершенно различных цивилизаций: человека и разумного камня. Действие разворачивается на далекой планете, населенной такими негуманоидными жителями, смыслом жизни которых является накопление атомов, т. е. рост и увеличение. На планету прибывает молодой человек, который хочет привезти самый крупный разумный минерал в подарок своему дядюшке, коллекционирующему камни со всей галактики. На самом деле план юноши гораздо хитрее: он знает, что для этих камней главным событием в жизни (точнее, ее окончанием) является так называемое «дибление» – значение его становится понятно только из контекста: это взрыв. Поэтому он собирается привезти дяде камень, который в скором времени взорвется, и, таким образом, унаследовать состояние. Однако замысел замысел оказывается непродуманным, и камню удается «вздиблиться», т. е. взорваться, на своей родной планете, нарушив план молодого человека.

В нашем случае некоторые интересные варианты языковой игры – как использование разных значений у одних и тех же слов, так и создание новых слов по продуктивным моделям – связаны и со специфической ситуацией, и со специфичными участниками коммуникации.

Таблица 1

R. Zelazny	Н. Галь	Ш. Куртишвили
1. “Sorry, Rock , I’m afraid I don’t understand it all myself.” “The name is Stone .” “Okay, Stone .”	– Извини, Булыжник , но я и сам тут не все понимаю. – Меня зовут Камень . – Ладно, пускай Камень .	– Извини, Камень , честно говоря, я и сам не все понимаю. – Я не Камень, я Глыба . – Ну хорошо, Глыба
	И. Гурова	
	– Извини, Булыга , но я сам ее толком не понимаю. – Меня зовут Камень . – Камень так Камень .	

В самом начале рассказа мы видим попытки существ из совсем разных миров договориться, при этом их знания о картине мира собеседника друг другу не вполне соответствуют: человек многое знает о разумных минералах, а вот камень понимает не все и постоянно переспрашивает молодого путешественника, что значит то или иное слово. Однако и человек не

всегда правильно понимает своего собеседника: в частности, в самом начале диалога поднимается вопрос о том, как назвать обитателей этой планеты. В английском языке за этот аспект отвечает противопоставление синонимов *rock / stone*. Толковые словари английского языка дают такое разграничение: *stone* – кусок породы, камень как конкреция минерального вещества; *rock* – большая каменная масса¹.

В русских переводах мы видим попытки передать это жонглирование похожими обозначениями, при этом в текстах появляется всего 4 варианта: *камень, булыжник, булыга и глыба*. Слово «камень» является гиперонимом для «булыжника» (или его разговорной версии «булыга»), а «глыба» подчеркивает размер². Интересно, что ни в одном из переводов не используются другие синонимы: скала, валун и т. д. В качестве базового варианта далее мы будем использовать более частотное «камень».

Таблица 2

R. Zelazny	Н. Галь	Ш. Куртишвили
2. My uncle, who is a very important man , was supposed to send me to the Space Academy, but he didn't. He decided a liberal education was a better thing. So he sent me to his old spinster alma mater to major in nonhuman humanities .	Предполагалось, что дядюшка, человек с весом , пошлет меня учиться в Космическую Академию, но он этого не сделал. Ему больше по вкусу гуманитарное образование. И он отправил меня в университет, в эту допотопную скукотищу , изучать негуманоидные цивилизации .	Мой дядюшка очень важная персона . И он просто обязан был отдать меня в Космическую Академию. Но ему взбрело в голову, что гуманитарное образование гораздо более привлекательная штука, и он отправил меня в свою старушку альма-матер , изучать нечеловеческие сообщества .
	Н. Любимова	И. Гурова
	Предполагалось, что мой дядюшка, весьма весомый в обществе человек , пошлет меня учиться в Космическую Академию, но он этого не сделал. Ему больше по вкусу гуманитарное образование. И он отправил меня в университет, в эту допотопную альма-матер, изучать негуманоидные цивилизации.	Мой дядя, очень важный человек, должен был отдать меня в Космическую академию, а потом передумал. Решил, что гуманитарное образование будет лучше. И отправил меня в свою альма-матер – старую деву – специализироваться в области нечеловеческих человечеств .

Во втором примере есть несколько интересных случаев языковой игры: *very important man, old spinster alma mater, nonhuman humanities*.

Примечательно что в обоих поздних переводах *very important* переводится дословно – «очень важный». В варианте Любимовой это «весомый в обществе», что позволяет создать

¹ По материалам толкового словаря английского языка на портале Merriam Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/>

² По толковым словарям С.Н. Кузнецова, С.И. Ожегова.

языковую игру со значениями слова «весомый» – «веский, значимый» или «имеющий значительный вес». В варианте Норы Галь это «человек с весом», что, на наш взгляд, немного упрощает эту идею и в качестве приоритетного значения выдвигает вес как тяжесть, а не как влияние или значимость.

Выражение *old spinster alma mater* буквально означает «старая дева альма-матер». Этот вариант воспроизведен в переводе Гуровой и может быть не совсем понятен русскому читателю, поскольку выражение «старая дева», как правило, не используется для характеристики подобных объектов. В варианте Куртишвили встречается «старушка альма-матер», что производит впечатление снисходительного, но ласкового упоминания университета. В переводе Норы Галь (и Любимовой) акцент переносится на смысл высказывания: молодой человек хотел учиться в другом университете и уважения и пиетета перед вузом дядюшки не испытывает совершенно.

В последнем выражении в данном фрагменте (*nonhuman humanities*) уже в самом оригинале в качестве художественного приема используется тавтологичное сочетание. В переводах Норы Галь, Любимовой и Куртишвили передается общее значение данного термина: цивилизации, представленные существами других рас, не являющимися людьми, но, возможно, похожими на них. Самый интересный вариант, на наш взгляд, дан в переводе Гуровой – «не-человеческие человечества», где «человечество» выступает как синоним «цивилизации», что позволяет сохранить тавтологическое сочетание.

Пример 3 представляет переход к ситуации, когда Камень начинает понимать, что ему грозит перемещение, и пытается как-то этому воспрепятствовать. Во всех переводах эта часть диалога передается примерно одинаково, поэтому приведем ее отдельно по версии Норы Галь:

- Отлично, значит, с упаковкой будет проще.
- Что такое «упаковка»?
- Это когда кладут что-нибудь в ящик, чтобы переправить куда-нибудь в другое место.
- То есть передвинуть?
- Примерно.

Далее Камень понимает, что «упаковывать» будут именно его, и возражает против этого.

Таблица 3

R. Zelazny	Н. Галь	Ш. Куртишвили
3. "What are you planning on crating?" "Yourself, Stone." "I've never been the rolling sort..." ...Do you follow me?" "Yes, but I don't want to."	– А что ты собираешься упаковать? – Тебя, Камень. – Но я не из тех, которые скользят... ... Улавливаешь мою мысль? – Да, но я никуда не хочу двигаться.	– И что ты собираешься паковать? – Тебя, Глыба. – Но я не из породы голи перекатной... ... Поедешь со мной? – Да, но я не хочу.
	Н. Любимова	И. Гурова
	– А что ты собираешься упаковывать? – Тебя, Камень. – Но я не из тех, которые скользят. ... Улавливаешь мою мысль? – Да. Но я никуда не хочу перемещаться.	– И что ты намерен подвергнуть этой упаковке? – Тебя, Камень. – Я не из тех камней, которые перекатываются. ... Следуешь за ходом моей мысли? ... Да, но я не хочу следовать за тобой.

В первом случае языковой игры в оригинале используется форма глагола *to roll*, значение которой связано с различными обозначениями вращения, скольжения – иными словами, движения по поверхности. В переводах Галь и Любимовой используется именно такой вариант – «не из тех, которые скользят», похожую по значению лексему использует Гурова – «перекатываются». Интересный случай представлен у Куртишвили, который, вероятно, соотнес реплику персонажа (*I've never been the rolling sort*) с устойчивым фразеологизмом *rolling stone* – «человек, который ведет бродячую, неустроенную жизнь», что привело к появлению варианта «голь перекатная». Данный фразеологизм подходит здесь только условно, поскольку обозначает скорее нищих, бедноту, чем бродяг, однако слово «перекатная», как нам представляется, обеспечивает удачное созвучие глаголу «перекатываться», тем самым формируя каламбур.

Следующая реплика молодого человека представляет собой расписывание преимуществ, которые получит Камень, когда окажется в коллекции дядюшки. Герою в целом свойственно проверять, слушает ли его собеседник и понимает ли; он постоянно задает Камню вопросы, выполняющие фатическую функцию: «понял?», «улавливаешь мою мысль?». В данном случае в слове *follow* соединяются значения «следовать за кем-то» в значении «идти» и значение «понимать логику, ход мыслей»: отвечая «да, понимаю», Камень одновременно выражает свою позицию по поводу второго значения и отказывается ехать. В переводах Норы Галь и Любимовой это совмещение значений не отражено, используются разные лексемы (*улавливаешь* – не хочу

перемещаться). В переводе Куртишвили значение получается немного другим: поскольку он использует глагол движения «поехать», предполагающий какой-то транспорт, получается, что Камень согласен на переезд, хоть ему и не хочется этого делать. Интересный способ сохранить каламбур предлагается у Гуровой: «*следуешь* за ходом мысли» – «не хочу *следовать* за тобой». Это более длинная и тяжеловесная конструкция, которая тем не менее сохраняет оригинальное сочетание разных значений у одного слова.

В следующем примере представлен тот самый глагол *to deeble*, который является авторским неологизмом и значение которого приходится извлекать из контекста. Необходимо отметить, что переводы Галь, Любимовой и Гуровой последовательно сохраняют окказиональный корень («диблиться», «диблировать», «диблирование»), а в переводе Куртишвили этот глагол так же последовательно передается словом «расщепить, расщепиться», дважды в качестве девербатива встречается «распад».

Таблица 4

R. Zelazny	Н. Галь, Н. Любимова	Ш. Куртишвили
4. “But I want to deeble here, among the things I’ve become attached to!” “This is a crowbar. I’m going to unattach you.»	– Но я хочу диблиться здесь, среди всего, с чем я сросся нераздельно! – Вот лом. Я тебя от всего этого отделю.	– Но я хочу расщепиться здесь, среди вещей, к которым я привязан, прикипел , можно сказать. – Ничего, отдерем . Видишь эту штуку? Называется «лом».
	И. Гурова	
	– Но я хочу диблировать здесь, среди всего, что люблю! – Вот это лом. Сейчас я тебя сковырну .	

Каламбур в данной части диалога представлен использованием однокоренных глаголов *attach / unattach*, при этом *unattach* – это редко используемый вариант, для которого даже не во всех словарях есть определение (чаще в значении «отделить что-то» используется другой однокоренный глагол – *detach*). В русских переводах использовать однокоренные слова удалось только Норе Галь (и Любимовой); правда, это не однокоренные глаголы, а глагол и наречие с тем же корнем: «нераздельно сросся» – «отделить». В переводе Куртишвили передается только значение без языковой игры однокоренными словами («прикипел, сросся» – «отодрать»), а в переводе Гуровой ситуация представлена совсем иначе: «люблю» – «сковырну». Получается, что Камень просто привык к своему миру, он его *любит* и поэтому не хочет уезжать, в то время как в оригинале подразумевается, что Камень присоединен к планете, является ее частью, и чтобы его забрать, надо приложить определенные дополнительные усилия.

Таблица 5

R. Zelazny	Н. Галь, Н. Любимова	Ш. Куртишвили
5. But have you no compassion? <...> I've added so carefully to my atom collection, building up the finest molecular structure in the neighborhood. And now, to be snatched away right before deebbling time, it's – it's quite unrock of you.»	Но неужели ты не знаешь жалости? <...> Я так старательно собирал мою коллекцию атомов, ни у кого в окрестности нет лучшей молекулярной структуры. И вдруг... вырвать меня отсюда, когда вот-вот настанет время диблиться... с твоей стороны это просто бескаменно!	Но неужели в тебе нет хоть капли сострадания? <...> Я по атомам собирал свою коллекцию, выстроил самую прекрасную молекулярную структуру во всей округе. И вот теперь, перед самым распадом... срывать меня с места, куда-то везти – это не по-каменному с твоей стороны.
	И. Гурова	
	Но неужели у тебя нет ни капли сострадания? <...> Я с таким тщанием пополнял мою коллекцию атомов, создавая самую изящную молекулярную структуру в окрестностях. И теперь – быть изъятым отсюда перед самым диблированием. Это... это просто бескаменно с твоей стороны!	

Еще один пример словообразовательного неологизма, обеспечивающего языковую игру, мы видим в монологе Камня. Он пытается воззвать к совести молодого человека, указывая, что прожил здесь всю жизнь, с тех пор как был маленьким камушком, и хотел бы закончить эту жизнь здесь же, чтобы все соседи и друзья видели его великолепный финал. Кроме того, именно в этом фрагменте содержится указание на то, что сам Камень также является «коллекционером» – правда, довольно своеобразным, поскольку «коллекционирует» он атомы, присоединяя их к себе и изменяя свою молекулярную структуру. Пытаясь воздействовать на своего собеседника, Камень использует авторский неологизм *unrock* – по аналогии с *inhumane / unhumane*, которое можно было бы ожидать в данной позиции, тем самым подчеркивая свою принадлежность к другому типу разумных существ. Во всех переводах используется тот же прием – калькируется словообразовательная модель, только в переводах Галь, Любимовой и Гуровой в качестве модели выбран способ образования наречия «бесчеловечно» – «бескаменно», а в переводе Куртишвили – наречия «не по-каменному», по образцу конструкции «не по-человечески». Интересно также, что у Куртишвили сохраняется авторская точка в качестве знака препинания, а у Галь, Любимовой и Гуровой возникает восклицательный знак, усиливающий экспрессивность неологизма.

В завершение продемонстрируем варианты перевода заключительного генеритивного высказывания. Оно принадлежит одному из соседей Камня, который выражает свое восхищение великолепным распадом («диблением») главного героя.

Таблица 6

R. Zelazny	Н. Галь	Ш. Куртишвили
6. "An excellent deeble," agreed another. "It always pays to be a cautious collector."	– Да, великолепно вздвбился, – подтвердил другой. – Что ж, если ты хороший коллекционер, твои труды всегда увенчаются успехом.	– Прелестный распад! – согласился второй. – Ради этого стоит быть чудаком-коллекционером.
	Н. Любимова	И. Гурова
	– Великолепное дибление, – согласился второй. – Что ж, если ты усердный собиратель, твои труды всегда увенчаются успехом.	– Прекрасное диблирование. – согласился другой. – Тщательное коллекционирование всегда себя оправдывает.

Переводы Галь и Любимовой построены по одной модели: это обобщенно-личное предложение с использованием местоимения 2 лица с обобщающим значением (*ты, твои труды*). В переводах Куртишвили и Гуровой предложения построены без указания на конкретное лицо. Интересно отметить выбор лексем для перевода выражения *a cautious collector*: *Cautious* имеет значение «осторожный, внимательный, предусмотрительный», чему лучше всего соответствует вариант Гуровой – «тщательное коллекционирование», хотя и в виде общего названия занятия. Варианты «хороший коллекционер» и «усердный собиратель» в целом вполне адекватно передают смысл оригинала, хотя и несколько смещают акцент с идеи «предусмотрительности» на идею «хорошо собирать», т. е. активно пополнять коллекцию при удобном случае. Дальше всего от оригинала отходит перевод Куртишвили: «чудак-коллекционер» предполагает странное поведение, вызывающее недоумение у окружающих, в то время как в рассказе смысл именно в том, что Камень действует вполне социально одобряемо и его собратья в восторге от этой «коллекции».

Благодаря Э.Б. Кузьминой и А.В. Урже у нас была возможность посмотреть на редакторскую правку данного рассказа самой Норы Галь. Большая часть ее правок относится не к рассмотренным фрагментам языковой игры, а к другим особенностям рассказа, но правка данного предложения довольно примечательна. Переводчица рассматривала почти все основные варианты перевода слова *cautious* по словарю: так, в числе вариантов возникли «старательный коллекционер», «предусмотрительный коллекционер», но в итоге она остановилась все-таки на варианте «хороший», который не является буквальным переводом. Вероятно, выбор данной лексики подчеркивает универсальность качеств, которыми должен обладать этот самый «коллекционер», что увеличивает степень обобщенности данного предложения.

В целом все переводы довольно адекватно передают случаи языковой игры, сохраняя иронический эффект оригинала и даже конкретные языковые средства, с помощью которых он достигается (например, калькируя словообразовательную модель или используя многознач-

ное слово). При этом нельзя однозначно сказать, что какой-то из переводов значительно лучше, чем другие, с точки зрения наиболее точной передачи каламбура, поскольку для каждого перевода можно найти пример, где переводчик нашел более удачный вариант, отражающий оригинальные особенности языковой игры: так, среди рассмотренных вариантов нам кажутся очень удачными каламбуры И. Гуровой *нечеловеческие человечества*, «*Следуешь за ходом мысли? – Да, но не хочу следовать за тобой*», каламбуры Н. Галь «*нераздельно сросся*» – «*отделю*», у всех переводчиков получилось передать языковую игру со словами *бескаменно / не по-каменному*.

В качестве заключения хотелось бы отметить, что среди переводов названия, несмотря на чрезвычайно близкие варианты, нет полностью одинаковых наименований: «Одержимость коллекционера», «Коллекционный жар», «Страсть коллекционера», «Страсть к коллекционированию». При этом английское слово *fever* имеет несколько значений, как физиологическое – связанное с повышением температуры, лихорадкой, так и переносное значение – состояние повышенной или интенсивной эмоции или активности, заразительный энтузиазм. Интересно, что в первоначальном варианте названия у Норы Галь была также «страсть», но позднее она изменила ее на «одержимость», тем самым подчеркивая высокую степень увлеченности всех персонажей своими идеями: заочно упомянутого дядюшки – своей коллекцией (единственное прямое значение), хитрого молодого человека – своим планом по добыче наследства, Камня – стремлением довести до конца идеальную атомную структуру.

Источники иллюстративного материала

- Желязны Р.* Коллекционный жар / Пер. Н. Любимовой // *Желязны Р. Повелитель Теней.* Одесса: Хайтех, 1990. С. 168–170.
- Желязны Р.* Одержимость коллекционера / Пер. Н. Галь // *Звезда по имени Галь. Заповедная зона* / Сост. Эдварда Кузьмина. М.: Мир, 1999. С. 37–41.
- Желязны Р.* Страсть к коллекционированию / Пер. И. Гуровой // *Желязны Р. Игра крови и пыли.* М.: Эксмо, 2004. С. 403–406.
- Желязны Р.* Страсть коллекционера / Пер. Ш. Куртишвили // *Желязны Р. Создания света – создания тьмы* / Сост. О. Пуля. М.: Аргус, 1993. С. 332–336.

Литература

- Бархударов Л.С.* Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
- Витгенштейн Л.* Философские исследования // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. XVI. М., 1985. С. 79–129.
- Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 2. Кн. 1. М.: Гнозис, 1994. XLII с., 213 с.
- Влахов С.И., Флорин С.П.* Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1980. 342 с.
- Дедова О.В., Григорьева П.В.* Игровое словообразование в современном русском языке // *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология.* 2018. № 5. С. 49–63.

- Земская Е.А. Игровое словообразование // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 186–193.
- Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. Е.А. Земская. М.: Наука, 1983. С. 172–214.
- Санников В.З. Каламбур как семантический феномен // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 56–69.
- Сковородников А.П. Об определении понятия «языковая игра» // Игра как прием текстопо-
рождения: коллективная монография. Красноярск: Сибирский федеральный универси-
тет, 2010. С. 46–62.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М.:
Флинта: Наука, 2006. 696 с.
- Цикушева И.В. Феномен языковой игры как объект лингвистического исследования // Изве-
стия РГПУ имени А.И. Герцена. 2010. № 90. С. 169–171.

Симметрия и асимметрия при выражении симметричных валентностей у антонимов типа *соединить – разъединить*

1. Теоретические основания и гипотеза исследования. В данной работе в центре внимания находятся антонимы типа *соединить – разъединить (провода)*¹: первый член такого противопоставления обозначает действие, имеющее определенный результат, а второй – ликвидацию, уничтожение результата этого действия. Для удобства *соединить* и подобные ему глаголы мы называем в данной работе результатами, а глагол *разъединить* и подобные ему – ликвидативами; при этом анализируются только такие пары, в которых ликвидатив имеет в своем составе приставку *раз-* и не имеет постфикса *-ся*.

Проблема антонимии привлекает внимание исследователей уже не одно десятилетие (см., например: [Шмелев, 1964], [Новиков, 1973], [Апресян, 1995] и др.). При анализе антонимов типа *соединить – разъединить (провода)* мы опираемся главным образом на идеи, высказанные в [Апресян, 1995].

Ю.Д. Апресян выделяет несколько типов антонимии: тип ‘начинать’ – ‘переставать’ (Anti1), тип ‘действие’ – ‘уничтожение результата действия’ (Anti2), тип ‘Р’ – ‘не Р’ (Anti3), тип ‘больше’ – ‘меньше’ (Anti4). Антонимия первого типа представлена, например, в парах *вливать – выливать, приехать – уехать, входящий – исходящий* и т. п.; антонимия второго типа – в парах *слепить – разлепить (страницы), согнуть – разогнуть (медный пятак), приколоть – отколоть (цветы от шляпки)* и т. д.; антонимия третьего типа реализуется, например, в парах *влажный – сухой, соблюдать – нарушать, логичный – алогичный* и т. д.; антонимия четвертого типа – в парах *большой – маленький, частый – редкий, много – мало* [Апресян, 1995: 288–297]. Эти четыре типа антонимии охватывают большую часть антонимов русского языка; «остальные группы слов из числа тех, которые часто признаются антонимами, значительно уступают рассмотренным по объему» [Апресян, 1995: 297].

Антонимы *соединить – разъединить* и подобные им представляют антонимию типа ‘действие’ – ‘уничтожение результата действия’.

Опираясь на собственную классификацию антонимов, Ю.Д. Апресян постулирует следующее: «А и В, принадлежащие к одной (глубинной) части речи, суть антонимы, если либо А = ‘Р’, В = ‘не Р’, причем ‘Р’ и ‘не Р’ в совокупности исчерпывают значения некоторого (бинарного) признака; либо А = ‘PR’, а В = ‘Р не R’; либо А = ‘Р больше R’, а В = ‘Р меньше R’» [Апресян, 1995: 302]. Прямым следствием из этого определения является то, что антонимы имеют одинаковое число семантических валентностей. Некоторые из них не всегда совпадают содержательно на поверхностном уровне, но на одном из уровней разложения обязательно приобретают одинаковое содержание.

¹ Здесь и далее в целях экономии места не уточняется, какое значение или какие значения глагола анализируются (если глагол многозначный), поскольку это можно понять по приведенным речениям.

Несмотря на сходство семантического устройства антонимов, Ю.Д. Апресян указывает на их семантическую асимметричность – «один из антонимов семантически сложнее, чем другой» [Апресян, 1995: 286], которая характерна для подавляющего большинства русских антонимов. Случаи семантической равноправности антонимов немногочисленны: *анализ – синтез, индукция – дедукция, испарять – конденсировать, замерзнуть – оттаивать* и т. п. (примеры из [Апресян, 1995: 304]).

Для большинства же антонимов справедливо, что «лишь на первый взгляд кажется безразличным, истолкуем ли мы *влажный* через *сухой* (*влажный* = ‘не сухой’) или наоборот (*сухой* = ‘не влажный’)» [Апресян, 1995: 302]. Более глубокий семантический анализ этих антонимов показывает, что *влажный* – исходный, а *сухой* – семантически производный член этой антонимической пары, значение которого сложнее на компонент смысла ‘не’: *влажный* = ‘содержащий влагу’, *сухой* = ‘не содержащий влаги’.

Семантическая асимметричность антонимов может приводить к разного рода ограничениям их сочетаемости, т. е. влиять на синтаксические свойства антонимичных слов. Большой дистрибутивной свободой обладает семантически более простой член каждой антонимической пары. Ю.Д. Апресян иллюстрирует эту идею, рассматривая синтаксические особенности антонимов в паре *навьючить – развьючить (верблюда)*, в которой *развьючить* семантически произведен от *навьючить*. Сочетаемостные возможности *развьючить* уже, чем у *навьючить*: он не способен присоединить зависимое со значением снимаемого с животного груза. Так, возможны сочетания *навьючить верблюда* и *развьючить верблюда*, *навьючить верблюда тюками*, но невозможно **развьючить верблюда от тюков*, что позволяет Ю.Д. Апресяну фиксировать у *развьючить* невыразимую валентность [Апресян, 1995: 304–305]².

Итак, пара антонимов *навьючить – развьючить* и подобные им (*завернуть хлеб (в целлофан) – развернуть хлеб, одеть ребенка (в пальто) – раздеть ребенка*) приводятся Ю.Д. Апресяном в качестве иллюстрации асимметричности синтаксического поведения антонимов типа ‘действие’ – ‘уничтожение результата действия’.

Однако синтаксические свойства некоторых антонимов практически полностью симметричны. Так устроены, как показано в [В. Апресян, 2022], например, антонимы *увеличиться – уменьшиться*. Про антонимию же типа ‘создание’ – ‘ликвидация’ и здесь сказано, что она существенно меняет управляющие свойства: *привязать осла к дереву веревкой*, но *отвязать осла от дерева* при невозможности **отвязать веревкой* [В. Апресян 2022: 206].

Итак, синтаксическое поведение антонимов может быть как сходным, так и различным, причем от антонимов типа ‘действие’ – ‘уничтожение результата действия’ ожидается, скорее, демонстрация различных синтаксических свойств. Проверка этой гипотезы на материале антонимов типа *соединить – разъединить* является целью данной работы. Выявление сходства или различия синтаксического поведения анализируемых антонимов позволит понять способ

² См., однако, [Мухачёва, 2019], где предложена иная трактовка подобных глаголов, отрицающая наличие у них невыразимых валентностей.

их лексикографического представления: могут ли эти глаголы описываться единообразно, или каждое из таких слов требует индивидуального подхода при описании.

2. Анализ материала. Глаголы *соединить* – *разъединить* обозначают ситуации, в которых результатом первого действия является возникновение контакта между предметами (*соединить провода*) или деталями / частями одного предмета (*соединить концы веревки*)³, а результатом второго действия – ликвидация этого контакта (*разъединить провода, разъединить концы веревки*).

Семантику, аналогичную семантике *соединить* – *разъединить*, имеют следующие стилистически нейтральные антонимы: *связать / завязать* – *развязать (тесемки)*, *сдвинуть* – *раздвинуть (занавески)*, *состыковать* – *расстыковать (корабли)*, *сцепить* – *расцепить (вагоны)*.

Интересно отметить, что в ситуациях, называемых всеми вышеперечисленными глаголами, есть по два участника с одинаковыми ролями – это те предметы или детали, между которыми устанавливается или ликвидируется контакт. Значит, соответствующие глаголы имеют по две эквивалентные в смысловом отношении семантические валентности, которые представляется возможным обозначить Пациенс 1 и Пациенс 2, подчеркнув одинаковыми названиями, но разными числовыми индексами сходность ролей данных участников в ситуации. Помимо двух Пациенсов, в каждой ситуации, называемой анализируемыми глаголами, имеется активно действующий участник – Агенс.

Важно подчеркнуть, что участников с функцией Пациенс не может быть меньше двух, иначе был бы невозможен контакт между ними. Иными словами, необходимо зафиксировать наличие именно двух участников с одинаковой ролью Пациенс. Если же в реальной ситуации предметов или частей предмета, выполняющих эту роль, больше, чем два, это никак не меняет устройства ситуации.

Наличие двух эквивалентных в смысловом отношении семантических валентностей – характерная особенность симметричных предикатов типа *дружить, целоваться, ссориться* и т. п., описанных в [Иомдин, 1979]. Помимо этой особенности, Л.Л. Иомдин отмечает еще одну: симметричные валентности подобных предикатов могут иметь специфику при реализации [Иомдин, 1979: 102–103].

К специфическим способам реализации симметричных валентностей относятся следующие способы, названные Л.Л. Иомдиным: сочинительная конструкция, оформленная посредством союза *и* (*А и В совпадают*); комитативная группа с предлогом *с* (*Мы с ним обменялись адресами*); существительное во множественном числе (*Друзья долго прощались*); существительное с коллективным значением (*Наша группа условилась встретиться на вокзале в половине десятого*); количественная группа (*Двое иностранцев изъяснялись жестами*) и др. [Иомдин, 1979: 102–103]. Если две симметричные валентности выражены одним словом или количественной группой (*Друзья долго прощались* и т. п.), говорят об их синкретическом выражении.

³ В некоторых ситуациях контакта между предметами или деталями / частями одного предмета не возникает, но они, практически соприкасаясь, оказываются на минимальном расстоянии друг от друга.

Поскольку анализируемые в данной работе глаголы, обладая двумя эквивалентными в смысловом отношении семантическими валентностями, являются симметричными предикатами, при рассмотрении их синтаксического поведения учитываются все возможные способы реализации симметричных валентностей, перечисленные Л.Л. Иомдиным, за исключением реализации их существительным с коллективным значением, что объясняется спецификой семантики подобных антонимов: в обозначаемых ими ситуациях в качестве Пациентов вряд ли возможны живые существа, для называния которых используются существительные с коллективным значением.

Источником материала служат данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Контексты, найденные в НКРЯ, сопровождаются указанием автора или источника, если контекст взят из средств массовой информации. При недостатке материала в НКРЯ мы обращаемся к Google Books, указывая этот источник в круглых скобках после извлеченного оттуда контекста.

Для наглядности результаты анализа синтаксического поведения глаголов каждой антонимической пары (или тройки) представлены в виде отдельных таблиц, после которых приводятся необходимые пояснения и делаются некоторые обобщения.

В *Таблице 1* представлены способы реализации симметричных валентностей глаголов *соединить – разъединить*.

Таблица 1. Способы реализации симметричных валентностей антонимов соединить – разъединить

Способ реализации симметричных валентностей	Соединить	Разъединить
Сочинительная группа с и	<i>Решили соединить лопасть весла и верхний обломок (Ю. Сенкевич).</i>	<i>Поток людей разъединил и развел мальчика и бабушку в разные стороны (Google Books).</i>
Комитативная группа с с	<i>Он придвинулся к ней, привлек к себе и соединил свои губы с ее губами (А. Уткин).</i>	<i>Все трое тотчас же принялись за уборку: жаровню запрятали в самый дальний угол хижины, тонуций во мраке, мнимую реторту разъединили с трубкой (Google Books).</i>
Сущ. во мн. ч.	<i>Он соединит проводки, и мотор заведется (В. Аксенов).</i>	<i>Она протянула к нему руки, нащупала сзади под воротником зажим и легко разъединила резинки (В. Пронин).</i>
Количественная группа	<i>За счет того, что три стекла соединили в одно, свет преломился (И. Попов).</i>	<i>Как видите, разъединить эти две полусферы не составляет никакого труда (Б. Сарнов).</i>

Данные, приведенные в *Таблице 1*, показывают, что антонимы *соединить – разъединить* демонстрируют сходное синтаксическое поведение, причем реализуют свои симметричные валентности четырьмя разными способами.

В *Таблице 2* содержатся контексты, в которых проявлены на синтаксическом уровне симметричные валентности антонимов *связать / завязать – развязать*.

Таблица 2. Способы реализации симметричных валентностей антонимов связать / завязать – развязать

Способ реализации симметричных валентностей	Связать	Завязать	Развязать
Сочинительная группа с и	<i>Сашика еще раз банку с песком загрузил и на этот раз крепко веревкой связал банку и галошу (А. Приставкин).</i>		
Комитативная группа с с	<i>Гена сдернул варезжки, связал одну с другой узлом и сунул в карман (Е. Маркова).</i>		
Сущ. во мн. ч.	<i>Он связал ему лапы (А. Слаповский).</i>	<i>Павка бросил себе на спину свитер, завязал рукава на груди (В. Рыбаков).</i>	<i>Он аккуратно развязал тесемки и опустил уши на Пашикиной шапке (А. Мишарин).</i>
Количественная группа	<i>Бритоголовый связал две бахилы (Л. Улицкая).</i>		

Контексты, помещенные в *Таблице 2*, демонстрируют различное синтаксическое поведение результатов *связать* и *завязать*: *завязать* способен реализовать симметричные валентности только существительным в форме множественного числа, тогда как *связать* выражает симметричные валентности всеми рассмотренными способами. Ликвидатив *развязать* сходен с *завязать*: единственный способ реализации его симметричных валентностей – существительное в форме множественного числа.

Таблица 3 содержит контексты употребления антонимов *сдвинуть – раздвинуть*.

Таблица 3. Способы реализации симметричных валентностей антонимов *сдвинуть* – *раздвинуть*

Способ реализации симметричных валентностей	Сдвинуть	Раздвинуть
Сочинительная группа с и	<i>Если вы на узком столе сдвинете монитор и клавиатуру относительно друг друга, автоматически «сдвинется» и ваш позвоночник, что создаст его деформацию (Домашний офис // «Биржа плюс свой дом»).</i>	
Комитативная группа с с	<i>Подано было вино, и все дружно сдвинули свои бокалы с бокалом Иванова (М. Авдеев).</i>	
Сущ. во мн. ч.	<i>Но мама сдвинула брови и отчитала принцессу (Д. Сабитова)</i>	<i>Дед подошел к окну, раздвинул занавески (И. Корниенко).</i>
Количественная группа	<i>Археологи сели вместе, сдвинув два стола (Ю. Рытхэу).</i>	

Данные, приведенные в *Таблице 3*, отражают различие в выражении симметричных валентностей у антонимов *сдвинуть* – *раздвинуть*. Результатив *сдвинуть* реализует симметричные валентности несколькими способами, а ликвидатив *раздвинуть* – только одним, присоединяя существительное в форме множественного числа.

В *Таблице 4* представлены способы реализации симметричных валентностей глаголов *состыковать* – *расстыковать*.

Таблица 4. Способы реализации симметричных валентностей антонимов *состыковать* – *расстыковать*

Способ реализации симметричных валентностей	Состыковать	Расстыковать
Сочинительная группа с и	<i>29 июня 1995 г. впервые состыковали российский «Мир» и американский «Шаттл Атлантис» (Google Books).</i>	<i>Перед этим привезли ее туда, расстыковав крылья и киль (Ф. Чуев).</i>
Комитативная группа с с	<i>Наконец, космический аппарат состыковали с ракетой (С. Морозов).</i>	<i>Фургон был сконструирован таким образом, что можно было легко расстыковать заднюю ось с артиллерийским орудием (Google Books).</i>

Сущ. во мн. ч.	<i>Квадраты из 9-ти блоков шейте между собой, а затем состыкуйте линии центра (Л. Банакина).</i>	<i>Кабели СЭП расстыковали? (Ю. Усачев).</i>
Количественная группа	<i>Здесь, правда, производители схитрили: состыковали две панели одинакового размера (За пределами реальности // «Мир & Дом. City»).</i>	<i>Надо было расстыковать большое количество разъемов (Google Books).</i>

Данные в *Таблице 4* показывают, что антонимы *состыковать – расстыковать* синтаксически ведут себя сходным образом, выражая симметричные валентности четырьмя разными способами.

Таблица 5 содержит контексты употребления антонимов *сцепить – расцепить*.

Таблица 5. Способы реализации симметричных валентностей антонимов сцепить – расцепить

Способ реализации симметричных валентностей	Сцепить	Расцепить
Сочинительная группа с и	<i>Колясники и колясницы тихо шепчутся, сцепив колеса и пальцы (М. Петросян).</i>	<i>– Брысь! – орала на них старшие. Последними расцепили Спортсмена и Слепого (М. Петросян).</i>
Комитативная группа с с	<i>Тогда он сцепил Серого мальчика с Серенькой девочкой, подался от хора в сторону (В. Бахревский).</i>	<i>Невозможно было осторожно расцепить Джулиана с Эммой (Google Books).</i>
Сущ. во мн. ч.	<i>Маша с Людой сцепили локти (А. Уткин).</i>	<i>Там все началось, когда стали колеса менять и расцепили вагоны (Т. Замировская).</i>
Количественная группа	<i>Бенгальский сцепил обе руки ладонь к ладони (М. Булгаков).</i>	<i>Если же водящий попадает в игрока, а тот не успевает расцепить обе руки, то а) игрок с водящим меняется ролями, б) игрок выбывает, а вся цепь смыкается (Google Books).</i>

Контексты употребления антонимов *сцепить – расцепить* демонстрируют симметричность их синтаксического поведения: их симметричные валентности реализуются сочинительной группой с *и*, комитативной группой с *с*, существительным в форме множественного числа и количественной группой.

3. Выводы. Итак, все рассмотренные в работе глаголы обладают симметричными валентностями, которые, как было сказано выше, могут иметь специфику при реализации. Подводя итоги, охарактеризуем сначала способы синтаксического выражения симметричных валентностей у результативов и ликвидативов по отдельности, а затем сопоставим их.

Синтаксическое поведение всех результативов, за исключением *завязать*, сходно: они способны реализовать симметричные валентности сочинительной, комитативной, количественной группами и существительным во множественном числе. У *завязать* симметричные валентности выражаются единственным способом – существительным во множественном числе. Интересно отметить тот факт, что два результата, соответствующие ликвидативу *развязать*, – *связать* и *завязать* – ведут себя по-разному. Возможно, это обусловлено нюансами их значений и/или их словообразовательной структурой.

Три из пяти ликвидативов (*разъединить*, *расстыковать*, *расцепить*) выражают свои симметричные валентности так же, как большинство результативов. Два других – *развязать* и *раздвинуть* – присоединяют только зависимое во множественном числе, т. е. реализуют симметричные валентности единственным способом. Этот факт служит подтверждением мысли о том, что семантически более простые члены антонимических пар или троек (*связать*, *сдвинуть*) обладают большей дистрибутивной свободой в отличие от семантически более сложных членов таких противопоставлений (*развязать*, *раздвинуть*).

Итак, члены трех из пяти рассмотренных антонимичных пар или троек демонстрируют единообразие при реализации симметричных валентностей: синтаксическое поведение в антонимичных парах *соединить* – *разъединить*, *состыковать* – *расстыковать*, *сцепить* – *расцепить* сходно. На материале этих пар не подтверждается гипотеза о том, что антонимы типа ‘действие’ – ‘уничтожение результата действия’ демонстрируют разное синтаксическое поведение.

Однако отчасти эта гипотеза все же справедлива: некоторые из рассмотренных антонимов синтаксически ведут себя по-разному. Например, в паре *сдвинуть* – *раздвинуть* результатив *сдвинуть* имеет больше способов реализации симметричных валентностей, чем ликвидатив *раздвинуть*. В тройке *связать* / *завязать* – *развязать* синтаксическое поведение *развязать* сходно с синтаксическим поведением *завязать*, но отличается от синтаксического поведения *связать*. Выявленная «несимметричность» выражения симметричных валентностей подтверждает также мысль Л.Л. Иомдина об идиоматичности реализации таких валентностей.

Таким образом, антонимы типа *соединить* – *разъединить* синтаксически ведут себя довольно прихотливо, что, возможно, обусловлено наличием у них симметричных валентностей. При этом все-таки синтаксическое поведение членов трех из пяти пар сходно.

Представляется, что *соединить* – *разъединить*, *состыковать* – *расстыковать*, *сцепить* – *расцепить*, имеющие одинаковые синтаксические свойства, могут получить единообразное лексикографическое представление: их одинаковые синтаксические особенности удобно описывать в словаре единообразно. *Сдвинуть* – *раздвинуть*, *связать* / *завязать* – *развязать*, демонстрируя различия в синтаксическом поведении, получают иное лексикографиче-

ское описание, поскольку реализуют свои симметричные валентности не такими же способами, как *соединить – разъединить, состыковать – расстыковать, сцепить – расцепить*.

Литература

1. *Апресян В.Ю. Цены растут, зарплата падает: актантная структура глаголов увеличения и уменьшения в русском языке // Russian Journal of Linguistics. 2022. Т. 26. № 1. С. 194–223.*
2. *Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика. М., 1995.*
3. *Иомдин Л.Л. Симметричные предикаты в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1981. С. 89–105.*
4. *Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике). М.: Изд-во Моск. ун-та. 1973.*
5. *Мухачёва И.В. Семантические валентности глагола *растегнуть* и явление невыразимости валентностей // Rhema. Рема. 2019. № 1. С. 48–64.*
6. *Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964.*

Научное издание

Ольга Николаевна **Григорьева**, Валерия Витальевна **Каверина**,
Анна Борисовна **Коконова**, Елена Ивановна **Литневская**,
Ирина Валерьевна **Мухачёва**, Наталья Владимировна **Николенкова**,
Виктор Сергеевич **Савельев**, Ганна Алексеевна **Филатова**,
Владимир Юрьевич **Шатин**, Мария Владимировна **Шульга**

АСПЕКТЫ ОПИСАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА:
ДИАХРОНИЯ И СИНХРОНИЯ

Коллективная монография

Ответственные редакторы М. Л. Ремнёва, В. С. Савельев

Составитель И. В. Мухачёва

Электронное издание сетевого распространения

Художественное оформление *К. В. Саутенков*

Макет подготовлен на филологическом факультете МГУ
имени М. В. Ломоносова

Макет утвержден 04.09.2024. Формат 60×90/8. Изд. № 12834.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com
<http://msupress.com>. Отдел реализации:
тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

ISBN 978-5-19-012060-8

9 785190 120608